

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Алексеева О. В.* Фольклорный и литературный код в любовной линии романа «Несчастный Никанор» 330
- Баранов Д. К.* К вопросу о повествовательной структуре рассказа В. Пелевина «Ника» 340
- Матвеев Е. М.* Оды В. П. Петрова и оды М. В. Ломоносова: словесная и ритмико-синтаксическая формульность 354
- Тимашиова О. В.* «Литературные» эпизоды романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» и журнальная биография писателя 367
- Уракова А. П.* От симпатии к заражению: «Писец Бартлби» и филантропический дискурс США середины XIX в. 376

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Белов В. А.* Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) 390



Богданова К. В. Передача особенностей интертекстуальных включений при переводе с английского языка на русский (на материале названий эпизодов англоязычных мультипликационных телесериалов).....	412
Караваева В. Г. Перцептивные характеристики интервокальных согласных реализаций на месте орфографических <i>-t-</i> , <i>-tt-</i> (на материале британского новостного аналитического дискурса).....	424
Колесов В. В. «Первосмысл» концепта	438
Nosov A. V. Statistical analysis of near-synonymous words <i>list</i> and <i>catalog</i> in R.....	453
Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика тридцать лет спустя.....	465
Солнцева Е. С. Виды связности в медиадискурсе	481

ЖУРНАЛИСТИКА

Балахонская Л. В., Быков И. А. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы».....	492
Жилякова Н. В., Карташова Т. П. «Информационная поддержка» школьной журналистики Сибири на страницах газеты «Сибирская жизнь» (1916–1917 гг.)	507

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-73026
от 6 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Редактор О. В. Косенко
Корректор Е. В. Величкина
Компьютерная верстка Ю. Ю. Тауриной

Подписано в печать 15.10.2018. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 75 экз. (1-й завод). Заказ № . Цена свободная.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11.
Тел./факс 328-44-22.

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

CONTENTS

LITERARY STUDY

<i>Alekseeva O. V.</i> Folk and literary code in the love line of the novel “Wretched Nicanor”	330
<i>Baranov D. K.</i> Revisiting the narrative structure of the short story “Nika” by V. Pelevin.....	340
<i>Matveev E. M.</i> Odes by V. P. Petrov and odes by M. V. Lomonosov: Word and rhythmic-syntactic formulas.....	354
<i>Timashova O. V.</i> “Literary” episodes of the novel by A. F. Pisemsky “Thousands of Souls” and journal biography of the writer	367
<i>Urakova A. P.</i> Between sympathy and contagion: “Bartleby the Scrivener” and the US charity discourse of the mid-19 th century	376

LINGUISTICS

<i>Belov V. A.</i> Interchangeability as the feature of synonymy (experimental and corpus research).....	390
<i>Bogdanova K. V.</i> Ways of conveying the properties of intertextual insertions when translating from English into Russian (based on the titles of episodes from English-language animated television series).....	412
<i>Karavaeva V. G.</i> Perceptual features of intervocalic consonant realizations used for <i>-t-</i> , <i>-tt-</i> (based on British news analytic discourse)	424
<i>Kolesov V. V.</i> “Pervosmysl” of the concept.....	438
<i>Nosov A. V.</i> Statistical analysis of near-synonymous words <i>list</i> and <i>catalog</i> in R.....	453
<i>Skrebtsova T. G.</i> Contemporary cognitive linguistics: Thirty years after	465
<i>Solntseva E. S.</i> Types of coherence in media discourse.....	481

JOURNALISM

<i>Balakhonskaya L. V., Bykov I. A.</i> Verbal aggression in political blogs: A case of the “Echo of Moscow”	492
<i>Zhilyakova N. V., Kartashova T. P.</i> “Information support” of school journalism of Siberia in the newspaper “Siberian Life” (1916–1917)	507

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-31

Алексеева Оксана Витальевна

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Россия, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17;
je1vu@yandex.ru

Фольклорный и литературный код в любовной линии романа «Несчастный Никанор»

Для цитирования: Алексеева О. В. Фольклорный и литературный код в любовной линии романа «Несчастный Никанор» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 330–339. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.301>

В литературоведении устоялось представление о первой и второй частях романа «Несчастный Никанор» как о произведении, опирающемся, с одной стороны, на факты биографии автора (А. П. Назарьева), с другой стороны — на традиции русской и европейской литературы. В центре романа — спасение героем прекрасной незнакомки, в отношении к которой со стороны различных мужчин прослеживаются как рыцарское поклонение, так и похоть. Ухаживание героя развивается, казалось бы, по модели галантного романа Нового времени, выраженной, впрочем, языком сентименталистской литературы. Вместе с тем в повествовании значимы фольклорные мотивы, образы и ситуации: герои будут встречать истинных и ложных помощников, преодолевать препятствия; Анета, подобно невесте в волшебной сказке, будет пребывать в своеобразном «иномирии», ожидая жениха, а сам Никанор вынужден совершать действия, прочитываемые как испытания жениха. И хотя фольклорный — сказочный — «код» явно положен в основу сюжета, он дает частые «сбои». Так, Анете противопоставляется Елеонора, наделенная, в отличие от нее, не только красотой, но и умом и выполняющая функции соперницы, испытательницы, помощницы. Могущий быть прочитанным и в мифологическом (Елеонора ассоциируется то с мудрой девой, то с богиней забвения, то с богиней красоты), и в реалистическом (она — умная, образованная и деликатная девушка, едва не попавшая в неприятное положение из-за ветрености Никанора) ключе, образ Елеоноры позволяет раскрыться комической стороне обращения главного героя с дамами. Никанор по мере развития действия меняет свои «роли», уподобляясь то жениху, проходящему испытания, то герою рыцарского романа, то чувствительному герою сентименталистской литературы, то авантюрному герою греческого романа. Автор «Несчастливого Никанора» ведет поиск литературной формы, адекватной для

описания конкретного жизненного материала. Этот поиск, в современной его интерпретации, показывает, что готовые жанровые модели были пережиты писателем конца XVIII в. как формы, не способные описать и объяснить неготовый, вечно становящийся процесс человеческой жизни.

Ключевые слова: *Несчастный Никанор*, галантный роман, рыцарский роман, авантюрный роман, волшебная сказка, тема судьбы, русская литература XVIII в.

Роман «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****» неоднократно оказывался предметом внимания исследователей [Сиповский 1910; Шкловский 1929; Автухович 1991; Автухович 1995; Автухович 2016; Калашникова 1991 и др.]. Общим местом в работах, посвященных анализу романа, является мысль о том, что сюжет этого произведения рождается на стыке реального (жизненно достоверного) и вымышленного (условно-литературного) материала. Как убедительно доказала Т. Е. Автухович, в основу биографии героя романа была положена жизнь реального человека, Александра Петровича Назарьева, который, вероятнее всего, является и автором романа. Служивший в армии кондуктором третьего класса, он был направлен в Ригу, куда в 1747 г. прибыл начальник над инженерными и артиллерийскими войсками В. А. Репнин. Затем Назарьев был командирован в Аренсбург, произведен в кондукторы второго класса. Хотя дальнейшую биографию Назарьева восстановить не удалось, известно все же, что он был поручиком в отставке и что он является автором нескольких од. «Реальную топографию и хронологию событий» [Автухович 1995: 151] своей жизни, имена реальных людей Назарьев вводит в роман, описывая свою жизнь языком литературы. «Книга представляет собою романизированный вариант биографии конкретного человека» [Автухович 1991: 78]. «Несчастный Никанор», «в отличие от „Пригожей поварихи“, имитировавшей мемуары, и „Ваньки Каина“ беллетризации подлинного документа, представлял собой сложное сочетание истории жизни реального человека с романным вымыслом» [Калашникова 1991: 110].

Выводы, к которым пришли исследователи, заставляют задуматься о механизме выбора автором жанровой формы, в которую облекается история жизни реального человека. Действительно, к концу XVIII в. в русской культуре был накоплен богатый опыт оформления биографии в формы жития, исповеди, мемуаров и т. д. Выбор той или иной жанровой модели определяется адресатом, сознательно занимаемой позицией автора / героя в большом мире и целью высказывания. Так, видение себя участником и свидетелем большой истории, желание продлить свою память и память о себе в потомках реализуются в мемуарах; предстояние перед Богом может быть выражено в жанре жития или исповеди и т. п. Автор же «Несчастливого Никанора» в качестве слушателя истории своего героя выбирает женщину — старую графиню, которая, «живучи смолоду в светской жизни, нередко <...> страстными заражена бывала» [Несчастный Никанор 2016: 6]¹, т. е. человека, заведомо равнодушного к любовным историям. Думается, эта характеристика слушательницы существенно повлияла на отбор фактов биографии, производимый рассказчиком: хотя монолог Никанора есть ответ на вопрос графини, «по каким обстоятельствам дошел он до такой бедности и какие во всю жизнь его с начала

¹ Далее при цитировании данного издания страницы указываются в тексте в круглых скобках.

приключились причины» (6), все же повествование о своей жизни он начинает не с рождения и не с описания первых лет жизни, а как бы с «середины» — с рассказа о «самых цветущих <...> летах» (6), наполненных любовными приключениями. Как видим, история жизни Никанора готова отлиться в романную форму. Как это происходит?

В основе любовной истории Никанора лежит фольклорный сюжет сватовства. Сюжет рассказываемой истории завязывается в момент встречи героя с Анетой, которая сидит в заточенье в «изрядно построенном каменном доме» (7) у окна и плачет. Видя страдания девушки, герой совершает ряд попыток помочь ей. Вторая встреча с происходит за рекой «в рощах», где Анета прячется от преследований и где герои принимают решение пожениться. С этого момента, подобно героям волшебной сказки, Анета и Никанор находят помощников и чинящих препятствия вредителей, причем Анета сталкивается с помощниками не только настоящими (пьяный солдат и Шпангут), но и ложными (шифер²). Варшава, в которую отправится Анета, чтобы в дождаться там Никанора, является, по наблюдению Т. Е. Автухович, «своеобразным „тридесатым царством“» [Автухович, 1995: 151] — традиционным «иномирием», в котором пребывает девица в ожидании жениха, задачей коего является выволить ее оттуда. Интересно при этом, что пространство, разделяющее героев, переживается ими по-разному. Если Анета видит в поездке Никанора в Ригу, а затем и своей собственной поездке в Варшаву вынужденную разлуку, то Никанор расценивает эти же события именно как препятствия, которые необходимо преодолеть, чтобы сыграть свадьбу.

Казалось бы, исход сюжетной линии известен: герои должны воссоединиться. Но, как обнаруживается, рассказываемая Никанором история разыгрывается вовсе не по фольклорной канве. И злодеи, и помощники имеют вполне конкретные прототипы, наделены именами и не сводятся лишь к какой-то одной заданной функции; препятствия, с которыми сталкивается герой, по мере их разрешения не уменьшаются, а, напротив, увеличиваются и не приводят к желанной цели; волшебное «иномирие», в котором пребывает Анета, имеет конкретные географические координаты; жестокость злодея, тиранящего Анету, получает психологическое и социальное объяснение, а сама Анета, забитая до смерти, так и не дожидается своего жениха-избавителя.

История, рассказываемая Никанором, вписывается в известную сюжетную схему лишь частично. Готовая, заданная культурой модель развития действия оказывается уже жизни реального человека, и сами участники разворачивающихся событий не сводимы к заданным функциям невесты и преодолевающего препятствия жениха. Так, красота (в характеристике героини доминирует именно эта черта: «увидели <...> прекрасную девушку», «красавица глядит», «красотка», «красота», «если б она была и еще прекраснее» (6), «прекрасная девица» (8) и др.) есть не только характеристика внешности Анеты, но и средство своеобразной проверки героев. Никанор, любясь Анетой, поначалу ограничивается констатацией ее красоты, затем в поле его зрения попадают Анетины «нежности», т. е. грудь, увидев которую, он «не в силах был стерпеть» и, целуя и «прохлаждая руками своими» в то время, пока Анета была в обмороке, «чрез то привел ее (Анету. — О. А.) в наи-

² От нидерландского *schipper* — ‘шкипер, управляющий купеческим судном; капитан’ (330).

совершеннейшее чувство» (14). Столь интимное общение приводит к тому, что герой начинает замечать и другие черты внешности Анеты. В частности, он отмечает «чистейшим облакам подобной ее висок» (23). В отличие от Никанора, капитан де Б., выступающий его своеобразным двойником и имеющий возможность оценить именно «красоту Анеты, которая во время сна еще пуще усугубилась некоторою нежностью и румянцем в лице ее», в первую очередь загляделся именно на «груди ее» (27). Никанор и капитан де Б. видят и ценят в женской красоте одно и то же. Их реакция на женские прелести одинаковая: оба не могут себя сдерживать. Разница же между ними состоит в том, что Никанор, в отличие от капитана де Б., демонстрирующего низовую модель мужского поведения, знает правила высокого — галантного — обращения с дамой. Именно поэтому, в отличие от капитана де Б., Никанор получает от Анеты «презент» — ее «уста» и даже «сердце» (22) — и, предлагая ей свою помощь (частным проявлением которой будет и женитьба), уподобляется рыцарю, берущему под защиту страдающую беззащитную девушку.

Итак, Никанор выступает не только как жених, но и как герой рыцарского романа, который соблюдает правила обращения с дамой. Знания этих правил подвергаются проверке при встрече с Елеонорой — нечаянной соперницей Анеты. Никанор подчеркивает внешнее сходство девушек: «с глаз (Елеонора. — О. А.) весьма была сходна на мою дражайшую Анету» (48). Так же, как Анета, Елеонора «довольно одарена от природы <...> красотой» (48). Так же, как Анета, Елеонора смотрит в окно, на которое, в свою очередь, смотрит Никанор. Так же, как с Анетой, Никанор проводит время с новой знакомой на природе — правда, не в роще, а в саду. Так же, как Анету, Никанор целует Елеонору (на сей раз ограничиваясь только руками красавицы), испытывая чувства, сходные с теми, что уже были им пережиты:

«...дозволила она (Елеонора. — О. А.) мне целовать ее руку столько, сколько я хотел, и в том упражнении просидел я с нею больше четверти часа, отчего сердце мое питаться уже начинало такую же пищу, какову оно получило и от дражайшей моей Анеты...» (50–51).

Но, в отличие от Анеты, Елеонора «довольно одарена от природы как красотой, так и разумом» (48). Разумность и проницательность Елеоноры, противопоставленные доверчивости и наивности Анеты, позволяют испытать героя. Так, Елеонора предлагает герою попробовать яблоко, Никанор хвалит его вкус — но оба героя вовсе не заинтересованы в том, чтобы оценить вкусовые достоинства или недостатки яблока: оно используется ими как иносказательный образ. Умение пользоваться иносказаниями приносит Никанору победу (Елеонора «дозволила <...> целовать ее руку» (50)), но не дарит радости: он иронически называет поцелуи «упражнениями», говорит о времени, на эти «упражнения» потраченном («больше четверти часа»), и терзается внутренними сомнениями. Так яблоко становится не только средством соблазна Никанора³, но и символом его зарождающегося — бесчестного — чувства, ставшего причиной внутреннего конфликта: Никанор сам себе советует «не продолжать с красавицей сей больше речи», бежать «скорей от сих предметов», ему «вредных» (51), но при этом не может поступить так, как считает правильным. В свою очередь, Елеонора, проверяющая Никанора, уподобля-

³ Заметим, что описанный эпизод имеет отчетливую мифологическую окраску.

ется фольклорной мудрой деде. Прямому осуждению она предпочитает загадки, иносказательно осуждая недостойный поступок Никанора и тем самым предлагая советы, как правильно себя вести.

Соперница, искусительница, помощник и наставник — функции, которые Еленора выполняет в романе. Для объемного понимания ее образа в равной степени необходимы фольклорный и мифологический контекст. При этом ни тот ни другой не становятся доминантными, один легко сменяется другим — и столь же легко эти контексты могут быть опущены в пользу реалистической трактовки образа Еленоры как образованной, умной и деликатной девушки, несколько напоминающей своей внешностью Анету и по ветрености Никанора едва не попавшей в крайне неловкую ситуацию.

Так же и образ Никанора в равной степени подлежит как фольклорной, так и литературной, и реалистической (психологической) интерпретации. Сравним для иллюстрации данного тезиса возможные коды прочтения эпизодов ухаживания Никанора за девушками. Признаваясь в любви к Анете, Никанор ведет себя как галантный кавалер, используя комплименты и иносказательные обороты:

«Могу ли отнять живот от той, от которой и моя теперь совершенно жизнь зависит и которая властна и меня самого или умертвить, или вечно благополучным сделать?» (21), —

которые та, по простоте душевной, не только не оценила по достоинству, но даже и не поняла, восприняв буквально все метафоры любовного лексикона:

«Ах, милостивый государь, — сказала Анета. — Какую вы во мне предвидите тиранку; неужель я от крови варваров рождена, чтоб вместо воздаяния благодарности заплатила я вам злодейством; каким я образом могу вас умертвить <...> каким же притом способом могу я вас и благополучным сделать, ведь я не рождена владетельною герцогиней...» (21).

Разница языков Никанора и Анеты столь разительна, что искреннее любовное признание героя грозило остаться лишь риторическим упражнением. В ответ на витиевато выраженную мысль Никанора не о материальном, но о душевном благополучии, которое он надеется обрести в союзе с Анетой:

«...мое благополучие от вас не в том (не в вещах. — О. А.) зависит; а в чем оно состоит, о том я выговорить вам не осмелюсь, чтоб вы не могли сочесть то от меня за главную вам противность и огорчение» (22), —

та, обесценивая все словесные усилия своего ухажера, возражает:

«Вы сами начинаете, милостивой государь, тем меня огорчать <...> и делаете меня чрез то злосчастною, когда не объявляете мне истинного вашего желания, в чем оно состоит...» (22).

Комический эффект, рождающийся в момент непонимания Анетой того, что хочет сказать Никанор, свидетельствует и о разнице их культурного багажа, и о неуместности использования «романной» модели поведения в обращении с героиней, к этой модели не причастной.

Достойного собеседника Никанор нашел в разумной Елеоноре. Говоря о том, как ему понравилось съеденное яблоко, предложенное девушкой, он заодно делает комплимент и ей самой:

«Клянусь вам в том, милостивая государыня <...> какой бы притом ни был хотя из всех родов лучший фрукт, то оной так вкусен и приятен для меня быть не может, как это яблоко, которого сладость не только гортань, но и сердце мое ощущает» (50).

Елеонора не только поняла завуалированный смысл сказанного, но и сама выразила свое удовольствие от услышанного столь же изысканно:

«...так вы, может быть, иначе разумеете вкус этого яблока, для того что оно сорвано с моей любимой яблони и что я вам сделала почтение, поднесла его из своих рук; я б желала, чтоб вы навсегда с таковым вкусом наслаждались плодом моей любимой яблони» (50).

Никанор и Елеонора говорят на одном — литературном — языке, понимая намеки и получая от этого удовольствие. Высокий языковой регистр, владение которым столь успешно продемонстрировал Никанор, может быть истолкован и как «испытание», устроенное Елеонорой понравившемуся ей мужчине (именно после этого импровизированного экзамена она позволила Никанору «целовать ее руку столько, сколько он хотел» (50–51)), и как диалог на равных, участники которого получают взаимное удовольствие от общения. Самый выбор между Анетой и Елеонорой, который так и не в силах оказался сделать Никанор, есть выбор между красотой и умом — или, говоря языком образов русской волшебной сказки, между Василисой Прекрасной и Василисой Премудрой.

Еще одним образцом допустимости нескольких вариантов интерпретации одного события является эпизод перехода ночи, проведенной Никанором с Анетой в роще, в утро. Не склонный к описаниям природы, Никанор все же фиксирует, подобно писателям-сентименталистам, тот приятный эффект, который природа на него произвела:

«Между тем дражайшая та ночь и окончалась, и утренняя заря наступала; зефир приятной, колебая листья на деревьях густых, отменным своим и возражающим чувства шумом стал восхищать наши мысли, а восклицающие в роще птички пением своим начали услаждать наш слух; тогда клонить стал сильной и приятной Анету сон...» (22).

В отличие от Никанора, посредством готовых образов описывающего увиденное (зарю и колеблемые ветром деревья) и услышанное (пение птиц), Анета ничего не видит, не слышит и не чувствует: она хочет спать. Состояние Анеты вполне объяснимо пережитым ею стрессом и бессонной ночью. Но нас интересуют не столько причины «бесчувственности» Анеты, сколько тонкий (для XVIII в.) психологический ход, использованный автором романа: одно и то же состояние природы переживается разными людьми неодинаково по причине разницы в их психоэмоциональном и физическом состоянии.

Как пронизательно заметил В. Б. Шкловский, «„Несчастный Никанор“ — это роман не о многих приключениях мужчины и женщины, а о многих приключениях одного мужчины со многими женщинами» [Шкловский 1929: 285]. Действительно, завязавшийся было свадебный сюжет, по модели которого описывались отноше-

ния Никанора и Анеты, сначала приостанавливается (с появлением Елеоноры), затем, усложняемый многочисленными ситуациями-двойниками (какими являются, к примеру, эпизод заточения Анеты в доме дяди и парный ему эпизод несправедливого тюремного заточения Никанора, сцена встречи Никанора с Анетой в роще и парная ей сцена встречи Никанора с Елеонорой в саду, образ самой Елеоноры как нечаянной соперницы Анеты, дом Шпангута, оберегающий Анету, и дом друга Шпангута, не столько оберегающий Анету, сколько отдаляющий ее от Никанора, и т. д.)⁴, растворяется в бесконечном пролонгировании препятствий, не характерном для сюжета свадебной инициации, а множасьщиеся испытания, выпадающие на долю не только Никанора, но и Анеты, начинают восприниматься как реплика авантюрного сюжета греческого романа, действие которого «сводится к преодолению внешних превратностей, выражающих власть Судьбы и игру случая» [Мелетинский 1986: 132].

Герои греческого романа — игрушки в руках слепой судьбы: однажды встретившись, они вынуждены пережить разлуку и массу испытаний, то пространственно отдаляясь друг от друга, то, наоборот, сближаясь, не всегда даже об этом подозревая. Капризная Фортуна разводит их и вновь сводит спустя много лет несколько не изменившимися и потому искренне и обоюдно счастливыми фактом долгожданной встречи. Никанор, подобно героям греческого романа, также чувствует себя в плену случая, о чем он неоднократно не только говорит, но даже поет в своих стихах: «О! непостижимая судьба всевышнего существа, какую надо мной ты изливаешь благодать» (14); «Шпангут сколько можно ее ободрял, чтоб она до времени чрезвычайно так не отчаивалась на власть непостижимой судьбы...» (31); «О! злобнейший случай! о! рок немилосердный...» (53); «...я <...> рассуждал о несчастной своей судьбине» (60); «...ничего в злосчастной сей моей судьбине получить я не мог» (63); «...кольцо в первой от меня презент намерен я был вручить ей, когда судьба определит мне ее видеть» (64). Но, в отличие от героев греческого романа, рано или поздно обретающих друг друга и становящихся счастливыми, ни Анета, ни «несчастный Никанор» счастливыми не станут никогда. Судьба, о которой думает и на которую время от времени жалуется Никанор, начинает обретать зловещие черты безжалостного рока, позволяя увидеть героев романа в высоком трагическом свете.

Итак, история Никанора в первых двух частях романа традиционна. «Чрезвычайно традиционно положение заключенной девушки, которую злодей держит под замком. То, что имущество этой девушки похищено ее опекуном, и то, что молодой человек знакомится с нею через окно, все эти три момента часто встречаются вместе» [Шкловский 1929: 270], — замечает В. Б. Шкловский. «Романический сюжет первых двух книг вполне традиционен и хорошо знаком по рукописным повестям начала века: встреча героев, испытание разлукой, чары соперницы, встретившись с которой, герой едва не забывает о любимой, и т. д.» [Автухович 1991: 80], — развивает мысль Шкловского Т. Е. Автухович. Первая часть романа, утверждает исследовательница, «традиционна и в плане поэтики, через повесть начала XVIII в. вос-

⁴ «Парная система образов», образ плачущей девушки, служащий завязке сюжета, пространственные образы (река, заграница и т. п.), выполняющие функцию препятствия, уже были отмечены в работах исследователей. См., в частности, наблюдения Т. Е. Автухович, писавшей о традиционности «романического сюжета первых двух книг» [Автухович 1991: 80].

ходящей к фольклору» [Автухович 1991: 80]. Действительно, как показал анализ поэтики первых двух частей романа, знакомство Никанора с Анетой и его усилия стать ее супругом описываются языком фольклорных сюжетов и образов. В начале повествования герой осознаёт свою роль как роль фольклорного героя-жениха: его невеста пассивна, в то время как он активно преодолевает препятствия, чтобы получить желаемую награду. Но по мере развития событий фольклорная модель оказывается неадекватной происходящему. И герой, и героиня совершают свободный выбор (Анета самостоятельно принимает решения, не обсуждая их с Никанором, а лишь ставя его в известность), оба они в равной мере могут оказаться и активными, и пассивными (их действия не приближают к встрече, а только отдалают ее и делают невозможной). И эта новая ситуация потребовала иной сюжетной модели, наиболее близкой к которой оказалась модель греческого романа. В описании ухаживаний за девушками используются элементы рыцарского и галантного романов.

Как видим, в обеих частях «Несчастливого Никанора» автор ведет активный поиск адекватной литературной формы для описания жизненного материала. Рассказывая о своем личном опыте, автор ищет адекватный этому опыту язык, пользуется накопленным к концу XVIII в. культурным опытом и обнаруживает, что имеющихся в культуре моделей для реализации поставленной задачи оказывается недостаточно. В художественном отношении роман «Несчастный Никанор» есть результат встречи опыта многовековой культуры и жизненного опыта конкретного человека, выявивший, что «готовые» жанровые модели (больше) не могут быть полноценным описанием и объяснением неготового, вечно становящегося процесса жизни. Значимыми в этом отношении видятся выбор автором именно романной — свободной, не застывшей — формы произведения, позволившей непротиворечиво звучать различным смысловым и стилевым регистрам, а также третья часть романа, которая появится больше чем через 10 лет, казалось бы, вопреки тому, что основная сюжетная линия первых двух частей завершена, а на самом деле именно потому, что завершена была лишь сюжетная линия романа, но не самая жизнь.

Источник

Несчастный Никанор 2016 — *Несчастный Никанор, или Приключение жизни Российского дворянина Н******. Автухович Т. Е., Блудилина Н. Д. (ред.). СПб.: Наука, 2016, 336 с. (Литературные памятники).

Литература

Автухович 1991 — Автухович Т. Е. «Анонимный роман «Несчастный Никанор»: (Эпизод из истории формирования жанра)». *XVIII век*. Сб. 17. Панченко А. М. (ред.). СПб.: Наука, 1991, сс. 73–87.

Автухович 1995 — Автухович Т. Е. *Риторика и русский роман XVIII века: взаимодействие в начальный период формирования жанра*. Гродно: Гродненский гос. ун-т, 1995, 185 с.

Автухович 2016 — Автухович Т. Е. «Приключения автора и его книги, или Жизнь и судьба Александра Назарьева». *Несчастный Никанор, или Приключение жизни Российского дворянина Н****** Автухович Т. Е., Блудилина Н. Д. (ред.). СПб.: Наука, 2016, сс. 251–302. (Литературные памятники).

Калашникова 1991 — Калашникова О. Л. *Русский роман 1760–1770-х годов*. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1991, 160 с.

- Мелетинский 1986 — Мелетинский Е. М. *Введение в историческую поэтику эпоса и романа*. М.: Наука, 1986, 318 с.
- Сиповский 1910 — Сиповский В. В. *Очерки из истории русского романа*. Т. 1. Вып. 2. СПб.: Тип. Санкт-Петербургского т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1910, 951 с.
- Шкловский 1929 — Шкловский В. Б. “Несчастный Никанор”. Шкловский В. Б. *Матвей Комаров — московский житель*. Л.: Прибой, 1929, сс. 262–290.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2017 г.
Статья рекомендована в печать 28 сентября 2017 г.

Alekseeva Oksana Vital'evna

Nothorn (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
17, Severnoy Dviny emb., Arkhangel'sk, 163002, Russia;
jelvu@yandex.ru

Folk and literary code in the love line of the novel “Wretched Nicanor”

For citation: Alekseeva O. V. Folk and literary code in the love line of the novel “Wretched Nicanor”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 330–339. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.301> (In Russian)

The literature approaches the first and second parts of the novel “Wretched Nicanor” as a work based on the facts of the biography of the author and on the traditions of the Russian and European literature. The central story of the novel is the story about the hero who saves beautiful girl. The courtship of the hero represents a model of a courteous novel, but it is expressed in the language of the sentimental literature. At the same time, the folk themes, images and situations are used in the description of the love stories: the characters meet the true and false helpers, they overcome obstacles; Aneta, like a bride in a fairy tale, is in a kind of the world of death where she is waiting for the bridegroom; Nicanor has to take actions that are interpreted as tests for the groom. Though the fairy-tale “code” is the basis of the plot, it is a failure. For example, Anete is opposed to Eleanor, who is pretty and wise. Her function is to be a rival and an assistant. Eleanor allows us also to see the comic episodes of Nicanor’s gallantry. The fiance, the knight, the sensitive hero of sentimental literature, the adventurous hero of the Greek novel — the author of “Wretched Nicanor” look for the literary forms adequate to describe life. This search shows that the ready models have been experienced by the writer of the late XVIII century as a form which is not able to describe and explain the endless process of human being.

Keywords: *Wretched Nicanor*, gallant novel, romance, adventure novel, fairy tale, theme of fate, Russian literature of XVIII century.

Source

Несчастный Никанор 2016 — *Neschastnyi Nikanor, ili Prikliuchenie zhizni Rossiiskogo dvorianina N****** [Unfortunate Nikanor, or The Adventure of the Life of a Russian Nobleman N *****]. Avtukhovich T. E., Bludilina N. D. (eds.). St. Petersburg: Nauka Publ., 2016, 336 p. (Literaturnye pamiatniki [Literary Monuments]) (In Russian)

References

Автухович 1991 — Avtukhovich T. E. “Anonimnyi roman «Neschastnyi Nikanor»: (Epizod iz istorii formirovaniia zhanra) [Anonymous Novel “Unfortunate Nikanor”: (Episode from the History of the Formation of the Genre)]”. *XVIII vek* [18th Century]. Collection 17. Panchenko A. M. (ed.). St. Petersburg: Nauka Publ., 1991, pp. 73–87. (In Russian)

- Автухович 1995 — Avtukhovich T. E. *Ritorika i russkii roman XVIII veka: vzaimodeistvie v nachal'nyi period formirovaniia zhanra* [Rhetoric and the Russian Novel of the 18th Century: Interaction in the Initial Period of the Formation of the Genre]. Grodno: Grodno State University Press, 1995, 185 p. (In Russian)
- Автухович 2016 — Avtukhovich T. E. “Priklucheniia avtora i ego knigi, ili Zhizn' i sud'ba Aleksandra Nazar'eva [Adventures of the Author and His Book, or Life and Fate of Alexander Nazariiev]”. *Neschastnyi Nikanor, ili Prikluchenie zhizni Rossiiskogo dvorianina N****** [Unfortunate Nikanor, or The Adventure of the Life of a Russian Nobleman N*****]. Avtukhovich T. E., Bludilina N. D. (eds.). St. Petersburg: Nauka Publ., 2016, pp. 251–302. (Literaturnye pamiatniki [Literary Monuments]). (In Russian)
- Калашникова 1991 — Kalashnikova O. L. *Russkii roman 1760–1770-kh godov* [The Russian Novel of 1760–1770s]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University Press, 1991, 160 p.
- Мелетинский 1986 — Meletinskii E. M. *Vvedenie v istoricheskuiu poetiku eposa i romana* [Introduction to the Historical Poetics of the Epic and Novel]. Moscow: Nauka Publ., 1986, 318 p. (In Russian)
- Сиповский 1910 — Sipovskii V. V. *Ocherki iz istorii russkogo romana* [Essays from the History of the Russian Novel]. Vol. 1. Issue 2. St. Petersburg: Tipografiia Sankt-Peterburgskogo tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud», 1910, 951 p. (In Russian)
- Шкловский 1929 — Shklovskii V. B. “Neschastnyi Nikanor [Unfortunate Nikanor]”. Shklovskii V. B. *Matvei Komarov — moskovskii zhitel'* [Matvey Komarov — Moscow Resident]. Leningral: Priboi Publ., 1929, pp. 262–290.

Received: May 10, 2017
Accepted: September 28, 2017

Баранов Дмитрий Кириллович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
st020202@student.spbu.ru, baranovdk@gmail.com

К вопросу о повествовательной структуре рассказа В. Пелевина «Ника»

Для цитирования: Баранов Д. К. К вопросу о повествовательной структуре рассказа В. Пелевина «Ника» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 340–353. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.302>

Статья посвящена анализу характерного для В. Пелевина рассказа «Ника», неоднократно становившегося объектом исследовательского интереса. В статье демонстрируется, что главной особенностью повествовательной структуры рассказа является не очевидный в повествовании от 1-го лица «зазор» между героем, повествователем и имплицитным автором, каждый из которых преследует свою цель. Герой безуспешно пытается понять внутренний мир своей кошки, чтобы познакомиться с другим взглядом на реальность. Повествователь также хочет взглянуть на мир по-новому, увидеть его в большей полноте, но при этом осознаёт ограниченность своего взгляда традицией русской литературы и пытается эту традицию отрефлексировать, чтобы выйти за ее границы, проведя мысленный эксперимент. Именно повествователь строит рассказ как загадку: намекает потенциальному читателю на правильный ответ, и в то же время запутывает его, играя с естественными нормами построения речи. И герой, и повествователь, и автор сталкиваются с тем или иным коммуникативным барьером, но автор не пытается его преодолеть. Напротив, автор, признающий равноправие разных точек зрения на мир, понимает неизбежность возникновения такого барьера. Дидактичный автор обманывает реального читателя, для того чтобы научить его своему спокойному отношению к миру, но достичь этой цели удастся именно за счет введения описанного зазора между повествовательными инстанциями.

Ключевые слова: В. Пелевин, постмодернизм, игра с читателем, повествовательная структура, повествовательная стратегия.

Рассказ В. Пелевина «Ника» неоднократно становился предметом исследовательского интереса. Попробуем свести воедино существующие интерпретации текста. Большинство исследователей указывает, что перед нами рассказ от 1-го лица, особенностью которого является игра автора с читателем. Игра заключается в следующем: читатель до самого конца верит, что героиня, о которой говорит повествователь, является девушкой, напоминающей героиню русской классической литературы; и лишь после прочтения последнего предложения читатель понимает, что обманулся, а речь в рассказе шла о кошке. Основными инструментами манипуляции читательским восприятием являются использование повествователем каламбуров — лексики, которая позволяет описывать и девушку, и кошку [Пересле-

гина 2011], а также использование многочисленных отсылок к русской литературной традиции [Миллер 2001; Богданова 2003; Хорохордина 2008]. Однако помимо очевидной функции — заставить читателя «обмануться» [Яценко 2001; Богданова 2003] — у возникающих подтекстов есть и другая: помочь автору создать текст, где проблема взаимоотношения между мужчиной и женщиной, между разными человеческими типами и разными мировосприятиями «предстает как проблема постмодернистского всеединства разнонаправленных начал» [Богданова 2003: 81]¹. Естественно, по мнению исследователей, задача по созданию постмодернистской многозначной реальности, зависящей от самого читателя, стоит перед Пелевиным-автором, а не перед его рассказчиком, поданным в духе классической русской литературы [Миллер 2001]. Анализ типологических истоков пелевинского повествователя предпринимает Н. П. Беневоленская, говоря не просто о рефлексирующем герое или герое-мечтателе, но о герое-творце [Беневоленская 2009]. Важно отметить, что герой на протяжении рассказа пытается не просто понять внутренний мир Ники, но чему-то у нее научиться (например, равнодушию и спокойствию или естественному взгляду на вещи), и эта архетипическая ситуация «учитель — ученик» воспроизводится и на уровне отношений между читателем и автором, который хочет научить читателя по-буддийски спокойному взгляду на мир [Блинова 2011].

Все суммированные выше особенности рассказа, безусловно, важны, однако до сих пор не прояснен вопрос о том, как именно — на уровне конкретных приемов — строится коммуникация между читателем и текстом, которая в данном случае не сводится к справедливо отмеченной исследователями архетипической ситуации «учитель — ученик». Важно отметить, что рассказ «Ника» интересует исследователей в первую очередь не сам по себе, но как текст, на примере которого можно описать поэтику постмодернизма (или пелевинского постмодернизма). Попытки обнаружить в тексте архетипы вызваны представлением об особом характере постмодернистской литературы, которая обращается «к архетипам — сюжета, героя, читаемого как текст, и мира, представленного глазами автора-героя, также читаемого как уже прочитанные когда-то тексты» [Беневоленская 2009: 87].

На наш взгляд, сейчас, когда постмодернизм уже в достаточной степени изучен, нет нужды в том, чтобы изучать постмодернистскую литературу исключительно с позиций уже отрефлексированной постмодернистской философии. Более актуальными представляются попытки вписать постмодернистскую эпоху в историю литературы, понимаемую в том числе и как история конкретных приемов. В связи с этим нам кажется, что следует проанализировать хрестоматийный рассказ Пелевина традиционными нарратологическими средствами.

Ключом к пониманию строения рассказа оказывается осознание «зазора» между героем, рассказчиком и имплицитным автором рассказа. Под «зазором» мы будем понимать разницу в оценочной и / или психологической точке зрения² субъ-

¹ Таким образом, Пелевин предстает автором, представляющим за весь русский постмодернизм, не случайно М. Н. Виролайнен говорит о постмодернистском сознании как о «феномене одноуровневой культуры» [Виролайнен 2007: 461], описывая схожую ситуацию, только на большем материале.

² Вслед за Б. А. Успенским будем считать, что знания повествователя и героя о мире входят в сферу психологической точки зрения [Успенский 1995: 131–133].

ектов повествовательной структуры, а главное — то, что у каждого из этих субъектов есть своя цель. Чтобы обнаружить этот зазор, обратим внимание на несколько особенностей текста.

1

Отметим сначала, что все присутствующие в рассказе подтексты призваны не только запутать читателя, но и намекнуть ему на истинную структуру пелевинского текста. Обратимся, например, к первому предложению рассказа. Оно отсылает к последнему предложению рассказа И. А. Бунина «Легкое дыхание». У Бунина читаем:

«Теперь **это** (здесь и далее выделено мной. — Д. Б.) легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре» [Бунин 1996: 98].

У Пелевина:

«Теперь, когда **ее** легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре, и на моих коленях лежит тяжелый, как силикатный кирпич, том Бунина, я иногда отрываю взгляд от страницы и смотрю на стену, где висит **ее** случайно сохранившийся снимок» [Пелевин 2005: 319]³.

Так как герой только что читал Бунина, логично соотнести местоимение *ее* с героиней Бунина, о «легком дыхании» которой говорится в оригинальном тексте («Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть» [Бунин 1996: 98]). Но в конце пелевинского предложения мы понимаем, что местоимение *ее* соотносится не только с героиней рассказа, но и со словами *ее снимок*, что, конечно, усиливает параллель между Олей Мещерской и Никой — параллель, бросающуюся в глаза и отмеченную многими исследователями [Богданова 2003; Богданова и др. 2008]. То есть и в первом случае местоимение *ее* относилось к Нике, а не к Оле Мещерской. Так уже в первом предложении пелевинского текста последнее слово может изменить сложившуюся читательскую интерпретацию, что происходит и в финале рассказа.

Другой момент, который хотелось бы отметить в связи с бунинским подтекстом, — соотнесение персонажей Бунина и Пелевина. Очевидно сходство между Олей Мещерской и Никой, однако не только это связывает два текста на уровне персонажей. Исследователи обошли вниманием важную тематическую перекличку рассказов — особую значимость субъективной точки зрения на мир. Если обратить внимание на это мотивное сходство, можно обнаружить, что и главный герой Пелевина соотносится с одной из героинь бунинского рассказа.

«Женщина эта — классная дама Оли Мещерской, немолодая девушка, давно живущая какой-нибудь выдумкой, заменяющей ей действительную жизнь» [Бунин 1996: 98].

Именно пелевинский герой мучился от того, что не мог изменить свой взгляд на жизнь, не мог избавиться от умственных построений, мешающих воспринимать мир. Именно он додумывал, какой является Ника, он видел иллюзии вместо

³ Далее при цитировании данного издания страницы указываются в тексте в круглых скобках.

непосредственной реальности (которой, впрочем, и не существует) — так же, как и классная дама в рассказе Бунина. Она живет выдумкой:

«Сперва такой выдумкой был ее брат <...> Когда его убили <...>, она убеждала себя, что она — идейная труженица. Смерть Оли Мещерской пленила ее новой мечтой» [Бунин 1996: 98].

И читатель пелевинского рассказа тоже в каком-то смысле «живет выдумкой» — повторяет поведение героя Пелевина, пытаясь додумать Нику, «вчитать» в нее известный код, что в итоге оказывается ошибкой. О. В. Богданова пишет, что Пелевин, чтобы облегчить узнавание Оленьки в Нике, использует «детали-повторы» [Богданова 2003: 75] Так, «фарфоровый венок» [Бунин 1996: 94] и «выпуклый фарфоровый медальон с фотографическим портретом» [Бунин 1996: 94] оборачиваются в рассказе Пелевина «старинной сахарницей кузнецовского фарфора» (321), обеспечивающей связь с прошлым героя. Связь с прошлым, идея памяти возникает и в связи с отмеченными Богдановой «фарфоровыми мамонтами» (323) [Богданова 2003: 75]. На наш взгляд, фарфоровый венок и фотография у Бунина важны не только и не столько в связи с самой Мещерской, сколько в связи с ее классной дамой: это она смотрит на фотографию, видит сияющие бессмертные глаза — и не хочет верить в смерть Оли; это она слушает звон фарфора — и «отдала бы полжизни, лишь бы не было перед ее глазами этого мертвого венка» [Бунин 1996: 98], т. е. именно для нее этот фарфор связан с памятью, как и для героя Пелевина. Классная дама — хранительница памяти об Оле, именно она **вспоминает** помещенный в финале разговор Оли с Субботиной, в котором появляется наконец вынесенное в заглавие «легкое дыхание». И именно повествователь хранит память о Нике и «рассказывает» посвященный ей текст.

Таким образом, параллель с рассказом Бунина призвана не только запутать читателя, но и акцентировать внимание на центральных идеях, связанных со структурными особенностями пелевинского рассказа: мы сами создаем свой мир своей точкой зрения, а то, что когда-то жило, живет лишь нашей памятью. Оно живо в нашем взгляде на мир. Не случайно память о русской литературной традиции заставляет читателя «доставать» Нику и воспринимать рассказ о ней как рассказ о девушке (о «создании» читателем образа Ники под руководством автора см., например: [Беневоленская 2009: 19–20]).

В рамках статьи нет возможности рассмотреть отсылки к текстам Г. И. Газданова, В. В. Набокова, А. А. Блока, группы «Pink Floyd», Б. Б. Гребенщикова и прочих авторов. Однако приведенный выше анализ связи рассказов Пелевина и Бунина демонстрирует общий принцип работы подтекстов пелевинского произведения: они и запутывают читателя, и дают ему подсказки.

2

В своем прочтении рассказа Пелевина Беневоленская говорит о продуктивности «веерного» анализа, т. е. такого интертекстуального анализа, новизна которого «заключается в сохранении всех возможных интеракций при наличии даже единственной „верной“» [Беневоленская 2009: 67]. Анализируя конкретный эпизод, исследовательница снимает часто выдвигаемые обвинения в «деланности» пелевин-

ских текстов, показывая, что смысл этих текстов потенциально безграничен, ведь они полигенетичны и поливалентны, резонируют «с множеством текстов и эпох» [Беневоленская 2009: 72]. При этом подобная «игра в смыслы», по мнению исследовательницы, мотивирована обращением Пелевина к архетипическому в искусстве, а обращение в тексте к архетипам, как уже отмечалось, видится особенностью постмодернизма в целом.

Подобный подход к анализу пелевинского текста продуктивен, если мы пытаемся увидеть, как в рассказе отражается та или иная особенность постмодернизма, но не в том случае, если мы хотим понять, какими приемами пользуется автор для достижения своей цели. Ведь потенциальная смысловая безграничность, возникающая за счет подключения воображения читателя, — особенность любого текста. А та самая «верная интеракция», о которой говорит Беневоленская, отличается от других, лежащих на периферии, в том числе и тем, что она не просто взаимодействует со смыслами, возникающими где-то еще в тексте, она тесно связана с конкретным эпизодом, в котором появляется. И мы можем выявить конкретную функцию наиболее близкой интеракции.

Обратимся к эпизоду, который анализировала Беневоленская. Герой Пелевина размышляет о том, что даже лучшие авторы, такие как Набоков, не могли разгадать загадку Ники, их усилия разбивались «о невидимую или просто несуществующую <...> преграду» (328). Затем герой, засыпая, смешивает строчки из двух разных стихотворений.

Цитата из «Незнакомки» Блока подчеркивает, что герой обманывается в Нике, и возвышенная загадка сменяется на приземленную реальность:

«Убедившись, что загадочность ее зеленоватых глаз — явление чисто оптическое, я решил, что знаю про нее все» (325).

Этот смысл усиливается за счет неожиданного продолжения цитаты строчкой из стихотворения Набокова «Лилит». Важно, что Лилит в оригинальном тексте обманывает лирического героя. Мотив обмана связывается со структурой всего рассказа, ведь читатель, который уверен в том, что Ника — девушка, оказывается введен в заблуждение, обманут.

Этот смысл отсылки поддерживается и формой: цитата возникает ассоциативно (герой как раз думал о Набокове) и ложится на блоковское стихотворение, так как соответствует ритму и рифме. Однако цитаты из двух стихотворений не соединены синтаксически и — казалось бы — логически.

Цитата из «Лилит» перекликается и с отсылкой к «Лолите»⁴. В романе Набокова Гумберт говорит о том, что для Лолиты он был «не человек, а всего только пара глаз да толстый фаллос длиною в фут». [Набоков 1997: 346] У Пелевина читаем:

«...даже от блестящего Владимира Набокова, успевшего в последний момент заклониться лирическим героем, остались только два печальных глаза да фаллос длинной в фут» (328).

⁴ Идея звукового соотнесения (обмана) поддерживается и фонетическим сходством имен *Лолита* и *Лилит*, которое обыгрывается и в самом набоковском романе: «Так шла жизнь. Гумберт был вполне способен иметь сношения с Еввой, но Лилит была той, о ком он мечтал» [Набоков 1997: 30].

Рассказ Пелевина переключается с набоковским романом не только в рамках тем разочарования и физиологической тяги к девочке. Трансформируя цитату из набоковского романа, Пелевин добавляет определение *печальный* («два печальных глаза»). В «Лолите» однажды возникает фраза «Я уже не был Гумберт Густопсовый, грустноглазый дог...» [Набоков 1997: 78]. Так соотносятся человек и собака, и подобное соотнесение возникает у Пелевина за счет упоминания альбома «Animals» группы «Pink Floyd», а также за счет описания «оскалившего <...> клыки грузина» (333). Отметим, что Гумберт Набокова назван догом в момент, когда они с Лолитой сидят на диване и героя влечет к героине. Стих «был греческий диван мохнатый» значим в рамках стихотворения «Лилит», так как именно на диване произойдет соитие Лилит и героя. И в рассказе Пелевина именно на диване в тот момент, когда герой бормочет стихи, растянулась и Ника. Так мотивная переключка поддерживается тем, что в трех текстах выстраивается схожая ситуация на уровне предметного ряда.

Из оригинального текста «Лилит»:

<...>
был греческий диван мохнатый,
вино на столике, гранаты
и в вольной росписи стена
[Набоков 1991: 251],

Пелевиным исключается строчка о вине и гранатах, не рифмующаяся с цитатой из «Незнакомки», а главное — не приобретающая, в отличие от приведенных двух, дополнительного значения в контексте пелевинского рассказа. Строчка же, в которой появляется слово *стена*, не может не соотноситься с недавними размышлениями героя о Нике — загадке, за которой ничего нет. Герой Пелевина говорит о непреодолимой преграде, о которую расшибались даже «лучшие силы лучших душ» (328). Разбиваются об эту стену — непреодолимую преграду — и усилия героя, пока ему не удастся с помощью Ники посмотреть на мир по-другому.

В результате все любовно-физиологические интерпретации отсылок к Блоку и Набокову (столь очевидные при первом прочтении) сменяются интерпретациями, связанными с самой структурой текста-загадки, вводящего читателя в заблуждение. «Правомерность веерного анализа постмодерного произведения» [Беневоленская 2009: 39] подтверждается Беневоленской и на примере многих других эпизодов, например того, где Пелевин использует поговорку о скелете в шкафу:

«Есть такая английская поговорка — „у каждого в шкафу спрятан свой скелет“. Что-то мешает правильно, в общем, мыслящим англичанам понять окончательную истину. Ужаснее всего то, что этот скелет „свой“ не в смысле имущественного права или необходимости его прятать, а в смысле „свой собственный“, и шкаф здесь — эвфемизм тела, из которого этот скелет когда-нибудь выпадет по той причине, что шкаф исчезнет. Мне никогда не приходило в голову, что в том шкафу, который я называл Никой, тоже есть скелет, я ни разу не представлял ее возможной смерти» (326–327).

Беневоленская, анализируя эпизод, демонстрирует, как сама структура пелевинского (и отчасти — набоковского) текста может быть осмыслена через метафору скелета и шкафа [Беневоленская 2009: 36–39]. Однако, сосредоточившись на поисках архетипического сходства, исследовательница упускает ряд лежащих на

поверхности смыслов и функций отсылки. Например, важно отметить, что перед нами неточное цитирование — одна из многих присутствующих в рассказе ошибок повествователя, — а значит, внимание читателя будет заострено на том, в чем рассказчик ошибается.

Так, в русском языке существует устойчивое выражение *скелет в шкафу*, но в ней, как и в оригинальном английском выражении *skeleton in the closet*, отсутствует часть у *каждого* [Академический словарь русской фразеологии 2015: 773]. Если скелет есть в шкафу у каждого, речь идет об универсальности человеческой природы. Эта идея должна возникнуть с самого начала, ведь соотнесение людей и шкафов в рассказе, как и отмечала Беневоленская [Беневоленская 2009: 38], уже происходило, когда речь шла о точке зрения Ники («для нее окружающие были чем-то вроде говорящих шкафов» (320)). Пелевин имитирует ошибку повествователя: тот словно не учитывает собственно значение идиомы («нечто долгое время скрываемое субъектом как постыдное и компрометирующее его в глазах других людей, что описывается как останки убитого и спрятанного человека» [Академический словарь русской фразеологии 2015: 773]), а в своих размышлениях просто реализует пространственную метафору. Однако читатель не может забыть о значении фразеологизма, и два значения пересекаются: у каждого есть тайна, как у каждого в теле есть скелет. Тайну Ники хочет разгадать герой, для читателя же тайной Ники оказывается еще и то, что она кошка, а тайна повествователя — то, что он на самом деле загадывает читателю загадку. Но за счет на первый взгляд абсурдной (ошибочной) трактовки фразеологизма повествователем (тело — это шкаф, выпадение скелета из шкафа — смерть) возникает и еще один смысл, в этом контексте на удивление традиционный: жизнь как тайна. Но если вспомнить изначальный смысл поговорки, получится, что выпадение скелета из шкафа — обнаружение тайны. То есть смерть раскрывает тайну жизни. Поэтому главной тайной в рассказе владеет Ника. Герой не просто хочет встать на точку зрения животного, выйдя за рамки привычного существования, он еще и сталкивается с потребностью осмыслить смерть Ники, чем отчасти объясняется и многозначность финала.

3

Каждая пелевинская отсылка — игровая, возникающие в сознании читателя смыслы потенциально безграничны, однако у всех отсылок есть минимум две **главные** функции, и нельзя не учитывать их при анализе именно как основные: намекнуть читателю на истинную структуру рассказа; ввести мотив ошибки повествователя.

Любопытно, что О. В. Хорохордина, анализируя использующуюся в рассказе цитату из романа Газданова «Призрак Александра Вольфа», комментирует искажение героем оригинального текста [Хорохордина 2008: 373], а также говорит о «приеме ошибки на уровне элементарной логики» [Хорохордина 2008: 379] в связи с тем, что рассказчик называет имя *Ника* «последним слогом» имени *Вероника* (320). Однако пелевинский повествователь ошибается гораздо чаще. Цитаты в рассказе даются с ошибками. Рассказчик на несколько тысячелетий ошибается в датировке трипольской культуры (323), приписывает трипольской культуре возникновение палеолитических Венер (324). В конце концов, **ошибочными**, не оправдавшими-

ся оказываются некоторые ожидания героя. Не случайно вслед за повествователем в финале рассказа ошибается и читатель, воспринявший Нику как девушку.

Наконец, стоит упомянуть и об ошибках другого рода, допускаемых повествователем. Рассказ о кошке написан так, чтобы у читателя создалось впечатление, что речь идет о девушке. Но при этом повествователь постоянно **проговаривается** о том, что перед нами кошка. Тело Ники «по-кошачьи» гибкое (322); извиняться перед ней за то, что дал пощечину, — глупо (322); постоянно появляется перцептивная точка зрения Ники (люди как шкафы (320), билет и страница из записной книжки — просто бумажки (321)); поведение Ники типично для кошек: занимает место в кресле (321), сидит у окна так, что герой почему-то кладет руку именно на ее затылок (321); упоминаются слова *дрессировка* (320), *инстинкты* (320), *физиологические раздражители* (319); Ника почему-то замирает, боясь вспугнуть голубя (327), и т. д.

Итак, повествователь проговаривается о кошачьей природе Ники, все подтексты намекают на обман, вообще мотив ошибки — один из центральных в рассказе, и благодаря ему мы можем говорить о ненадежном повествователе. Возникает вопрос: почему, несмотря на все это, читатель все-таки оказывается обманут?

4

Потому что пелевинский повествователь в каком-то смысле играет **нечестно**, вводит читателя в заблуждение. Он вовсе не создает такой текст, где описания Ники могут быть в равной степени отнесены и к девушке, и к кошке. Он чередует подобные описания с описаниями, возможными только для девушки. На такие моменты почему-то не обращается должного внимания. Повествователь отмечает, что сравнение героя с Чернышевским «вряд ли придет Нике в голову» (333). Но такое сравнение в принципе не может прийти в голову кошке. Нельзя сказать про кошку «ни разу я не помню ее с книгой» (322), эта фраза абсурдна, так как предполагает, что некоторых кошек вполне можно застать за чтением. Человек не скажет, говоря о кошке: «Она была намного моложе меня...» (319), ведь это очевидно. Предложение «у нее не было практически ничего своего» (321) предполагает, что что-то «свое» у нее все же было. Никто из друзей героя, «разумеется, не считал ее ровней» (320) — действительно «разумеется», зачем повествователю это проговаривать? Зачем упоминать, что она не вела дневника (322)? Что «она не призналась бы» в чем-то (325)?

«...в этом не присутствовало ни тени спортивного кокетства, она действительно была так юна и полна сил, что ей легче было три минуты мчаться по ступеням, почти их не касаясь, чем тратить это же время на ожидание (лифта. — Д. Б.)» (326) —

повествователь лжет, кошка бежит по лестнице не потому что ей так «легче», она не знает, что такое лифт, а понятие «спортивного кокетства» к ней вообще неприменимо. Никто не скажет, что кошка «равнодушна» к конкретной музыкальной группе «и к року вообще» (326). Когда хозяин следит за кошкой в бинокль, он не «шпионит» (326), и ни одному хозяину не придет в голову воспринимать это как какой-то нехороший поступок, так что нет смысла об этом упоминать. В тексте возникают «взвизгивания, которые трудно было принять за звуки человеческого

голоса» (330) — это бессмысленная фраза, если речь идет о том, кто в принципе не обладает человеческим голосом. Таких примеров много.

Итак, в нескольких случаях повествователь прямо **обманывает** читателя, используя для описания Ники слова, конструкции, применимые лишь для описания девушки, но не кошки. В остальных приведенных случаях все логически верно, но повествователь нарушает базовые принципы построения текста. В языке есть тенденция описывать только то, что отклоняется от нормы, подразумевая, что все прочее нормально по умолчанию. Если же что-то не проговаривается, это что-то находится в рамках какой-то нормы. Если мы встретим экранизацию, скажем, «Евгения Онегина», в которой у Онегина будет большой шрам на лице, мы воспримем это как нарушение оригинального текста, хотя Пушкин нигде прямо не оговаривал, что шрама на лице героя не было. Пелевин здесь пользуется системой условностей, характерной уже не для какой-то конкретной литературной традиции, и даже не для литературы в целом, но вообще для речи. И Пелевин нарушает эту систему. В результате у читателя должно возникнуть типичное для постмодернизма недоверие к речи в принципе⁵.

5

Кажется, никто из исследователей рассказа не пытался провести границу между героем и повествователем; более того, порой словно стиралась граница и между автором и героем⁶. Анализируя процесс чтения рассказа, Беневоленская отмечала, что «каждый — рассказчик и читатель — проявляет себя и как субъект, и как объект текста по оксюморонному принципу» [Беневоленская 2009: 19]. Подобная формулировка помогает описать структуру постмодернистского текста, в котором сталкиваются самые разные противоречия, в том числе и касающиеся главного героя. Перед нами, как убедительно показывает Беневоленская, герой-писатель или по крайней мере герой-мечтатель [Беневоленская 2009: 15–62], который при этом пытается вжиться в мироощущение кошки (и та, и другая особенность героя отсылают к самым разным литературным традициям, что порождает бесконечные смыслы). Однако на наш взгляд структуру рассказа можно описать иначе, если обратиться к традиционному нарратологическому представлению о том, что герои, повествователь и имплицитный автор (не говоря уж — реальный автор) в повествовательном тексте никогда не равны друг другу. Более того, они связаны друг с другом иерархически, т. е. персонаж, например, не знает о существовании повествователя. Подобная концепция представлена, например, в классическом труде В. Шмида «Нарратология» [Шмид 2008: 44–107].

Описанный выше принцип, по которому повествователь строит свою речь, подводит нас к важному выводу: игра с читателем происходит не только на уровне автора, который придумал текст, где повествователь вспоминает свою кошку и как бы случайно так подбирает слова, что читатель может воспринять кошку как девуш-

⁵ И с этой точки зрения весь рассказ становится прекрасной иллюстрацией к тому, что Поль де Ман называл «трениями в отношениях между грамматикой и риторикой» [Ман 1999: 17].

⁶ Здесь, конечно, сказывается и интенция самого текста: не случайно, как отмечали исследователи [Хорохордина 2008: 379, Беневоленская 2009: 18], имя героини *Ника* соотносится с именем реального автора *Виктор* за счет связи с темой победы (*Виктор* — ‘победитель’, а *Ника* — ‘богиня победы’), и за счет этого размывается граница между текстом и реальностью.

ку. Игра происходит и на уровне повествователя, который сознательно обманывает потенциального слушателя, строя свой текст как фольклорную загадку, в которой есть как подсказки, так и отвлекающие элементы, почти не оставляющие слушателю шанса на правильный ответ. Это доказывает, что повествователь не равен герою, который не знает о наличии читателя (и в тексте нет явных намеков на то, что герой знает о том, что он всего лишь герой). Однако и автору повествователь не равен — и не только в силу того, что так строится классический нарратив. У игры, которую ведет повествователь, не та же задача, что у игры автора. Цель автора, как уже было отмечено, состоит в том, чтобы научить читателя тому, что на любой объект можно взглянуть с разных точек зрения, тому, как отмечала М. П. Блинова, что нужно спокойно воспринимать мир [Блинова 2011]. Цель же игры повествователя, ее мотивировка в художественном мире рассказа не так очевидна.

6

Герой пелевинского рассказа тяготеет тем, что ограничен своей точкой зрения на мир, обусловленной жизнью в советской культуре и знакомством с классической русской литературой (т. е. привычкой видеть жизнь в духе ее героев). Об этом писала, например, Беневоленская [Беневоленская 2009: 21–62]. Именно поэтому герой безуспешно пытается понять внутренний мир своей кошки, чтобы познакомиться с другим взглядом на реальность.

Повествователь же идет дальше: он также хочет взглянуть на мир по-новому, увидеть его в большей полноте, но при этом осознаёт ограниченность своего взгляда традицией русской литературы и пытается эту традицию отрефлексировать, чтобы выйти за ее пределы, проведя мысленный эксперимент. Поэтому текст повествователя выполняет в первую очередь автокоммуникативную функцию. Если объектом интереса героя является Ника, то объектом интереса рассказчика — сама литературная традиция. Повествователь понимает, что на месте традиционной героини может быть кто или что угодно — не случайно Хорохордина отмечала, что имя *Ника* отсылает к слову *никнейм* [Хорохордина 2008: 379]. Поэтому повествователь иронизирует над классической русской литературой, и поэтому он использует прием остранения, освежающий восприятие литературной традиции: намеренно рассказывает историю о кошке как историю о девушке.

Причем важна здесь, оговоримся, не конкретно точка зрения кошки, которую пытается реконструировать герой, а любая другая, непривычная точка зрения. Приведем цитату:

«...ей легче было <...> мчаться по ступеням <...> чем тратить это же время на ожидание жужжащего гробоподобного ящика, залитого тревожным желтым светом, воняющего мочой и славящего группу „Depeche Mode“» (326).

Увидеть лифт как жужжащий ящик могла именно кошка, здесь повествователь использует перцептивную точку зрения Ники. Однако увидеть ящик «гробоподобным» кошка не может, так как не может знать, что такое гроб. Повествователь использует остранение, но при этом на месте точки зрения кошки могла быть даже точка зрения инопланетянина — главное, чтобы эта точка зрения была другой, непривычной.

В работах О. В. Богдановой и Л. В. Миллер герой, в отличие от Ники, представлялся, как уже упоминалось, вполне традиционным. Однако если мы говорим не про героя, каким он был во время рассказываемых событий, а про повествователя, собственно рассказывающего эту историю, все обстоит ровно наоборот. Ника, как и традиционные русские героини, конструируется героем (а здесь еще и читателем), а вот повествователь как раз пытается выйти за рамки классического рефлексизирующего героя русской литературы с помощью мысленного эксперимента. Именно поэтому главным событием рассказа оказывается вовсе не то, что девушка **оказалась кошкой**, а то, что на место традиционной героини удалось поставить кошку, и ничего в глазах читателя принципиально не изменилось.

То есть повествователь Пелевина отличается от автора еще и тем, что не владеет в начале рассказа неким истинным знанием, которое он хотел бы передать читателю. Повествователю самому нужно довести свою речь до конца, удачно завершить эксперимент, чтобы измениться.

7

Понимание повествовательной структуры текста позволяет по-новому взглянуть и на многозначный финал рассказа. Герой научился более спокойно воспринимать мир («Я не чувствовал горя и был странно спокоен» (334)), его точка зрения стала более широкой, и Нике он за это благодарен. Память героя об умершей героине вполне вписывается в традицию классической литературы. Но одновременно с этим финал может означать и удачное завершение мысленного эксперимента повествователя. Не случайно возникают именно слова «стоять у окна» (334). Сквозь это окно герой и Ника смотрели во двор с разных точек зрения. Повествователь говорит отнюдь не о любви к героине. Он не будет держать на руках другую кошку не потому, что до сих пор переживает о Нике (что как раз противоречит буддийскому идеалу освобождения от аффектов [Рудой 1994: 34–37]), но потому, что уже достиг своей цели, освободился от необходимости искать чужую точку зрения с помощью проведенного эксперимента, с помощью интеллектуального творчества.

Источники

- Бунин 1996 — Бунин И. А. *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 4. М.: Терра, 1996, 548 с.
Набоков 1991 — Набоков В. В. *Стихотворения и поэмы*. М.: Современник, 1991, 572 с.
Набоков 1997 — Набоков В. В. *Собрание сочинений американского периода*: в 5 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 1997, 671 с.
Пелевин 2005 — Пелевин В. О. *Все рассказы*. М.: Эксмо, 2005, 511 с.

Словари и справочники

- Академический словарь русской фразеологии 2015 — *Академический словарь русской фразеологии*. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСПУС, 2015, 1164 с.

Литература

- Беневоленская 2009 — Беневоленская Н. П. «Ника» Виктора Пелевина. СПб.: Ф-т филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009, 94 с.

- Блинова 2011 — Блинова М. П. “Архетипический подтекст рассказов В. Пелевина”. *ZARLIT*: [сайт кафедры зарубежных литератур и сравнительного литературоведения Кубанского гос. ун-та]. Дата публикации: 19.08.2011. URL: http://zar-literature.ucoz.ru/publ/blinova_m_p/arkhitipicheskiy_podtekst_rasskazov_v_pelevina/5-1-0-59 (дата обращения: 15.09.2016).
- Богданова 2003 — Богданова О. В. “Традиционный постмодернизм» рассказа В. Пелевина «Ника». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языкознание, литературоведение*. 1 (2), 2003: 73–82.
- Богданова и др. 2008 — Богданова О. В., Кибальник С. А., Сафронова Л. В. “«ЛолИКА» Виктора ПелОКОВА”. Богданова О. В., Кибальник с. А., Сафронова Л. В. *Литературные стратегии Виктора Пелевина*. СПб.: Петрополис, 2008, сс. 96–122.
- Виролайнен 2007 — Виролайнен М. Н. *Исторические метаморфозы русской словесности*. СПб.: Амфора, 2007, 495 с.
- Ман 1999 — Ман П. де. *Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста*. Никитин С. А. (пер. с англ., примеч., послесл.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999, 367 с. (Studia Humanitatis).
- Миллер 2001 — Миллер Л. В. “Конфликт рассказа В. Пелевина «Ника» в контексте национальной эстетической традиции”. *Мир русского слова*. 1, 2001: 65–69.
- Переслегина 2011 — Переслегина Е. Р. “Женщина и кошка в рассказе В. Пелевина «Ника»: (Анализ ключевого концепта)”. *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 6, 2, 2011: 504–507.
- Рудой 1994 — Рудой В. И. “Учение о четырех благородных истинах: (Религиозно-доктринальный и философский аспекты)”. *Буддийский взгляд на мир*. Рудой В. И., Островская Е. П. (ред.). СПб.: Андреев и сыновья, 1994, сс. 29–37.
- Успенский 1995 — Успенский Б. А. *Семиотика искусства*. М.: Языки славянской культуры, 1995, 360 с.
- Хорохордина 2008 — Хорохордина О. В. “Художественное наследие Гайто Газданова в современной русской литературе: (Рассказ В. Пелевина «Ника»)”. *Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: материалы конгресса (Санкт-Петербург, 15–17 октября 2008 г.)*: в 2 т. Бухаркин П. Е. (ред.). Т. 2: Новое в истории русской литературы. Ч. 2: Литература XIX — начала XX в.: новые взгляды и концепции. СПб.: МИРС, 2008, сс. 372–380.
- Шмид 2008 — Шмид В. *Нарратология*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008, 304 с.
- Яценко 2001 — Яценко И. И. “Интертекст как средство интерпретации художественного текста (на материале рассказа В. Пелевина «Ника»)”. *Мир русского слова*. 1, 2001: 72–78. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_214 (дата обращения: 09.09.2016).

Статья поступила в редакцию 23 мая 2017 г.
Статья рекомендована в печать 9 октября 2017 г.

Baranov Dmitry Kirillovich

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
st020202@student.spbu.ru, baranovdk@gmail.com

Revisiting the narrative structure of the short story “Nika” by V. Pelevin

For citation: Baranov D. K. Revisiting the narrative structure of the short story “Nika” by V. Pelevin. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 340–353. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.302> (In Russian)

The article is dedicated to the narrative structure of the short story “Nika” by V. Pelevin. An evident feature of the story is a game relationship with a potential reader. In the process of reading anyone would believe that the heroine is a girl, but the last sentence reveals that she is

the cat belonging to the main character. The main feature of the narrative structure is a “gap” between the character, the narrator and the implied author (this gap is not so obvious because of the first-person narration). The unnamed character unsuccessfully tries to understand the inner world of his cat, because he wants to meet another vision of reality. The narrator wants to take a look at the world in new ways too, but he realizes that his vision is limited by the traditions of the Russian literature. So, the narrator tries to go beyond his own vision by having a thought experiment. The narrator is the one who creates a text like a riddle: he is hinting the correct answer to the potential reader, and at the same time, he is confusing him/her, playing with the natural rules of speech construction. The character, the narrator and the author faced a communication barrier, but the author doesn't try to overcome it. On the contrary, the author recognizes the equality of different points of view on the world, understands the inevitability of such a barrier. The didactic author is cheating the real reader, to teach him some of his own calm attitudes to the world, but to achieve this goal he creates this gap between the narrative instances.

Keywords: V. Pelevin, postmodernism, game with the reader, narrative structure, narrative strategy.

Sources

- Бунин 1996 — Bunin I. A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Terra Publ., 1996, 548 p. (In Russian)
- Набоков 1991 — Nabokov V. V. *Stikhotvoreniia i poemy* [Lyrics and Poems]. Moscow: Sovremennik Publ., 1991, 572 p. (In Russian)
- Набоков 1997 — Nabokov V. V. *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda* [Collected American Period Works]: in 5 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Simpozium Publ., 1997, 671 p. (In Russian)
- Пелевин 2005 — Pelevin V. O. *Vse rasskazy* [All the Stories]. Moscow: Eksmo Publ., 2005, 511 p. (In Russian)

Dictionaries and guides

- Академический словарь русской фразеологии 2015 — *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [Academic Dictionary of Russian Phraseology]. Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. (eds.). Moscow: LEKSRUS Publ., 2015, 1164 p. (In Russian)

References

- Беневоленская 2009 — Benevolenskaia N. P. «Nika» Viktora Pelevina [“Nika” by Victor Pelevin]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology of Arts Press, 2009. 94 p. (In Russian)
- Блинова 2011 — Blinova M. P. “Arkhetipicheskii podtekst rasskazov V. Pelevina [Archetypal Subtext of the Stories of V. Pelevin]”. ZARLIT: [sait kafedry zarubezhnykh literature i sravnitel'nogo literaturovedeniia Kubanskogo gos. un-ta] [ZARLIT: [Web-site of the Department of Foreign Literature and Comparative Literary Studies of the Kuban' State University]]. Publication date: 19.08.2011. URL: http://zar-literature.ucoz.ru/publ/blinova_m_p/arkhitipicheskij_podtekst_rasskazov_v_pelevina/5-1-0-59 (accessed date: 15.09.2016). (In Russian)
- Богданова 2003 — Bogdanova O. V. “«Traditsionnyi postmodernizm» rasskaza V. Pelevina «Nika» [“Traditional Postmodernism” in “Nika” by V. Pelevin]”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istorii, iazykoznanie, literaturovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History, Linguistics, Literary Studies]. 1 (2), 2003: 73–82. (In Russian)
- Богданова и др. 2008 — Bogdanova O. V., Kibal'nik S. A., Safronova L. V. “«LolIKA» Viktora PelOKOVA [LolIKA by Victor PelOKOV]”. Bogdanova O. V., Kibal'nik S. A., Safronova L. V. *Literaturnye strategii Viktora Pelevina* [Literary Strategies of Victor Pelevin]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2008, pp. 96–122. (In Russian)
- Виролайнен 2007 — Virolainen M. N. *Istoricheskie metamorfozy russkoi slovesnosti* [Historical Metamorphoses of Russian Literature]. St. Petersburg: Amfora Publ., 2007, 495 p. (In Russian)

- Ман 1999 — Man P. de. *Allegories of Reading. Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust*. New Haven: Yale University Press, 1979. 305 p. (Russ. ed.: Man P. de *Allegorii chteniia: Figural'nyi iazyk Russo, Nitsche, Ril'ke i Prusta* [Allegories of Reading: Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust]. Nikitin S. A. (transl. from English, notes, afterword). Ekaterinburg: Ural University Press, 1999, 367 p. (Studia Humanitatis).) (In Russian, transl. from English)
- Миллер 2001 — Miller L. V. “Konflikt rasskaza V. Pelevina «Nika» v kontekste natsional'noi esteticheskoi traditsii [Conflict of Pelevin's Story “Nika” in the Context of the National Aesthetic Tradition]”. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word]. 1, 2001: 65–69. (In Russian)
- Переслегина 2011 — Pereslegina E. R. “Zhenshchina i koshka v rasskaze V. Pelevina «Nika»: (Analiz kliuchevogo kontsepta) [The Woman and the Cat in V. Pelevin's Story “Nika”: (An Analysis of the Story's Key Concept)]”. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 6, 2, 2011: 504–507. (In Russian)
- Рудой 1994 — Rudoi V. I. “Uchenie o chetyrekh blagorodnykh istinakh: (Religiozno-doktrinal'nyi i filosofskii aspekty) [The Doctrine of the Four Noble Truths: (Religious-Doctrinal and Philosophical Aspects)]”. *Buddiiskii vzgliad na mir* [Buddhist View of the World]. Rudoi V. I., Ostrovskaia E. P. (eds.). St. Petersburg: Andreev i synov'ia Publ., 1994, pp. 29–37. (In Russian)
- Успенский 1995 — Uspenskii B. A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1995, 360 p. (In Russian)
- Хорохордина 2008 — Khorokhordina O. V. “Khudozhestvennoe nasledie Gaito Gazdanova v sovremennoi russkoi literature: (Rasskaz V. Pelevina «Nika») [Artistic Heritage of Gaito Gazdanov in Contemporary Russian Literature: (The Story of V. Pelevin “Nika”)]”. *Russkaia literatura v mirovom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: materialy kongressa (Sankt-Peterburg, 15–17 oktiabria 2008 g.)* [New in the History of Russian Literature: Russian Literature in the World and Educational Space: Materials of the Congress (St. Petersburg, October 15–17, 2008)]: in 2 vols. Bukharkin P. E. (ed.). Vol. 2: Novoe v istorii russkoi literatury [New in the History of Russian Literature]. Part 2: Literatura XIX — nachala XX v.: novye vzgliady i kontseptsii [Literature of the 19th — Early 20th Centuries: New Views and Concepts]. St. Petersburg: MIRS Publ., 2008, pp. 372–380. (In Russian)
- Шмид 2008 — Schmid W. *Narratologiya* [Narratology]. 2nd ed., rev. enl. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008, 304 p. (In Russian)
- Яценко 2001 — Iatsenko I. I. “Intertekst kak sredstvo interpretatsii khudozhestvennogo teksta (na materiale rasskaza V. Pelevina «Nika») [Intertext as a Means of Interpreting an Artistic Text (Based on the Story of V. Pelevin “Nika”)]”. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word]. 1, 2001: 72–78. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_214 (accessed date: 09.09.2016). (In Russian)

Received: May 23, 2017
Accepted: October 9, 2017

Матвеев Евгений Михайлович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e.matveev@spbu.ru, ematveev@list.ru

Оды В. П. Петрова и оды М. В. Ломоносова: словесная и ритмико-синтаксическая формульность

Для цитирования: *Матвеев Е. М.* Оды В. П. Петрова и оды М. В. Ломоносова: словесная и ритмико-синтаксическая формульность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 354–366. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.303>

Тезис об использовании В. П. Петровым формул одической поэзии М. В. Ломоносова, начиная с Н. И. Новикова и его современников, стал общим местом у критиков и литературоведов, в разное время писавших о Петрове. Однако до сих пор не предлагалось подробного описания и классификации этих заимствований. В статье рассматриваются словесные и ритмико-синтаксические формулы в одах Петрова, восходящие к поэзии Ломоносова. Материалом исследования стали торжественные оды Петрова 1766–1796 гг., написанные 4-стопным ямбом. Выделено четыре уровня формульности: уровень слова, уровень словосочетания, уровень стихотворной строки, уровень текстового фрагмента. При описании формульности, которая затрагивает уровень стихотворной строки, выделяются, вслед за М. Л. Гаспаровым, такие явления, как ритмическое клише, синтаксическое клише, ритмико-синтаксическое клише и ритмико-синтаксическая формула. В качестве отдельной формы рассматриваются строки, без изменений заимствованные Петровым у Ломоносова. При описании формульности на уровне текстового фрагмента рассматриваются примеры, когда две соседние строки оды Петрова находят соответствие двум соседним строкам оды Ломоносова, заимствования Петровым редких узнаваемых ломоносовских рифм, сходные значительные по объему фрагменты торжественных од, которые в некоторых случаях оказываются в произведениях Ломоносова и Петрова на одних и тех же позициях. Особое внимание уделено стратегиям заимствований, выработанным Петровым при использовании им текстов Ломоносова (конструирование строки из слов соседних строк Ломоносова, внимание к инверсии, использование синонимов как прием расподобления). Проанализированный разнородный материал показывает, что Петров в своем одическом творчестве воспроизводит не только «готовые слова» (лексические единицы одической поэзии Ломоносова и их сочетания), но и характерные для ломоносовской оды ритмико-синтаксические ходы, а также определенные композиционные структуры.

Ключевые слова: В. П. Петров, М. В. Ломоносов, торжественная ода, заимствование, ритмико-синтаксическая формула.

Оценка творчества В. П. Петрова, основанная на его сопоставлении с М. В. Ломоносовым, является своего рода общим местом в критических и литературоведческих работах, написанных в разное время. Уже в 1769 г. в журнале «Смесь» в анонимном письме к сочинителю журнала можно найти это сравнение:

«Сходнее сказать, что муха равна со слонем, нежели сравнивать нескладные и наудачу писанные его (Петрова. — Е. М.) сочинения с одами нашего славного стихотворца» [Письмо к сочинителю 1769: 132].

В 1770 г. в «Антидоте» Екатерина II, совершенно иначе оценивая Петрова, тоже использует сопоставление с российским Пиндаром: «Сила поэзии этого юного автора уже приближается к силе Ломоносова» [Екатерина II 1901: 256]. В «Опыте исторического словаря о русских писателях» (1772) Н. И. Новикова о Петрове сказано следующее:

«Вообще о сочинениях его сказать можно, что он напрягается идти по следам Российскаго Лирика; и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого-нибудь сочинения и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов, или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова» [Новиков 1951: 334–335].

Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» называет перевод Петровым «Энеиды» «древним треухом, надетым на Виргилия Ломоносовским покровом» [Радищев 1992: 95]. Суждения Новикова и Радищева приведены в статье И. А. Шляпкина «Василий Петрович Петров, „карманный“ стихотворец Екатерины II» (1885). Шляпкин доказывает, что ни о каком «втором Ломоносове» не может идти и речи. В финале его статьи содержится настоящий приговор Петрову:

«Петров <...> не был поэтом: ни целостности мировоззрения, ни периодов развития, ничего выдающегося в его литературной деятельности не видно <...>. Фактура его стиха, его язык — невозможен <...>. Оды Петрова надуты и холодны, а сатиры неглубоки...» [Шляпкин 1885: 405].

Постоянное сравнение Петрова с Ломоносовым перекочевало в XX в. В историко-литературной концепции Г. А. Гуковского Петров занял место продолжателя Ломоносова. Чисто хронологически Петров действительно приходит на смену Ломоносову: «русский Пиндар» умирает в 1765 г., а Петров входит в литературу через год. Вместе с тем Гуковский выражается довольно осторожно: «В 1766 году в литературе появился новый человек, попытавшийся сказать новое слово, **отчасти** (выделено мной. — Е. М.) напомнившее Ломоносова» [Гуковский 2001: 69]. Гуковский находит в поэзии Петрова три составляющие: традицию сумароковской школы (повествовательную ясность, дидактику, моральные размышления), «ломоносовскую систему» и свое собственное авторское начало (главным образом дескриптивные элементы, проникшие в оду) [Гуковский 2001: 69–70]. Л. Г. Бараг в статье с характерным названием «О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII века. (Василий Петров)» (1940) воспринимает Петрова как прямого продолжателя Ломоносова:

«На протяжении всего творческого пути Петров оставался продолжателем поэтической линии Ломоносова. Весьма заметно в одах Петрова сказывается ломоносовская свобода словоупотребления и ломоносовский синтаксис. Петров использует и готовые ломоносовские формулы» [Бараг 1940: 40].

На сопоставлении стиля Ломоносова и стиля Петрова во многом построена глава книги Н. Ю. Алексеевой «Русская ода», посвященная торжественным одам Петрова. По словам исследователя, «отобрав готовые слова и мотивы, прежде всего из раннего Ломоносова, но также и из позднего Ломоносова и из Сумарокова, Петров соединяет их» [Алексеева 2005: 293]. Любопытно, что Алексеева выделяет, в сущности, те же три «составные части» поэзии Петрова, что и Гуковский: «Основу словаря Петрова составляют готовые слова Ломоносова и Сумарокова, к которым он добавляет сравнительно небольшое число слов» [Алексеева 2005: 286].

Тот факт, что Петров использовал «готовые слова» Ломоносова, в настоящее время является самоочевидным, однако вопрос о том, как именно Петров их использовал, еще требует исследования. Цель настоящей статьи — выявить и классифицировать словесные и ритмико-синтаксические формулы в поэзии Петрова, с большей или меньшей степенью вероятности восходящие к одической поэзии Ломоносова. Материалом исследования стал корпус торжественных од Петрова 1766–1796 гг., написанных 4-стопным ямбом.

«Готовое слово», формульность стиля, объединяющая поэтический язык Петрова и поэтический язык Ломоносова, может проявляться на разных уровнях. Мы рассмотрим четыре основных уровня: уровень слова, уровень словосочетания, уровень стихотворной строки, уровень текстового фрагмента.

I. Первый уровень — словесный. На лексические заимствования Петрова у Ломоносова уже обращали внимание исследователи. В частности, об этом писала Алексеева, обращая внимание на то, что Петров включал в свой одический словарь редкие, книжные слова, хотя бы однажды употребленные Ломоносовым (в качестве примеров приводятся такие слова, как *ков*, *заграбь*, *молниевидный*, *земнородных*, *светлость*, *ниже*, *йна*) [Алексеева 2005: 286].

II. Второй уровень — уровень нескольких слов, словосочетания, формулы, устойчивого сочетания или одического топоса, который может иметь определенное словесное варьирование (например, оформляться с помощью однокоренных слов). Важным признаком этого типа «готовых слов» является то, что они не затрагивают какой-либо собственно стиховой уровень (строку, строфу, рифму). Ниже представлены некоторые примеры формульности этого типа.

В. П. Петров

Я разных зрю **народов лики** (25)¹.

Отныне **Промысл положил** (35).

Все смирной **олтари дымятся** (40).

Она **рог стерти** хочет твой (43).

Ярится в злобе солнцев сын (48).

Поставя в строй **палящи хляби** (49).

Нечестием **закон попран** (50).

М. В. Ломоносов

Там многие **народа лики** (558).

Так **промысл положил**, и нельзя пременить (313).

Други вожди пришли, **дымятся олтари** (159).
Отверсты храмы все, и **Олтари дымятся** (366).
Восходит к небу плеск, **дымятся олтари** (416).

Кто может **рог** его **сотреть?** (390).

Никак **ярится** Антей злой! (37).

За холмы, где **паляща хлябь** (19).

К **попранью** нашего **закона** (779).

¹ Здесь и далее при цитировании произведений В. П. Петрова [Петров 2016] и М. В. Ломоносова [Ломоносов 1959] в круглых скобках указываются страницы данных изданий.

Гремящей славой вознесись (52).
Завидя дочь **гремящей славы** (116).
Везде, **зефиры** нежны, **вейте** (53).
Лети **парящим** вслед **орлам** (54).
Орла паряща над тобою (89).
Секване злиться на **Неву!** (81).
Не **блеск** венца или **порфиры** (87).
Блеснула **славой божества** (111).
Защитник веры, **слава россов** (132).
Корабль как волны раздвигает (188).
Ее встречают **плеск и клики** (204).
Тебе поля, **луга смеются** (208).

Гремящей насыщена **славы** (221).
Какой приятной **Зефир веет** (82).
Подобно как **орел парящий** (399).
Парящей слыша шум **орлицы** (650).
Младаго шум **Орла паряща** (104).
Давноб **Секвана** постыдилась
С своим искусством пред **Невой** (201).
От **блеску** Твоя **порфиры**
Яснет тон нижайшей лиры (124).
Для общей **славы божества** (121).
Исполнен храбрых **Россов славой** (29).
Корабль как ярых **волн** среди (18).
До звезд **плескание** и **клик** (198).
Смеются злачные **луга** (67).

Такого рода переключки весьма многочисленны, и говорить в этих случаях о явных заимствованиях представляется некорректным. Скорее перед нами одические топосы, и их присутствие у обоих авторов не говорит о намеренном заимствовании одного у другого.

III. При сопоставлении одического языка Петрова и Ломоносова ощутима формульность иного рода — формульность, которая затрагивает уровень стихотворной строки. Для описания такого рода формул подходит методика и терминология М. Л. Гаспарова, который в статье «Ритмико-синтаксические клише в 4-стопном ямбе» (1983) выделил четыре явления, имеющих отношение к ритмико-синтаксической формульности стиха. Это: 1) ритмическое клише — одинаковая последовательность ритмических слов (другими словами — словораздельная вариация ритма); 2) синтаксическое клише — одинаковая последовательность членов словосочетания или предложения; 3) ритмико-синтаксическое клише — совмещение того и другого; 4) ритмико-синтаксическая формула — ритмико-синтаксическое клише с точным повторением одного или нескольких слов [Гаспаров 2012: 274]. Гаспаров отмечает, что «признак формулы, повторение слова, может совмещаться не только с ритмико-синтаксическим клише, но и с ритмическим и синтаксическим клише порознь» [Гаспаров 2012: 274]. Ясно, что при исследовании готовых ломоносовских формул в поэзии Петрова нас будут в первую очередь интересовать сочетания ритмико-синтаксических повторов и повторов словесных. Рассмотрим примеры четырех выделенных Гаспаровым типов формульности.

1. **Ритмическое клише.** Например, строка Петрова «Веселием восхищена» (34) ритмически эквивалентна строке Ломоносова «Изволила Елисавет» (199)². Конечно, нельзя назвать такой пример цитатой и утверждать, что здесь имеется заимствование. Однако в случае ритмических клише повышенной формульности говорить о заимствованиях оснований гораздо больше. Таких примеров обнаруживается довольно много.

² Хрестоматийный пример V ритмической формы 4-стопного ямба. См., в частности: [Белый 1910: 293; Тарановский 2010: 97].

В. П. Петров

Там муж, украшен сединою (31).

Я слышу странной шум музы́ки! (25).

О древность, чудная делами (36).

Вы, яры волны, укротитесь (49).

Родился новый Ахиллес (133).

Умолкни ныне, вся вселенна (151).

Что часты громы ударяют (47).

О Боже, мира Вседержитель! (169).

Сердца любовью сопрягает (50).

Умолкли труб войнских звуки (31).

Царица, свыше вдохновенна,

Во всех путях благословенна

С высот делам заемлет свет (40–41).

М. В. Ломоносов

Там муж, звездами испещренный (150).

Я слышу чистых сестр Музыку! (18).

Ср.: Я слышу стихотворцев шум (100).

Ужасный чудными делами (199).

Чрез яры волны порывает (199).

Российский храбрый Ахиллес (106).

Умолкни ныне, брань кровава (633).

Но что за громы ударяют? (433).

О Боже, крепкий Вседержитель! (564).

Сердца народов сопрягает (778).

Что я пою воински звуки (40).

Тебя Зиждитель сохранил

Во всех путях беспреткновенну

И жизнь Твою благословенну

С числом щедрот Твоих сравнит (207).

Прокомментируем последний пример. Здесь возникает впечатление, что Петров одно слово в заимствованной строке Ломоносова заменяет на ритмический эквивалент. Вторая строка этого примера («**Во всех путях благословенна**») ритмически эквивалентна ломоносовской строке («**Во всех путях беспреткновенну**»). Ломоносовское *беспреткновенну* меняется на слово *благословенна*, которое тоже есть в оде Ломоносова — в следующей строке. Таким образом, Петров конструирует из слов соседних строк Ломоносова свою строку.

2. **Синтаксическое клише.** Примеры синтаксического клише в чистом виде представлены ниже.

В. П. Петров

Во грудь, в сто глав, в крыле и в чрево (176).

Греми под небесем, победа (170).

М. В. Ломоносов

В поля, в леса, во град, в моря (138).

Взлети превыше молний, Муза (82).

Здесь в первом случае мы видим ряд из четырех дополнений в винительном падеже с предлогом *в*, во втором — определенную повторяющуюся последовательность (глагол в повелительном наклонении, обстоятельство места, обращение). Как и в случае с ритмическим клише, более узнаваемыми такие переключки становятся при наличии какого-либо формульного элемента, словесного повтора. Синтаксическое клише повышенной формульности представлены ниже.

В. П. Петров

Полки российски дланьми плещут (54).

Как красны женихи в убранстве (186).

М. В. Ломоносов

Брега Невы руками плещут (82).

Коль радостен жених в убранстве (95).

3. Явных примеров **ритмико-синтаксического клише** (без формульности) обнаружить не удалось. В качестве условного примера можно привести пару строк: В. П. Петров «Сладчайшая Екатерина» (206) — М. В. Ломоносов «Великая Елисавета» (633), но здесь можно в качестве параллели подобрать несколько других ломоносовских строк (например: «О щедрая Екатерина» (134)), и ритмико-синтаксическое клише предстанет ритмико-синтаксической формулой.

4. **Ритмико-синтаксические формулы** более явно, чем ранее рассмотренные случаи, свидетельствуют о зависимости одического языка Петрова от ломоносовских од. Примеры ритмико-синтаксических формул представлены ниже.

В. П. Петров	М. В. Ломоносов
Восставь, — кричит , — падушу мочь (48).	Закрой, — кричит , — багряной вид (21).
На все земные племена (39).	На все земныя красоты (198).
Внезапный ужас дух смущает (54).	Священный ужас мысль объемяет! (84).
Таков Екатеринин век (112).	Таков Екатеринин лик (143).
	Таков Екатеринин нрав (791).
	<i>Ср.:</i> Во весь Екатеринин век (799).
Он ищет бодрыми очами (117).	Я вижу умными очами (502).
И алчну челюсть раздвигая (30).	И алчну челюсть отверзает (89).
В сурову брань вперенный дух (49).	В небесну дверь пресветлый дух (201).
	<i>Ср.:</i> Желанием вперенный дух (139).
Гремящей славою вознесись (52).	Шумящим звоном вознесись (403).
	<i>Ср.:</i> Гремящей насыщена славы (221).

В первом примере (из оды «На взятие Хотина» Петрова и «Оды на взятие Хотина» Ломоносова) перед нами две полноударные ямбические строки, в которых все словоразделы расположены идентично. На синтаксическом уровне строки также тождественны: глагол в повелительном наклонении, глагол, вводящий прямую речь, прилагательное в винительном падеже, существительное в винительном падеже. Кажется неслучайным, что эта формула используется именно в Хотинской оде Петрова: это свидетельствует о том, что Петров при создании этой оды непосредственно ориентировался на одноименную оду Ломоносова (эта переключка между двумя одами не единственная, однако следует подчеркнуть, что у Хотинской оды Петрова множество переключек и с другими одами Ломоносова). Отметим также, что постановка глагола, вводящего прямую речь, на вторую стопу стихотворной строки — это ритмико-синтаксическое клише, использованное Петровым многократно. Например:

Се шлем, — **гласит**, — меч, щит, броня (114);
 Встань, — **гласит**, ее подъемля (118);
 Простите, — **рек им**, — очи зорки (161).

В последних двух примерах ритмико-синтаксических формул видно, что Петров использует и определенную ритмико-синтаксическую структуру, и конкретное словосочетание, которое встретилось у Ломоносова в другом месте.

5. **Тожественные строки.** В дополнение к выделенным Гаспаровым типам в качестве особого вида формульности нужно отметить строки, которые у Петрова полностью или почти полностью соответствуют строкам у Ломоносова.

В. П. Петров

С торжественныя колесницы (52).
Екатериныны доброты (153).
От юга, запада, востока (44).
Великолепие и слава (182).

М. В. Ломоносов

С торжественныя колесницы (223).
Екатериныны доброты (791).
От Юга, Запада, Востока (756).
Великолепие и славу (228).

IV. Четвертый уровень формульности — это уровень текстового фрагмента. Здесь в первую очередь нужно рассмотреть случаи композиционных заимствований, когда две соседние строки оды Петрова находят соответствие двум соседним строкам оды Ломоносова.

В. П. Петров

Небесны коль **светила стройно**
Текут в **предписанных кругах** (41).
Еще **земля багрова** зрится;
Взгляни, Азов еще **дымится** (49).
От ига Мой народ **избави**,
Судей над царствами **постави** (51).

М. В. Ломоносов

Да движутся **светила стройно**
В предписанных себе кругах (215).
Багрова там **земля** тряслась,
И к небу с **дымом** пыль вилась (87).
От грозных бед тебя **избавить**,
Судьей над царствами **поставить** (147).

Среди композиционных заимствований важное место занимает использование Петровым узнаваемых ломоносовских рифм. Алексеева указывает среди заимствованных Петровым у Ломоносова редких слов слово *заграбь* [Алексеева 2005: 286], однако в действительности перед нами не заимствование слова, а заимствование рифмопары, формирующей текстовый фрагмент.

В. П. Петров

Поставя в строй **палящи хляби**,
Ты брань громчае вознови;
Нумидских львов в свой стан **заграби**,
И море в помощь призови (49).

М. В. Ломоносов

За холмы, где **паляща хлябь**
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих **заграбь**,
Что камни с берегов здирает (19–20).

Перед нами еще один пример заимствования в Хотинской оде Петрова из Хотинской оды Ломоносова, причем заимствование на уровне рифмы сопровождается и заимствованием словосочетания *паляща хлябь*. Ниже приведены другие примеры рифменного заимствования, которое, как правило, сопровождается целым рядом словесных и ритмико-синтаксических переключек.

В. П. Петров

Полки российски дланьми **плещут**,
Иноплеменники **трещут!** (54).

М. В. Ломоносов

Брега Невы руками **плещут**,
Брега Ботнийских вод **трещут** (82).
Россияне руками **плещут**,
Враги в унынии **трещут** (752).

Таков бывал **врагам ужасен**.
Он **был!** — коль вид его **прекрасен!** (55).

Спешу, спешу, дражайша **Муза**,
Смеси твои с свирельми тон;
Ищи всех радостей **союза** (120).

Во славе древняя **Россия**,
Рим, **Индия** и **Византия** (25).

Был щедр, и кроток, и **прекрасен**;
Таков был Петр — **врагам ужасен** (143).

Взлети превыше молний, **Муза**,
Как Пиндар, быстрый твой орел,
Гремящих Арф **ищи союза** (83).

Какими хвалится **Индия**;
Но требует к тому **Россия** (203).

Последний пример интересен в том отношении, что ломоносовская рифма *Индия — Россия* заменена на рифму *Россия — Византия*, вероятно, в ответ на сумароковскую критику Ломоносова. В своем разборе ломоносовской «Оды на день восшествия на престол Императрицы Елисаветы Петровны 1747 г.» Сумароков писал: «Индия слывет ета земля, а не Индия. Индия и Россия — рифмы самые бедные» [Сумароков 2002: 287]. Любопытно, что у Петрова рифма иная, но *Индия* (с правильным ударением) сохранилась — не на рифменной позиции.

Приведем еще один пример, демонстрирующий своеобразную поэтическую «жадность» Петрова.

В. П. Петров

Уа!.. упали **Фаэтоны**
Стремнистых с высоты оград!
Не в мягки, им подсланны, **понты**,
Стремглав упали в черный ад! (160).

М. В. Ломоносов

Там Мемель, в виде **Фаэтонта**
Стремглав летя, Нимф прослезил,
В янтарнаго заливах **понта**
Мечтанье в правду претворил (652).

Здесь у Петрова тоже обнаруживается редкая узнаваемая ломоносовская рифма. Но заимствования рифмой, как видно, не ограничиваются. Петров, вероятно, сначала использует прием расподобления, заменяя звучное ломоносовское слово *стремглав* на сходное — *стремнистых* (это слово в поэзии Ломоносова не встречается). О том, насколько ему было важно начать вторую строку с этого энергичного звукосочетания *стр*, свидетельствует инверсия («...упали **Фаэтоны** / **Стремнистых** с высоты оград!»). Но в четвертой строке автор все же копирует и ломоносовское слово: дополнительно к *стремнистых* появляется еще и *стремглав*.

При выявлении формульности на уровне фрагмента текста следует учитывать место анализируемых фрагментов в структуре оды. Зачастую узнаваемыми являются начальные строки строфы или всей оды. Иногда — фрагменты од, которые оказываются у Ломоносова и Петрова на одних и тех же позициях. В качестве примера приведем вторую строфу оды Петрова «На торжество Мира».

В. П. Петров

И се, сквозь облака прозрачны,
Любезна **блещет** синева;
По оdoжденьи луги злачны
Благоухают и древа.
Проникнуты эфира даром,
Под теплым нивы нежась паром,
Нагбен от зерен кажут клас.
Пастух в свирель играет звонку:
По воздуху громчае тонку
Поющих раздается глас (199).

М. В. Ломоносов

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем и в тверди скрыться
И тем почтить его приход.
Он **блеск** и радость изливает
И в красны лики созывает
Спасенный днесь Российский род (138).

Строфа Петрова без сомнения написана под влиянием второй строфы ломоносовской «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1746 г.» (также приведенной выше). В обоих фрагментах описывается природная гармония, прояснение неба (у Ломоносова — после ночной тьмы, у Петрова — после дождя). Словесные переключки при этом немногочисленны: они ограничиваются зачином и *се* и парой однокоренных слов *блещет* — *блеск*.

Иногда ломоносовские оды являются импульсом для значительно бо́льших по объему фрагментов од Петрова. Одним из ярких примеров здесь является речь Бога, обращенная к императрице Екатерине, из Хотинской оды Петрова. Этот эпизод имеет претекст в одической поэзии Ломоносова, а именно в «Оде на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 г. по коронации» — там Бог разговаривает с Елизаветой. Этот фрагмент подробно анализировал Л. В. Пумпянский, который обратил внимание на то, что он насыщен библейской ветхозаветной фразеологией, «энергической грандиозностью языка» и во многом напоминает духовные оды Ломоносова («Утреннее размышление о Божием величестве», «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Оду, выбранную из Иова») [Пумпянский 1935: 107–109]. Ср.:

В. П. Петров

Но прелагая море в сушу
Вещает Сильный от Небес:
 «Я скиптр дарю, Я царства рушу;
 Вся тварь полна моих чудес.
 Герой среди побед преткнется,
 Кто к брани без Меня прострется.
 Я областям предел нарек,
 Судьбы Мои хранятся ввек.
 Кому исследна их пучина?
 Мой Кир, моя Екатерина!

Восстани днесь, восстань, Девора,
 Преступны грады разори;
 Теки, низвергни Вельфегора,
 Мои воздвигни олтари.
От ига Мой народ избави,
Судей над царствами постави
 Вселенной возврати покой;
 Не бойся, Я — **защитник** твой.
Моей десницей чудотворной
 Казнен египтянин упорной» (50–51).

М. В. Ломоносов

Благословенна вечно буди, —
Вещает Ветхий деньми к Ней, —
 И все твои с Тобою люди,
 Что вверил власти Я Твоей.
 Твои любезныя доброты
 Влекут к себе Мои щедроты.
 Я в гневе Россам был Творец,
 Но ныне паки им Отец:
 Души Твоей кротчайшей сила
 Мой гнев на кротость преложила.

<...>

Претящим оком Вседержитель
 Возрев на полк вечерний рек:
 О дерсский мира нарушитель,
 Ты мечь против Меня извлек.
 Я правлю солнце, землю, море,
 Кто может стать со мною в споре?
Моя десница мещет гром,
 Я в пропасть сверг за грех Содом,
 Я небо мраком покрываю;
 Я Сам Россию **защищаю** (84–86).

От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставитъ (147).

Несмотря на значительное сходство фрагментов, словесные переключки между двумя одами ограничиваются началом и концом: во второй строке повторяется слово *вещает*, за которым следует перифрастическое наименование Бога (у Ломоносова — *Ветхий деньми*, у Петрова — *Сильный от Небес*), в последних строках повторяется словосочетание *моя десница* и присутствует корневой повтор (*защи-*

щую — защитник). При этом еще один фрагмент заимствован Петровым из другой оды Ломоносова — «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1746 г.» (он отмечен курсивом).

Представленный крайне разнородный материал показывает, что Петров в своем одическом творчестве воспроизводит не только «готовые слова» (лексические единицы одической поэзии Ломоносова и их сочетания), но и характерные для ломоносовской оды ритмико-синтаксические ходы, а также определенные композиционные структуры. Последние две разновидности заимствований демонстрируют, как писала Алексева, блочное одическое мышление, при котором «использование одного элемента блока предполагает следующие элементы» [Алексеева 2005: 296]. В некоторых случаях, на наш взгляд, можно выявить особые приемы, которые использует Петров при заимствовании ломоносовского текста.

Во-первых, Петров активно использует инверсию.

В. П. Петров	М. В. Ломоносов
Корабль как волны раздвигает (188).	Корабль как ярых волн среди (18).
Единой их рукой объемлет (39).	Приемлет щедрой их рукой (201).
И благовонный в нем курится Живому Богу фимиам (134).	Языки многи услаждает, Как благовонный фимиам (135).

В одних случаях Петров, как кажется, намеренно выбирает для заимствования ломоносовские строки с ярко выраженной инверсией (первый пример), в других — усиливает уже имеющуюся инверсию (во втором примере усиление инверсии достигается за счет перестановки глагола в конец строки), в третьих — при заимствовании создает инверсию там, где ее не было у Ломоносова (в третьем примере заимствуется сочетание *благовонный фимиам*, но между словами сочетания вставлен другой текстовый фрагмент, в результате чего возникает гипербатон).

Во-вторых, Петров часто использует синонимы при переработке того или иного ломоносовского фрагмента в качестве приема расподобления.

В. П. Петров	М. В. Ломоносов
Небесны коль светила стройно Текут в предписанных кругах (41).	Да движутся светила стройно В предписанных себе кругах (215).
И кажет ко блаженству дверь (50).	И к щастью отверзает дверь (202).
Полки российский дланьми плещут, Иноплеменники трепещут! (54).	Брега Невы руками плещут, Брега Ботнийских вод трепещут (82).

Последний пример интересен тем, что Петров подбирает более архаичный синоним (заменяет *руками* на *дланьми*).

Подводя итоги, отметим, что в торжественных одах Петрова представлены разнообразные типы формульности, многие из которых с большой долей вероятности можно считать заимствованиями (словесными, стиховыми, композиционными). Используя заимствования разных типов, Петров зачастую составляет своеобразный «пазл» из ломоносовских текстов, частично их трансформируя, а в некоторых случаях создавая вариации на тему значительных по объему фрагментов ломоносовской оды.

Источники

- Екатерина II 1901 — Екатерина II. *Сочинения*: в 12 т. Пыпин А. Н. (ред.). Т. 7: Антидот. СПб.: Императорская Академия наук, 1901, LVI, 360 с.
- Ломоносов 1959 — Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*: в 11 т. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 1280 с.
- Новиков 1951 — Новиков Н. И. “Опыт исторического словаря о российских писателях”. Новиков Н. И. *Избранные сочинения*. Макогоненко Г. П. (ред.). М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1951, сс. 277–370.
- Петров 2016 — Петров В. П. *Оды; Письма в стихах; Разные стихотворения*. Амелин М. (вступ. ст.). М.: Б. С. Г.-Пресс, 2016, 384 с. (Поэты Москвы).
- Письмо к сочинителю 1769 — “[Письмо к сочинителю журнала]”. *Смесь*. 17, 1769: 131–134.
- Радищев 1992 — Радищев А. Н. *Путешествие из Петербурга в Москву; Вольность*. Западов В. А. (ред.). СПб.: Наука, 1992, 672 с. (Литературные памятники).
- Сумароков 2002 — Сумароков А. П. “Критика на оду”. *Критика XVIII века*. Ранчин А. М., Корovin В. Л. (ред.). М.: Олимп; АСТ, 2002, сс. 276–288.

Литература

- Алексеева 2005 — Алексеева Н. Ю. *Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках*. СПб.: Наука, 2005, 369 с.
- Бараг 1940 — Бараг Л. Г. “О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII в.: (Василий Петров)”. *Ученые записки кафедры литературы и языка Минского пед. ин-та*. 1, 1940: 68–92.
- Белый 1910 — Белый А. “Опыт характеристики русского четырехстопного ямба”. Белый А. *Символизм: книга статей*. М.: Мусагет, 1910, сс. 286–330.
- Гаспаров 2012 — Гаспаров М. Л. “Ритмико-синтаксические клише в 4-стопном ямбе”. Гаспаров М. Л. *Избранные труды*. Т. 4: Лингвистика стиха: Анализ и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012, сс. 255–274.
- Гуковский 2001 — Гуковский Г. А. “Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова”. Гуковский Г. А. *Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века*. Живов В. М. (ред.). М.: Языки русской культуры, 2001, сс. 40–71. (Studia philologica. Series minor).
- Пумпянский 1935 — Пумпянский Л. В. “Очерки по литературе первой половины XVIII века”. *XVIII век: сб. статей*. Орлов А. С. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935, сс. 83–132.
- Тарановский 2010 — Тарановский К. Ф. “Русские двусложные размеры”. Сонькин В. В. (пер. с серб.). Тарановский К. Ф. *Русские двусложные размеры; Статьи о стихе*. Тарановская-Джонсон В., Бейли Дж., Прохоров А. В. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2010, сс. 11–363.
- Шляпкин 1885 — Шляпкин И. “Василий Петрович Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II (1736–1799): (По новым данным)”. *Исторический вестник*. 23, 11, 1885: 381–405.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2017 г.
Статья рекомендована в печать 2 декабря 2017 г.

Matveev Evgenii Mikhailovich

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
e.matveev@spbu.ru, ematveev@list.ru

Odes by V. P. Petrov and odes by M. V. Lomonosov: Word and rhythmic-syntactic formulas

For citation: Matveev E. M. Odes by V. P. Petrov and odes by M. V. Lomonosov: Word and rhythmic-syntactic formulas. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 354–366. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.303> (In Russian)

The proposition that V. P. Petrov used to borrow formulas from M. V. Lomonosov's odic poetry has become generally accepted by literary critics since N. I. Novikov and his contemporaries. But still there is no detailed description and classification of these borrowings. The article focuses on the word and rhythmic-syntactic formulas in odes by Petrov which traces back to Lomonosov's poetry. The data for study are iambic tetrameter panegyric odes written by Petrov in 1766–1796. Four levels of probable borrowings are revealed: a single word, a combination of words, a single poetic line, and a text fragment. When describing the formulas in the single poetic lines, we analyze, following M. L. Gasparov, such phenomena as rhythmic cliché, syntactic cliché, rhythmic-syntactic cliché and rhythmic-syntactic formula (cliché incorporating recurrent lexicon). As a special form of borrowing we reveal Petrov's poetic lines which copy the poetic lines from Lomonosov's panegyric odes. When describing the borrowings in the text fragments, we show the examples when Petrov's two adjacent lines correspond to Lomonosov's two adjacent lines, borrowings of rarely recognized Lomonosov's rhymes, similar big fragments of the panegyric odes which sometimes are in the same position in the text. Special attention is paid to Petrov's strategies of intertextual borrowings: the construction of verse line from words of Lomonosov's adjacent lines, preference of inversion, using synonyms as a means of dissimilation. The described data show that Petrov in his panegyric odes reproduce not only «ready-made» lexicon (words and word combinations) but also rhythmic and intonation models and composition structures typical to Lomonosov's odic verse.

Keywords: V. P. Petrov, M. V. Lomonosov, panegyric ode, intertextual borrowing, rhythmic-syntactic formula.

Sources

- Екатерина II 1901 — Ekaterina II. *Sochineniia* [Works]: in 12 vols. Pypin A. N. (ed.). Vol. 7: Antidot [Antidote]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1901, LVI, 360 p. (In Russian)
- Ломоносов 1959 — Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Collected Works]: in 11 vols. Vol. 8: Poeziia, oratorskaia proza, nadpisi, 1732–1764 [Poetry, Oratorical Prose, Inscriptions, 1732–1764]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, 1280 p. (In Russian)
- Новиков 1951 — Novikov N. I. “Opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh [The Experience of the Historical Dictionary of Russian Writers]”. Novikov N. I. *Izbrannye sochineniia* [Selected Works]. Makogonenko G. P. (ed.). Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury Publ., 1951, pp. 277–370. (In Russian)
- Петров 2016 — Petrov V. P. *Ody; Pis'ma v stikhakh; Raznye stikhotvoreniia* [Odes; Verse Letters; Different Poems]. Amelin M. (introd.). Moscow: B. S. G.-Press Publ., 2016, 384 p. (Poety Moskvy [The Poets of Moscow]). (In Russian)
- Письмо к сочинителю 1769 — “[Pis'mo k sochiniteliu zhurnala] [[Letter to the Writer of the Journal]]”. *Smes'*. 17, 1769: 131–134. (In Russian)
- Радищев 1992 — Radishchev A. N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu; Vol'nost'* [Journey from Petersburg to Moscow; Liberty]. Zapadov V. A. (ed.). St. Petersburg: Nauka Publ., 1992. 672 p. (Literaturnye pamiatniki [Literary Monuments]). (In Russian)
- Сумароков 2002 — Sumarokov A. P. “Kritika na odu [Critique of the Ode]”. *Kritika XVIII veka* [The 18th-century Criticism]. Ranchin A. M., Korovin V. L. (eds.). Moscow: Olimp Publ.; AST Publ., 2002, pp. 276–288. (In Russian)

References

- Алексеева 2005 — Alekseeva N. Iu. *Russkaia oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh* [Russian Ode: Development of Odic Form in the XVII–XVIII Centuries]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005, 369 p. (In Russian)
- Барар 1940 — Barag L. G. “O lomonosovskoi shkole v russkoi poezii XVIII v.: (Vasilii Petrov) [On Lomonosov School in Russian Poetry of the XVIII Century: (Vasilii Petrov)]”. *Uchenye zapiski kafedry*

- literatury i iazyka Minskogo ped. in-ta* [Scientific Notes of the Department of Literature and Language of the Minsk Pedagogical Institute]. 1, 1940: 68–92. (In Russian)
- Белый 1910 — Belyi A. “Opyt kharakteristiki russkogo chetyrekhstopnogo iamba [Case Study of the Russian Iambic Tetrameter]”. Belyi A. *Simvolizm: kniga statei* [Symbolism: The Book of Articles]. Moscow: Musaget Publ., 1910, pp. 286–330. (In Russian)
- Гаспаров 2012 — Gasparov M. L. “Ritmiko-sintaksicheskie klishe v 4-stopnom iambe [Rhythmic-syntactic Cliches in the 4-stop Iambic]”. Gasparov M. L. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 4: *Lingvistika stikha: Analizy i interpretatsii* [Linguistics of Verse: Analyzes and Interpretations]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012, pp. 255–274. (In Russian)
- Гуковский 2001 — Gukovskii G. A. “Lomonosov, Sumarokov, shkola Sumarokova [Lomonosov, Sumarokov, Sumarokov's School]”. Gukovskii G. A. *Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Zhivov V. M. (ed.). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001, pp. 40–71. (Studia philologica. Series minor). (In Russian)
- Пумпянский 1935 — Pumpianskii L. V. “Ocherki po literature pervoi poloviny XVIII veka [Essays on the Literature of the First Half of the 18th Century]”. *XVIII vek: sb. statei* [18th Century: Collected Articles]. Orlov A. S. (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935, pp. 83–132. (In Russian)
- Тарановский 2010 — Taranovskii K. *Ruski dvodelni ritmovi* [Russian Two-syllable Sizes]. Beograd: Nauchna knjiga Publ., 1953. 376 p. (Russ. ed.: Taranovskii K. F. “Russkie dvuslozhnye razmery”. Son'kin V. V. (transl. from Serbian). Taranovskii K. F. *Russkie dvuslozhnye razmery; Stat'i o stikhe* [Russian Two-syllable Sizes; Articles about the Verse]. Taranovskaia-Dzhonson V., Beili Dzh., Prokhorov A. V. (eds.), Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2010, pp. 11–363). (In Russian, transl. from Serbian)
- Шляпкин 1885 — Shliapkin I. “Vasilii Petrovich Petrov, «karmannyi» stikhotvorets Ekateriny II (1736–1799): (Po novym dannym) [Vasily Petrovich Petrov, “pocket” poet of Catherine II (1736–1799): (According to New Data)]”. *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin]. 23, 11, 1885: 381–405. (In Russian)

Received: June 27, 2017

Accepted: December 2, 2017

Тимашова Ольга Владимировна

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г.Чернышевского,
Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83;
timaschova.ov@gmail.com

«Литературные» эпизоды романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» и журнальная биография писателя

Для цитирования: Тимашова О. В. «Литературные» эпизоды романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» и журнальная биография писателя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 367–375. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.304>

В статье поставлены актуальные вопросы творческой биографии писателя-«еретика» А. Ф. Писемского. Цели работы обусловлены рассмотрением проблемы журнальной эволюции писателя, который в 1850-х годах, после разрыва с «молодой редакцией» журнала «Москвитянин», переехал в Петербург. Здесь он со скандалом завершил сотрудничество в «Современнике» Н. А. Некрасова, которому предпочел сближение с журналом А. А. Краевского «Отечественные записки». Статья ставит задачу изучить мотивы этого перехода, помимо материальных претензий Писемского и его непонимания редакторской политики Некрасова. Для наблюдений избраны «литературные» образы романа «Тысяча душ» (1858). Доказано, что современники узнали черты реальных прототипов — журналистов, с которыми сотрудничал писатель (А. А. Краевского, М. П. Погодина, Н. А. Некрасова, И. И. Панаева). «Литературные» образы романа построены по принципу контраста. Положительный полюс представляет образ критика Зыкова, умирающего в нищете, но не поступившегося принципами. Прототипом его явился В. Г. Белинский. Сопоставительный анализ критических статей Белинского и сюжетных линий романа «Тысяча душ» показывает, что Писемский решился на литературный эксперимент, воплотив заветы критика-демократа о задачах современной литературы, о типических образах, сюжетах, критическом пафосе. В образе редактора Павла Николаевича синтезированы отрицательные черты прототипов (аморализм, деловой утилитаризм, идейная ограниченность). Синтезированный портрет исключил поиск прямых аналогий. Кульминационный момент «литературного» сюжета представляет полемика о политике, истории и религии в связи с провозглашением Наполеона III императором. Редактор, как и Писемский, осуждает социальные эксперименты. Сотрудник журнала «Современник» Белафин (предположительно Панаев) высказывает радикальные взгляды: о невежестве народных масс, об исторической миссии французского народа, о французских энциклопедистах, чьи идеи подготавливают народ к революции. Анализ его высказаний позволил обнаружить скрытые цитаты из эмигрантских работ А. И. Герцена, а также «Писем из „Avenue Marigny“», опубликованных в «Современнике». Установлено, что критический удар писателя направлен в сторону издателя «Колокола». Писемский не нашел близкого ему по духу редактора ни в Москве, ни в Петербурге. Выбор им Краевского мотивировался совпадением умеренных политических и религиозных воззрений.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, роман *Тысяча душ*, реальные прототипы, *Современник*, *Москвитянин*, *Отечественные записки*, А. А. Краевский, М. П. Погодин, И. И. Панаев, А. И. Герцен, В. Г. Белинский.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

В последние годы в науке возрос интерес к писателям-«еретикам» [Аннинский 1988], в том числе к фигуре Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881) [Вдовин 2011; Зубков 2011; 2012; 2016]. Исследователи обращаются к фактам его журнальной биографии, которая представляет неординарное явление в литературно-журнальной жизни середины века. В 1850-х годах Писемский завязал отношения со столь разными по программе журналами, как «Москвитянин», «Современник» и «Отечественные записки», что стало источником обвинений писателя в нравственной неразборчивости [Измайлов 1930: XXVI] и двуличии [Тюнькин 1964: 129].

В связи с этим особый интерес представляют «литературные» эпизоды его романа «Тысяча душ» (1858). В третьей части романа центральный герой, Яков Калинович, «литератор не по признанию, а из самолюбия» [Писемский 1936: 62], входит в круги петербургской литературно-журнальной интеллигенции. Прототипами редактора Павла Николаевича исследователь посчитал редакторов петербургских журналов, в которые Писемский вошел в середине 1850-х годов, после разрыва с журналом «Москвитянин», и в первую очередь Н. А. Некрасова [Зубков 2016: 232]. К. Ю. Зубков вскрыл глубинные причины неудачного сотрудничества Писемского в журнале «Современник»: «Писемский в своем отношении к журнальной деятельности был близок <...> архаичной модели редакторской деятельности, где редактор <...> воспринимался как глава кружка единомышленников, не как предприниматель» [Зубков 2016: 233]. Зубков указал также, что причины разрыва автора и журнала не ограничились денежными недоразумениями.

Целью нашего исследования явился анализ «литературных» эпизодов романа «Тысяча душ» с учетом малоизвестных фактов сотрудничества Писемского с журналом «Современник», что поможет дополнить и скорректировать исследовательские выводы.

Нуждается в уточнениях утверждение, что «литературный» сюжет романа, в отличие от общественного, не заинтересовал современников [Зубков 2016: 232]. Скорее, они не захотели высказываться на щекотливую тему. В частной переписке, напротив, находим догадки, которые нуждаются во внимании. А. Н. Плещеев в письме Ф. М. Достоевскому, из оренбургской ссылки в омскую, указал на проблематику «Тысячи душ»: «В этом романе на сцене литература — и Белинский с Краевским» [Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования 1935: 441]. П. А. Кулиш в письме М. П. Погодину назвал имена «переодетых журналистов», имевших реальный прототип: «Краевский и Панаев» [Барсуков 1888–1910, кн. 15: 36]. А. С. Долинин предположил, что А. А. Краевский, редактор журнала «Отечественные записки», выведен в образе Павла Николаевича [Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования 1935: 479]. Согласно гипотезам других ученых [Еремин 1959: 7; Пустовойт 1969: 87] В. Г. Белинский стал прототипом критика Зыкова.

Монолог Зыкова о задачах современной беллетристики представляет идейно-фабульную основу романного сюжета. Писатель идет на смелый эстетический эксперимент, воплощая в своем литературном произведении критические инвективы Белинского. Зыковым-Белинским перечислены все основные сюжетные линии романа «Тысяча душ». В число тех, кто «задыхается в бедности», можно включить честного зрителя Годнева, в число тех, «кого невинно <...> оскорбляют» [Писемский 1959: 246], — главную героиню, Настеньку. Упоминание Зыкова о современных юношах, «кто между <...> мерзавцами чиновниками сам делается мерзав-

цем» [Писемский 1959: 246–247], содержит предсказание нравственной эволюции его слушателя — Калиновича. Другой задачей литературы критик провозглашает разоблачение «тонких страданий» «великосветских господ» [Писемский 1959: 247]. И здесь обнаруживаются аллюзии на сюжетные перипетии, разоблачающие «великосветских» героев романа: противоестественную связь князя Раменского с матерью Полины, а затем с нею самой.

Писемский делает Зыкова своим современником, участником борьбы против «обличительной литературы» 1850–1860-х годов: «Я <...> сохраняю <...> убеждение, что художник <...> думает образами <...>. Бог с ней, с объективностью!» [Писемский 1959: 247]. Эта формулировка продолжает полемику писателя с Н. Г. Чернышевским и М. Е. Салтыковым-Щедриным по вопросу соотношения художественного и идейного в литературном произведении. Она мотивирована задачей, поставленной Писемским в 1850-е годы перед самим собой: русской публике «напомнить <...> эстетические (sic! — О. Т.) требования, без которых Литература <...> не может называться Литературой...» [Писемский 1936: 247]. Опираясь на факты биографии и взгляды исторической личности, писатель создает обобщенный положительный образ литературного деятеля. Поэтому мы считаем неверным стремление обнаружить в романе черты конкретной литературной эпохи.

В редакции герой знакомится с другими типическими фигурами петербургской журнальной жизни: редактором Павлом Николаевичем, его оппонентом, представителем независимой столичной интеллигенции Белавиным и бездарным беллетристом Дубовским, который по отношению к провинциальному Калиновичу и читателям исполняет роль информатора. Образ преуспевающего редактора Павла Николаевича строится по контрасту с образом бескорыстного труженика Зыкова. Указания на его моральную распущенность восходят к слухам о личной жизни Н. А. Некрасова [Зубков 2016: 230]. Но анализ внешнего облика Павла Николаевича позволяет согласиться с утверждением Долинина, что среди прототипов редактора был Краевский: «Растолстевший сангвиник <...> без шеи <...> маленькие <...> бегавшие из-под золотых очков глаза говорили о его коммерческих способностях» [Писемский 1959: 229]. Портрет совпадает с характеристиками, которые дал Краевскому Белинский: «Человек дела, а не мысли» [Белинский 1953–1958, т. 11: 253]; «Это, может быть, очень хороший человек, но он приобретатель» [Белинский 1953–1958, т. 12: 494]. На фотографии (рис. 1) заметны и его расплывшаяся фигура, и взгляд делового человека.



Рис. 1. Фотография А. А. Краевского. Ателье А. Дернъера. Май 1871. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург



Рис. 2. Портрет И.И. Панаева. Неизвестный художник. 1850-е годы. Дом-музей Н. А. Некрасова. Санкт-Петербург

Историко-этнографические интересы редактора характерны скорее для редактора журнала «Москвитянин» М. П. Погодина. Они определяются материалами, которые предложил Дубовский: очерк «Быт и поверья Козинского уезда», «историческое исследование» «Ермак» [Писемский 1959: 235]. Для читателя очевидны глупость, алчность и недалекость этого беллетриста, который честно признается, что «не может себя отнести к первоклассным дарованиям» [Писемский 1959: 234]. Но редактор, хоть в сокращениях, берет для публикации его материалы, поскольку они соответствуют программе издания.

Есть и еще одна «знаковая» черта, позволяющая увидеть среди прототипов редактора членов «старшей редакции» «Москвитянина». Она доказывает, что среди негативных образов в сознании Писемского присутствовали и редакторы московского издания. Такой чертой служит реплика Павла Николаевича в споре о том, что «всякая система» (государственная) должна развиваться «органически» [Писемский 1959: 232]. Это определение служило одним из краеугольных камней идейно-художественной программы журнала «Москвитянин». Достаточно вспомнить название одной из программных работ М. П. Погодина «Петр Первый и национальное органическое развитие». Она была опубликована в 1863 г., но, как указывает Н. П. Барсуков, основные положения этой работы прозвучали уже в 1841 г. в статье о Петре Великом (в № 1 журнала), «которою открылся Москвитянин» [Барсуков 1888–1910, кн. 21: 420].

В образе преуспевающего редактора Писемский изобразил то, что было ему ненавистно в российской журналистике: аморализм, деловой утилитаризм, идейную ограниченность. Подобный прием исключал литературные неприятности для автора: каждый из изображенных им редакторов в первую очередь видел в собирательном литературном образе черты своих противников.

Мы полагаем, что в образе Белавина также представлены собирательные черты журналистов радикальных изданий, среди которых выведен И. И. Панаев. Совпадают некоторые черты живописного (см. рис. 2) и литературного портрета:

«Господин, с <...> помещичьей посадкой, сидел, опершись на трость с дорогим набалдашником, с сибаритской задумчивостью...» [Писемский 1959: 229].

Описание фешенебельного образа жизни Белавина, который « всю жизнь честно думал и хорошо ел » [Писемский 1959: 233], совпадает с впечатлениями Писемского «после свидания с щеголеватым редактором „Современника“» [Анненков 1989: 466]. В журнальном варианте романа этот разрыв между демократическими заявлениями и роскошным образом жизни иллюстрирован историей камердинера

Белавина, который «год должен был жить без жалованья» [Писемский 1858, т. 118, № 6, отд. 1: 639]. Ироническая ответная реплика Калиновича в адрес Белавина не оставляет сомнений, сотрудников какой редакции писатель имел в виду: «Социалист и демократ...» [Писемский 1858, т. 118, № 6, отд. 1: 639].

Кульминационный эпизод «литературного» сюжета — спор хозяина редакции с посетителями о политике в связи с провозглашением Наполеона III императором (1851). Павел Николаевич видит в метаниях французского народа следствие политического аморализма: «...этот народ проводит <...> не историю, а разыгрывает <...> исторические представления» [Писемский 1959: 231]. Писемский в своих посланиях А. А. Краевскому соглашался с ним:

«...французы <...> прогоняют королей, устраивают президента, производят его в императоры <...> — <...> я им советовал принять магометанскую веру, <...> этого не доставало в их истории» [Писемский 1936: 72].

Белавин опирается на «серьезное основание» — анализ общественных процессов Франции:

«Для земледельческого класса <...> нужна не анархия, а порядок, который бы обеспечивал труд его, он взялся за Наполеона Третьего <...>!» [Писемский 1959: 232–233].

Это рассуждение совпадает с выводами А. И. Герцена в его книге «С того берега» (1850, на русском языке — 1855):

«Массы хотят остановить руку, нагло вырывающую у них кусок хлеба, заработанный ими, — это их главная потребность. <...> Массы желают социального правительства, которое управляло бы ими для них, а не против них...» [Герцен 1954–1966, т. 6: 124].

Анализ общественно-политических тезисов героя Писемского доказывает, что Белавин, как и редакция журнала «Современник», являлся пропагандистом лондонского эмигранта. Полемика редактора и Белавина предваряет выпады Писемского против Герцена. Он начинает их не с появлением романа «Взбаламученное море» (1863), как утверждают исследователи [Козьмин 1982: 102–106], а за несколько лет до этого.

Белавин, подобно Герцену, высоко ставит социальные эксперименты французской нации:

«...видимая неустойчивость — общая участь всякого народа, который социальные идеи не составляет, как немцы, в кабинете, не перегоняет их через реторту парламентских прений, как делают это англичане, а <...> прикладывает их к делу. И за то уж им спасибо, что они с таким самоотвержением представляют из себя <...> оселок, на котором пробуете мысль человеческая» [Писемский 1959: 232].

Об этом же писал Герцен:

«Оттого на Францию обращено более внимания; всё худое и хорошее, что делается здесь, точно делается на сцене, а в партере сидит все человечество; подчас кажется, что именно всё происходящее здесь делается как в театре, — только для публики, ей польза, ей удовольствие, ей поучение» [Герцен 1954–1966, т. 5: 235].

Стоит заметить, что данная цитата восходит к «Письмам из avenue Marigny» — одному из немногих историко-философских трудов Герцена, которые были опубликованы в подцензурной русской печати, и именно в журнале «Современник» [Искандер 1847].

В ответ на обвинения энциклопедистов в развращении французского народа Белавин заявляет редактору:

«Энциклопедисты <...> не доводили народа до разложения: <...> сбивали феодальные цепи <...>, которые следовало разбить» [Писемский 1959: 233].

Отрицательная оценка Писемским радикальных воззрений раскрывается, если мы укажем полностью источник скрытой цитаты — статью А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1850):

«Во Франции энциклопедисты, освободя человека от <...> предрассудков, <...>, делали его революционером» [Герцен 1954–1966, т. 7: 183]].

Анализ эстетических и общественных взглядов Писемского, отразившихся в романе «Тысяча душ», раскрывает причины того, почему Писемский предпочел во второй половине 1850-х годов сотрудничеству в журнале «Современник» участие в «Отечественных записках». Знакомство с представителями петербургских журналов вынудило его выбрать меньшее из зол. Писемского заставила сблизиться с журналом Краевского «Отечественные записки» умеренность политических воззрений его редактора, совпадавшая со взглядами самого писателя.

Источники

Белинский 1953–1958 — Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений*: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1958.

Герцен 1954–1966 — Герцен А. И. *Собрание сочинений*: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966.

Искандер 1847 — Искандер [Герцен А. И.]. «Письма из «Avenue Marigny»». *Современник*. 5, 10, отд. 1, 1847: 155–196; 6, 11, отд. 1, 1847: 119–137.

Писемский 1858 — Писемский А. Ф. «Тысяча душ: Роман в 4 частях». *Отечественные записки*. 116, 1, отд. 1, 1858: 1–107; 116, 2, отд. 1, 1858: 389–440; 117, 3, отд. 1, 1858: 1–52; 117, 4, отд. 1, 1858: 455–530; 118, 5, отд. 1, 1858: 1–68; 118, 6, отд. 1, 1858: 553–664.

Писемский 1936 — Писемский А. Ф. *Письма*. Клеман М. К., Могиланский А. П. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936, 928 с.

Писемский 1959 — Писемский А. Ф. *Собрание сочинений*: в 9 т. Могиланский А. П., Еремин М. П. (ред.). Т. 3. М.: Правда, 1959, 479 с.

Литература

Анненков 1989 — Анненков П. В. «Художник и простой человек: Воспоминания об А. Ф. Писемском».

Анненков П. В. *Литературные воспоминания*. Кулешов В. И. (вступ. ст.); Долотова А. М., Елизаветина Г. Г., Манн Ю. В. и др. (коммент.). М.: Правда, 1989, сс. 459–496.

Аннинский 1988 — Аннинский Л. А. *Три еретика: Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове*. М.: Книга, 1988, 352 с. (Писатели о писателях).

Барсуков 1888–1910 — Барсуков Н. П. *Жизнь и труды М. П. Погодина*: в 22 кн. СПб.: А. Д. и П. Д. Погодины, 1888–1910.

Вдовин 2011 — Вдовин А. В. «Русский характер как «литературный обман»: (Рассказ А. Ф. Писемского «Леший»)». *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Т. 12: Мифология культурного про-

- странства: К 80-летию С. Г. Исакова. Киселева Л., Степанищева Т. (ред.). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011, сс. 301–317.
- Еремин 1959 — Еремин М. П. “Выдающийся реалист”. Писемский А. Ф. *Собрание сочинений*: в 9 т. Могилянский А. П., Еремин М. П. (ред.). Т. 1. М.: Правда, 1959, сс. 3–56.
- Зубков 2011 — Зубков К. Ю. *Повести и романы А. Ф. Писемского 1850-х годов: повествование, контекст, традиция*. Дис. ... канд. филол. наук. Науч. рук. М. В. Отрадин. Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2011, 250 с.
- Зубков 2012 — Зубков К. Ю. «Молодая редакция» журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. М.: Биосфера, 2012, 212 с.
- Зубков 2016 — Зубков К. Ю. “Писемский, Погодин и Некрасов в 1850-х гг.: Редакторская профессия в России и ее репрезентации”. *Карабиха: историко-литературный сб.* Вып. 9. Ярославль: Музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха», 2016, сс. 221–234.
- Измайлов 1930 — Измайлов Н. В. “Тургенев и круг «Современника»”. *Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы 1847–1861*. Измайлов Н. В. (ред.). М.; Л.: Academia, 1930, сс. V–XLVII.
- Козьмин 1982 — Козьмин Б. П. “Писемский и Герцен: (К истории взаимоотношений)”. Козьмин Б. П. *Литература и история*. М.: Художественная литература, 1982, сс. 74–121.
- Пустовойт 1969 — Пустовойт П. Г. А. Ф. Писемский в истории русского романа. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1969, 271 с.
- Тюнькин 1964 — Тюнькин К. И. “Писемский и Тургенев в их переписке”. *Литературное наследство*. Т. 73: Из парижского архива И. С. Тургенева: в 2 кн. Кн. 2: Из неизданной переписки. М.: Наука, 1964, сс. 129–137.
- Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования 1935 — Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования. Долинин А. С. (ред.). Л.: Изд-во АН СССР, 1935, 603 с.

Статья поступила в редакцию 3 марта 2017 г.
Статья рекомендована в печать 13 сентября 2017 г.

Timashova Olga Vladimirovna

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky,
83, Astrakhanskaia st., Saratov, 410012, Russia;
timaschova.ov@gmail.com

“Literary” episodes of the novel by A. F. Pisemsky “Thousands of Souls” and journal biography of the writer

For citation: Timashova O. V. “Literary” episodes of the novel by A. F. Pisemsky “Thousands of Souls” and journal biography of the writer. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 367–375. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.304> (In Russian)

This article deals with the problem of A. F. Pisemsky, who was considered as a Russian “eretic”. His art biography is discussed in the article. The objectives of the work are determined by the problem of Pisemsky’s art journalistic biography and Pisemsky’s journalistic evolution. He was choosing between three magazines (“Moskvityanin”, “Sovremennik”, “Otechestvennye zapiski”). This article studies the little studied Pisemsky’s novel “Thousand souls” (1858) about the Russian journalists. His contemporaries recognized the real prototypes of the characters, among them are A. A. Craevsky, M. P. Pogodin, I. I. Panaev. I found A. A. Craevsky, M. P. Pogodin, I. I. Panaev, A. I. Herzen’s polemic pictures. In the subtext of the problem of the relations between illiberal editor and honest critic, Pisemsky derives him from his idol — V. G. Belinsky. The editor Pavel Nicolaevich is a mosaic building. He is a bundle of the negatives: illiberal, miserly, immorality, corruption. Mosaic building excluded direct analogies. Culmination of the literature plot is a controversy of Napoleon III. This polemic explained Pisemsky’s historical views, religious beliefs, attitude to the revolution. Belavin (his possible prototype is Panaev)

expresses radical views. The editor Pavel Nicolaevich expresses moderate views like Pisemsky. I found a hidden quote in Belavin's from Herzen's public works ("From the other side", "Letters from „Avenue Marigny“, "The development of revolution ideas in Russian"). Pisemsky argued atheism and abstraction with Herzen. Pisemsky did not find an editor who he would work with. As a result, Pisemsky chose Kraevsky.

Keywords: A. F. Pisemsky, novel *Thousand souls*, real prototypes, *Sovremennik*, *Moskvityanin*, *Otechestvennye zapiski*, A. A. Craevsky, M. P. Pogodin, I. I. Panaev, A. I. Herzen, V. G. Belinsky.

Sources

- Белинский 1953–1958 — Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Collected Works]: in 13 vols. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953–1958. (In Russian)
- Герцен 1954–1966 — Herzen A. I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 30 vols. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954–1966. (In Russian)
- Искандер 1847 — Iskander [Gertsen A. I.]. "Pis'ma iz «Avenue Marigny» [Letters from "Avenue Marigny"]". *Sovremennik* [Contemporary]. 5, 10, part 1, 1847: 155–196; 6, 11, part. 1, 1847: 119–137. (In Russian)
- Писемский 1858 — Pisemskii A. F. "Tysiacha dush: Roman v 4 chastiakh [A Thousand Souls: Novel in 4 parts]". *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. 116, 1, part 1, 1858: 1–107; 116, 2, part 11858: 389–440; 117, 3, part 1, 1858: 1–52; 117, 4, part 1, 1858: 455–530; 118, 5, part 1, 1858: 1–68; 118, 6, part 1, 1858: 553–664. (In Russian)
- Писемский 1936 — Pisemskii A. F. *Pis'ma* [Letters]. Kleman M. K., Mogilianskii A. P. (eds.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, 928 p. (In Russian)
- Писемский 1959 — Pisemskii A. F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 9 vols. Mogilianskii A. P., Eremin M. P. (eds.). Vol. 3. Moscow: Pravda Publ., 1959, 479 p. (In Russian)

References

- Анненков 1989 — Annenkov P. V. "Khudozhnik i prostoi chelovek: Vospominaniia ob A. F. Pisemskom [Artist and Common Man: Memories of A. F. Pisemsky]". Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs]. Kuleshov V. I. (introd.); Dolotova A. M., Elizavetina G. G., Mann Iu. V. et al. (eds.). Moscow: Pravda Publ., 1989, pp. 459–496. (In Russian)
- Аннинский 1988 — Anninskii L. A. *Tri eretika: Povesti o A. F. Pisemskom, P. I. Mel'nikove-Pecherskom, N. S. Leskove* [Three Heretics: Stories of A. F. Pisemsky, P. I. Mel'nikov-Pechersky, N. S. Leskov]. Moscow: Kniga Publ., 1988, 352 p. (Pisateli o pisateliakh [Writers about Writers]). (In Russian)
- Барсуков 1888–1910 — Barsukov N. P. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and Works of M. P. Pogodin]: in 22 books. St. Petersburg: A. D. i P. D. Pogodiny Publ., 1888–1910. (In Russian)
- Вдовин 2011 — Vdovin A. V. "Russkii kharakter kak «literaturnyi obman»: (Rasskaz A. F. Pisemskogo «Leshii») [Russian Character as "Literary Deception" (The Story of A. F. Pisemsky "Leshy")]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Vol. 12: Mifologiya kul'turnogo prostranstva: K 80-letiiu S. G. Isakova [Mythology of Cultural Space: On the 80th Birthday of S. G. Isakov]. Kiseleva L., Stepanishcheva T. (eds.). Tartu: Tartu University Press, 2011, pp. 301–317. (In Russian)
- Еремин 1959 — Eremin M. P. "Vydaishchiisia realist [An Outstanding Realist]". Pisemskii A. F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 9 vols. Mogilianskii A. P., Eremin M. P. (eds.). Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1959, pp. 3–56. (In Russian)
- Зубков 2011 — Zubkov K. Iu. *Povesti i romany A. F. Pisemskogo 1850-kh godov: povestvovanie, context, traditsiia* [Stories and Novels by A. F. Pisemsky 1850s: Narrative, Context, Tradition]. PhD diss. (Philology). Research supervisor M. V. Otradin. St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2011, 250 p.
- Зубков 2012 — Zubkov K. Iu. *«Molodaia redaktsiia» zhurnala «Moskvitianin»: Estetika. Poetika. Polemika* ["Young Editors" of the Magazine "Moskvityanin": Aesthetics. Poetics. Controversy]. Moscow: Biosfera Publ., 2012, 212 p. (In Russian)

- Зубков 2016 — Zubkov K. Iu. “Pisemskii, Pogodin i Nekrasov v 1850-kh gg.: Redaktorskaia professiia v Rossii i ee reprezentatsii [Pisemsky, Pogodin and Nekrasov in the 1850s: The Editorial Profession in Russia and Its Representations]”. *Karabikha: Istoriko-literaturnyi sb.* [Karabikha: Historical and Literary Collection]. Issue 9. Iaroslavl’: Muzei-zapovednik N. A. Nekrasova «Karabikha» Publ., 2016, pp. 221–234. (In Russian)
- Измайлов 1930 — Izmailov N. V. “Turgenev i krug «Sovremennika» [Turgenev and the Circle of “Sovremennik”]. *Turgenev i krug «Sovremennika»: Neizdannnye materialy 1847–1861* [Turgenev and the Circle of “Sovremennik”: Unpublished Materials 1847–1861]. Izmailov N. V. (ed.). Moscow; Leningrad: Academia Publ., 1930, pp. V–XLVII. (In Russian)
- Козьмин 1982 — Koz’min B. P. “Pisemskii i Gertsen: (K istorii vzaimootnoshenii) [Pisemsky and Herzen: (On the History of Relationships)]”. Koz’min B. P. *Literatura i istoriia* [Literature and History]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982, pp. 74–121. (In Russian)
- Пустовойт 1969 — Pustovoit P. G. *A. F. Pisemskii v istorii russkogo romana* [A. F. Pisemsky in the History of the Russian Novel]. Moscow: Moscow State University Press, 1969, 271 p. (In Russian)
- Тюнькин 1964 — Tiun’kin K. I. “Pisemskii i Turgenev v ikh perepiske [Pisemsky and Turgenev in Their Letters]”. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 73: Iz parizhskogo arkhiva I. S. Turgeneva [From the Turgenev Archive in Paris]: in 2 books. Book 2: Iz neizdannoi perepiski [Some Unpublished Correspondence]. Moscow: Nauka Publ., 1964, pp. 129–137. (In Russian)
- Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования 1935 — *F. M. Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [F. M. Dostoyevsky: Materials and Research]. Dolinin A. S. (ed.). Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935, 603 p. (In Russian)

Received: March 3, 2017
Accepted: September 13, 2017

Уракова Александра Павловна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, Поварская ул., 25а;
alexandraurakova@yandex.ru

От симпатии к заражению: «Писец Бартлби» и филантропический дискурс США середины XIX в.

Для цитирования: Уракова А. П. От симпатии к заражению: «Писец Бартлби» и филантропический дискурс США середины XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 376–389. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.305>

В статье предлагается анализ знаменитого рассказа Г. Мелвилла «Писец Бартлби» (1854) в контексте филантропических практик и риторики благотворительности США так называемого довоенного периода (1820–1850-е годы). Утверждается, что рассказчик (стряпчий) — это тип сентиментального филантропа: он движим сочувствием и симпатией к Бартлби и вместе с тем находится во власти моральных конвенций и предрассудков своего времени. С одной стороны, благотворительность считалась богоугодным занятием, была нераздельной частью сентиментального образования, домашней и социальной жизни. С другой стороны, благотворительные практики исходили из принципов так называемой «экономии милосердия», если воспользоваться термином американской поэтессы Лидии Сигурни: имеется в виду систематическое жертвование бедным небольшой доли денег или времени, основанное на принципе разумного распределения средств. Американские благотворители «довоенного» времени также руководствовались жесткими нравственными критериями, разделяя бедных на достойных (т. е. работающих и благочестивых) и недостойных (тунеядцев, лжецов и попрошайек). Образ Бартлби, с одной стороны, соотносится с типом «недостойного бедного» (*unworthy poor*) — иждивенца, отказывающегося зарабатывать на жизнь честным трудом и порицаемого американским обществом, с другой — не вписывается в заданные рамки: персонаж не уличен в безнравственности и не занимается попрошайничеством. Мелвилл использует стереотипы современного ему филантропического дискурса с тем, чтобы поставить сложные этические вопросы и предложить принципиально альтернативную модель отношений между благотворителем и его подопечным. В частности, такая распространенная в середине XIX в. филантропическая практика, как визит к бедным (*visit of the poor*), представлена в рассказе в гротескном и инверсированном виде. Наконец, сентиментальную симпатию подменяет романтический и готический мотив заражения, который предполагает принципиально иную модель отношений: если симпатия основана на идее тождества универсальных гуманистических ценностей и чувств, то заражение вовлекает персонажа в невольное сопереживание иному, которое воспринимается в обществе как аномалия и не подлежит сочувствию. В статье также показано, как идея милосердия, смещаясь из сферы домашнего и привычного, начинает граничить с готическим и жутким.

Ключевые слова: Г. Мелвилл, *Писец Бартлби*, благотворительность, этика, филантроп, *недостойный бедный*, визиты к бедным, симпатия, заражение, жуткое.

Еще в 1989 г. американский критик Дэн Маккол отметил существование «индустрии Бартлби» (Bartleby industry) [McCall 1989: X]. С тех пор библиография исследовательских работ о «Писце Бартлби» («Bartleby the Scrivener», 1854) существенно пополнилась; в самом деле, это один из самых хорошо изученных рассказов Германа Мелвилла (1819–1891) и, возможно, один из самых хорошо изученных художественных текстов в истории американской литературы. В данной статье предлагается еще одна интерпретация, которая, как мы надеемся, позволит перечитать рассказ с ракурса, недостаточно исследованного в американской критике и безусловно нового для отечественной американистики. Помещая рассказ в контекст филантропического дискурса США середины XIX в., мы надеемся привлечь внимание читателя на этическую проблематику рассказа в ее соотносительности с социальными реалиями так называемой довоенной (antebellum) эпохи¹.

Дж. Хиллис Миллер справедливо пишет о том, что «“Писец Бартлби” — это не столько история Бартлби, сколько история об этическом отношении (ethical relation) к Бартлби рассказчика, или, точнее, о его провале»² [Miller 1990: 142]. Отношения стряпчего и Бартлби выстраиваются как отношения: 1) работодателя и работника; 2) благодетеля и его подопечного; 3) биографа и его героя. Все три социальные модели терпят фиаско: работодатель нанимает писца, который «предпочитает не» работать; благодетель, невзирая на все усилия, не только не получает взамен благодарности, но и становится свидетелем плачевного «результата» — смерти своего подопечного; наконец, биограф пишет историю человека, которого не знает [Miller 1990: 142]. Зазор между тремя социальными ролями стряпчего, отмечаемый Хиллисом Миллером, в самом деле очень интересен — особенно если учесть, что рассказ был написан незадолго до выхода последнего романа Мелвилла «Шарлатан» («Confidence Man», 1857), во многом посвященного благотворительности как несостоявшемуся национальному проекту.

Практически все исследователи «довоенной» филантропии отмечают присущую ей амбивалентность. С одной стороны, благотворительность опиралась на идею безусловного христианского долга и сентиментальной симпатии к несчастным и обездоленным; филантроп, согревая сироту фланелевыми носками или устраивая на работу вдову, был прежде всего движим «зовом сердца». С другой стороны, в основе большинства благотворительных практик лежали принципы разумной экономии — «экономии милосердия» (the economy of charity), говоря словами поэтессы и автора пособия по домашнему хозяйству «Письма для юных леди» Лидии Сигурни [Sigourney 1833: 106]. Благотворительность, которой занимались в первую очередь дамы среднего класса, входила в круг домашних дел; различные пособия и инструкции были призваны ее упорядочить и систематизировать. Как писала автор знаменитого «Трактата о домашней экономии» Кэтрин Бичер:

«То, что мы должны отдавать **часть** своего времени, денег и усилий на помощь нуждающимся, признают все. Но сколько мы должны отдавать и на кого мы должны расточать наше милосердие, может поставить в тупик размышляющий ум» [Beecher 1843: 168].

¹ Принятое в американской критике обозначение периода в истории литературы, предшествующего Гражданской войне между Севером и Югом (1820–1850-е годы).

² Здесь и далее перевод цитат из английских изданий принадлежит автору статьи.

Чтобы помочь своим читательницам, Бичер разработала сложную систему распределения средств, объединяя все домашние траты в три неравные группы и оценивая их с точки зрения «необходимого» и «избыточного». Потраченное на удовольствие не должно превышать сумму, отведенную на образование и благотворительность; то же касается и времени [Beecher 1843: 175]. Строгих критериев, по которым можно было бы разделять «необходимое» и «излишки», Бичер не предлагает, допуская здесь некоторую погрешность и советуя мысленно обращаться за советом к Богу. Однако составление самой сметы строго обязательно.

«Что если женщина говорит, что не может этого делать? В таком случае ее нужно спросить, станет ли она этим заниматься, если бы ей предложили тысячу долларов в конце года в качестве вознаграждения? Пусть подумает и решит, что ценнее: чистая совесть и одобрение Бога за то, что она исполняет Его волю, или же тысяча долларов? И пусть перед глазами у нее будут слова из Библии: „Нельзя служить двум господам“ и „Не можете служить Богу и маммоне“» [Beecher 1843: 174].

Данный пассаж замечателен тем, что Бичер, подчеркивая превосходство духовных ценностей над материальными, тем не менее исходит из их соизмеримости. Евангельская максима о невозможности одновременно служить Богу и маммоне встроена в сложную систему расчетов: на службу Богу выделяется третья часть расходуемых средств, которая должна быть, в совокупности с расходами на образование, не меньше трат на «безделушки» [Beecher 1843: 175]. Благотворительность и роскошь в идеальной экономии Бичер становятся эквивалентными, а удовольствие и долг уравнивают друг друга. Именно по поводу такой экономии иронизировал Г. Торо, когда писал в «Уолдене»:

«Ты хвалишься, что тратишь на благотворительность десятую часть своих доходов, — не лучше ли отдать и остальные девять десятых и сразу покончить с этим делом?» [Торо 1979: 87].

Другой особенностью филантропического дискурса «довоенного» периода следует назвать общее недоверие к нищим и жесткое разделение бедных на достойных и недостойных (*worthy / unworthy poor*). Исследователи усматривают здесь национальную специфику³: недоверие отчасти подкреплялось мифологемой Нового Света — Америка, в отличие от Европы, предлагает равные возможности для всех, — и, следовательно, бедность напрямую связывалась с пороком или ленью. Бичер, к примеру, пишет:

«Земля настолько богата ресурсами и здесь так много возможностей для работы, что любой здоровый человек в состоянии себя прокормить. И если бы бедные в одно мгновение стали добродетельными, возможно, и не было бы таких материальных нужд, с какими бы каждый страдалец не справился бы при помощи близких друзей. Только больные, старики и сироты стали бы единственным объектом милосердия» [Beecher 1843: 177–178].

³ Например, по словам Р.Х. Бремнера, «слово „филантропия“ и идеи, которые оно выражало, вызывали смешанные чувства у американца <...> на глубинном уровне в филантропии есть нечто идущее в разрез с идеей демократии (*seems to go against the democratic grain*)» [Bremner 1988: 2].

Столь же определенно звучит эта же мысль в романе «Бедный богатый и богатый бедный» («The Poor Rich Man, and the Rich Poor Man», 1836) современницы Бичер Кэтрин Седжвик. Герой романа Гарри Эйкен, благочестивый «бедный», заявляет:

«...[В] этой стране настоящий комфорт и лучшие жизненные удовольствия — гостеприимство, щедрость, милосердие — доступны и для бедных; если они **умны и хозяйственны (if intelligent and managing)**, то не вынуждены, даже самые неблагоустроенные, проводить жизнь в мучительных попытках свести концы с концами; при помощи усердия и изобретательности они могут развивать ум и сердце, свои и собственных детей, направляя последних к процветанию, равно открытому для всех» [Sedgwick 1836: 106].

Подобные представления были устойчивы, хотя едва ли соответствовали социальным реалиям больших городов, в которых ряды нищих ежегодно пополнялись эмигрантами и беглыми рабами. Особенно сильным было недоверие к неработающему или не желающему работать бедняку; если «усердие и изобретательность» неизменно ведут к процветанию, то сознательный саботаж работы де факто признавался пороком и злом.

К середине XIX в. обычной практикой стали так называемые визиты к бедным (visits of the poor). Эти визиты нередко были актом доброй воли самих филантропов и поощрялись как стремление делать добрые дела самолично; однако не менее часто они совершались агентами благотворительных организаций и по форме напоминали детективные расследования: визитеры бесцеремонно входили в дома нуждающихся, причем визиты подчас осуществлялись вопреки воле и желанию последних. Задача подобных вторжений заключалась в том, чтобы отличить достойного бедного от недостойного, порок от добродетели, злой умысел от благонамеренности. «Визитеры» стремились вывести на чистую воду профессиональных нищих, лицемеров, пьяниц и лентяев, чтобы собранные на благотворительность средства не попали в нечистые руки. Иными словами, это были настоящие детективные расследования без криминальной составляющей.

Заметим, что на этот счет существовали специальные инструкции. Например, в Америке большим спросом пользовалась книга французского филантропа барона Жозефа-Мари де Жерандо, которая так и называлась — «Посетитель бедных» («The Visitor of the Poor», 1832). Жерандо предостерегал от подаяний случайным нищим на улице, рисуя страшную картину: подавая милостыню, ты можешь дать деньги убийце, который купит на них кинжал и воткнет тебе его в спину, даже не ведая о том, что убивает своего благодетеля [Gerando 1832: 9]. Именно поэтому истинное милосердие сопряжено с расследованием и контролем: сначала узнай, достоин ли бедный милосердия, и только потом окажи ему посильную помощь. Визитеру предлагалось осмотреть жилище, поговорить с арендодателем и с соседями, наконец, не только допросить бедного, но и сделать выводы на основании собственных наблюдений.

«Опытный наблюдатель может многое вычитать из черт и выражения лица человека, которого он хочет узнать. Обычно выражение лица более красноречивое и искреннее у низших классов, где уделяют меньше внимания **манерам**» [Gerando 1832: 27].

Говоря о «визитах к бедным» — «системе, которая максимально увеличила возможности для надзора и рационализировала сам акт дарения», — американская исследовательница С. М. Райен обращает внимание на вытеснение сочувствия другими эмоциями, на торжество «расследования (investigation) над симпатией» и усматривает в самой практике выраженные несентиментальные или антисентиментальные элементы филантропии «довоенной» эпохи [Ryan 2003: 27]. Сторонники визитов «словно говорили: к чему рисковать, отождествляя себя с чувствами и эмоциями просителя, если их подлинность нельзя проверить?» [Ryan 2003: 19]. В то же время де Жерандо призывал начинающих филантропов не к поверхностному расследованию, а к глубокому познанию: «Проникни в секреты этого страждущего сердца» [Gerando 1832: 42].

Райен впервые обратила внимание на то, что в «Бартлби» Мелвилл не только пародирует, но и инверсирует данную практику [Ryan 2003: 61]. Одним воскресным утром стряпчий «навещает» Бартлби в своем же собственном офисе, совершенно случайно обнаружив, что его работник давно там живет.

«Без всякой помехи я вставил ключ в замок, отворил дверь и вошел. Бартлби не было видно. Я с опаской огляделся, заглянул за ширмы; было ясно, что он ушел. Более внимательный осмотр помещения убедил меня в том, что Бартлби уже давно и ест, и одевается, и спит у меня в конторе, притом без тарелок, без зеркала и без кровати» [Мелвилл 1988: 36].

Стряпчий, подражая благотворительным агентам, обращает внимание на детали:

«...под столом у Бартлби я обнаружил скатанное одеяло; в давно не топленном камине — банку с ваксой и щетку; на стуле — жестяной таз, мыло и рваное полотенце; а в газете — крошки от имбирных пряников и небольшой кусок сыра» [Мелвилл 1988: 37].

Замечательно, что инспекция «жилья» Бартлби начинается с подозрения:

«Неужто тут творятся некрасивые дела? Нет, это исключено. Заподозрить Бартлби в безнравственности просто немислимо. Но чем же он там занимался? Переписыванием? Опять-таки нет» [Мелвилл 1988: 36].

Офис стряпчего временно становится жилищем или домом Бартлби, явно используя не по назначению.

В то же время заметим, что «визит» стряпчего и его подозрительный осмотр не дают никакого результата. В отличие от многих своих современников, стряпчий все время рефлексировал по поводу собственной деятельности:

«Я мог подать ему милостыню; но тело его не страдало — мучилась его душа, а душа его была для меня недосыгаема» [Мелвилл 1988: 39].

Эти слова — осознание того, что его сентиментальная миссия терпит крах: стряпчий так и не смог «проникнуть» в глубины страждущего сердца, к чему призывали идеологи «визитов к бедным». В результате осмотра импровизированного «жилища» Бартлби «расследование» вытесняется даже не «симпатией», а сильным эмпатическим чувством: стряпчего охватывает чувство «тягостной, щемящей печали» (overpowering stinging melancholy).

«Раньше мне приходилось испытывать только не лишённую приятности грусть. Теперь же сознание родственной связи с другими людьми невыразимо меня угнетало. Печаль брата! (A fraternal melancholy!). Ведь мы с Бартлби оба были сынами Адама» [Мелвилл 1988: 37; Melville 1997: 33].

Постепенно, однако, это новое, не испытываемое им прежде чувство начинает меняться:

«Первыми моими чувствами были чистая печаль (melancholy) и искренняя жалость: но по мере того как я все яснее представлял себе, до какой степени Бартлби несчастен и одинок, печаль (melancholy) переходила в страх, а жалость в неприязнь» [Мелвилл 1988: 38; Melville 1997: 33].

Сам герой объясняет эту метаморфозу не себялюбием, а благоразумием человека перед лицом несчастья, которому он не может помочь. Перед нами прямая аллюзия к «Теории нравственных чувств» Адама Смита:

«Хотя сострадание есть естественное чувство человека, все же мы никогда так живо не чувствуем за другого, как за самих себя <...> чувство нашей собственной безопасности, мысль о том, что действительно страдает кто-то другой не могут по-кинуть нас» [Смит 1997: 42].

Рассказчик — это образцовый сентиментальный филантроп: с одной стороны, он движим жалостью и чувством морального долга, с другой — чувством самосохранения; он стремится к компромиссу между бескорыстием и собственными интересами. Как говорит сам стряпчий, чье терпение Бартлби то и дело испытывает:

«...всем, особенно же людям вспыльчивым, должно **хотя бы ради собственной пользы**, если уж нет у них более благородных побуждений, стремиться к милосердию и добрым делам». [Мелвилл 1988: 46].

Милосердие ради собственной пользы и выгоды — еще одна аллюзия к «Теории нравственных чувств» и философам Просвещения, а также к сентиментальной этике в целом.

Тема милосердия имеет в рассказе не только ярко выраженный этический, но и социально-экономический аспект. Бартлби — наемный работник, который в какой-то момент отказывается выполнять свою работу. Добросердечному стряпчему ничего не остается, как сменить свой статус работодателя на статус благотворителя: или ты платишь за работу, или отдаешь часть своих средств страждущему в благотворительных целях, третьего не дано. Проблема заключается, однако, в том, что Бартлби не соответствует представлениям о достойном бедном (worthy poor) — притом что, как уже упоминалось, «заподозрить в безнравственности» его «немыслимо». Он не склонен к пороку и пьянству, довольствуется ничтожно малым — пятью центами в день — и питается одними грошовым имбирными пряниками. Казалось бы, вот основа для нарратива об успехе, сюжет многочисленных современных Мелвиллу «историй успеха» («success stories») о бедняке, который в результате упорного труда и лишений в конце концов выбивается в люди. Например, в рассказе Себы Смита «Билли Снаб, газетчик» («Billy Snub, The Newsboy», 1842) повествуется о маленьком мальчике Билли Снабе. Убедив от отца-пьяницы,

он устроился на работу газетчиком; предельно ограничивая себя во всем и ежедневно откладывая сбережения из заработка, он сумел не только помочь своей голодающей семье, но и сколотить небольшой капитал. Рассказ заканчивается словами:

«Он активен, здоров, честен и упорен; безусловно, он станет богатым и уважаемым человеком, чье имя засияет на странице блистательной истории семьи Снабов — как имя ее основателя» [Smith S. 1843: 84].

Но Бартлби — человек без семьи и привязанностей — в отличие от Билли Снаба не стремится к успеху и благоденствию; он **отказывается** работать.

Казалось бы, он не принимает помощи — и деньги, и (в финале рассказа) обед остаются нетронутыми, — однако он пользуется милостью стряпчего опосредованно, продолжая жить в конторе, не оплачивая помещение и не платя налоги (на что стряпчий сетует в сердцах). Жить на иждивении в американском обществе того времени мог позволить себе только инвалид, и рассказчик хватается за эту идею как за соломинку:

«Меня осенила догадка, что работа у темного окна, да еще при том беспримерном усердии, какое проявлял он в первые недели, плохо отразилась на его зрении. Я был растроган» [Мелвилл 1988: 41].

Но «соломинка» только погружает стряпчего в бездну недоумения: Бартлби не только не стремится восстановить зрение, но и отказывается выполнять простейшие поручения, не требующие зрительного напряжения.

Неудивительно, что несоответствие Бартлби образу «достойного бедного» бросает тень на репутацию самого благотворителя и делает его деятельность как минимум экстравагантной.

«Я бы, вероятно, так и пребывал в этом возвышенном и отрадном состоянии духа, если бы мои деловые знакомые, бывавшие у меня в конторе, не стали мне навязывать своих непрошенных и негуманных советов. Но ведь частенько бывает, что лучшие намерения людей доброжелательных в конце концов разбиваются о постоянное противодействие менее великодушных умов» [Мелвилл 1988: 47].

Друзья рассказчика начинают говорить о «привидении» [Мелвилл 1988: 48] обитающем в его конторе, — мрачная метафора, заставляющая стряпчего заподозрить злой умысел Бартлби:

«...чего доброго, переживет меня, да еще вздумает притязать на мою контору, ссылаясь на бессменное там проживание» [Мелвилл 1988: 48].

«Писец Бартлби» — рассказ, который, как никакой текст XIX в., ставит вопрос о границах милосердия: где наступает его предел, где заканчиваются его возможности? Стряпчий переезжает в другую контору, оставляя Бартлби, но через некоторое время возвращается:

«Напрасно я твердил, что Бартлби для меня чужой человек, так же как и для всех здесь присутствующих. Нет, я последним имел к нему какое-то отношение, и мне не уйти от ответа» [Мелвилл 1988: 48].

Увидев Бартлби сидящим на перилах конторы к негодованию новых владельцев, стряпчий (опасаясь, что его имя появится в газетах) пытается договориться со своим бывшим работником. Он предлагает ему различные варианты помощи, действуя в точном соответствии с благотворительной этикой. Например, предлагает помочь с работой:

«Хотите снова поступить к кому-нибудь в переписчики? <...> Хотите пойти сидельцем в мануфактурную лавку? <...> А место буфетчика в ресторане вас не прельщает? <...> Ну, тогда вы, может быть, хотите поездить, получать для купцов деньги по счетам с иногородних покупателей? Это бы вам и для здоровья было полезно» [Мелвилл 1988: 51], и т. д., и т. д.

Он пытается найти ему новое пристанище и заходит так далеко, что соглашается его приютить:

«...пойдемте ко мне — не в контору, а домой, и поживите у меня, пока мы не спеша придумаем для вас что-нибудь подходящее» [Мелвилл 1988: 52].

Получив отказ, он понимает,

«...что сделал все возможное как по отношению к домовладельцу и его съемщикам, так и по отношению к Бартлби, которого из чувства долга и просто из жалости пытался до сих пор оградить от грубых преследований» [Мелвилл 1988: 52].

Но это вполне справедливое с моральной точки зрения оправдание не удовлетворяет прежде всего самого стряпчего, который страдает от укулов совести и продолжает ходить к Бартлби в тюрьму, куда того отправляет полиция.

Иными словами, милосердный стряпчий готов пожертвовать одной десятой долей времени и средств, а возможно, даже несколькими долями, но никак не десятью десятыми; благодеяние может быть оказано только **в обмен** на усердие, или на согласие жить в соответствии с нормой, или на признательность, которая могла бы дать благотворителю чувство самоудовольствования (не случайно в критике Бартлби традиционно и настойчиво сравнивается с фигурой Христа, взывающей к безусловной милости). Бартлби отказывается играть по этим правилам, и, следовательно, стряпчий обречен вечно испытывать чувство вины, вопреки тому, что «сделал все возможное»⁴. Неспособность, более того, невозможность принятия инаковости Бартлби — предел милосердия как социальной практики, предел сентиментального милосердия, основанного на разумном эгоизме просветителей XVIII в., милосердия как экономии.

В этом отношении очень показательна готическая метафорика рассказа, которая становится здесь предельным обозначением социальной негативности. Бартлби — это самодостаточный человек, который хочет, чтобы его оставили в покое, но одновременно он — призрак («apparition», «ghost» [Melville 1997: 31, 42]), напо-

⁴ Т. Д. Венедиктова обращает внимание на то, что «с точки зрения здравого смысла герою-повествователю не в чем себя винить — читатель и не винит его, а скорее сочувствует: он ведь сделал все, что мог, и едва ли кто на его месте мог бы сделать больше. Сверхусилие, необходимое для установления контакта с Бартлби, требует, помимо неиссякаемой (!) доброй воли, еще времени — чистого времени общения, которого у человека мало вообще, в деловом же мире „нет“ по определению» [Венедиктова 2003: 208].

минающий филантропу о неуместности всех его начинаний, о фатальной ограниченности его деятельности. В итоге стряпчему ничего не остается, как сломя голову бежать от своего призрака и невыносимого кошмара («intolerable incubus» [Melville 1997: 43]), покидая проклятую контору и оставляя Бартлби своим преемникам. Бегство не помогает, и он сам начинает преследовать своего «призрака» — еще одна жанровая инверсия в рассказе.

Как упоминалось выше, в «довоенной» Америке благотворительность считалась прежде всего женским предназначением и занятием и тем самым традиционно связывалась с культурой домашней жизни, занимая сферу повседневного, привычного, знакомого, упорядоченного (sanity). В рассказе Мелвилла, напротив, милосердие неожиданно начинает граничить с жутким (uncanny). Например, незнакомой, непривычной, жуткой становится для стряпчего сама его контора, когда он обнаруживает, что в ней поселился Бартлби. Контора, с ее знаменитой стеной, на которую обречен целыми днями смотреть из окна переписчик, — это прямое отрицание домашнего уюта, столь высоко ценимого современниками и современниками Мелвилла. Появление в ней «призрака» совершенно не удивительно. Наконец, в «готисизации» темы милосердия участвует и мотив заражения, который вводится в качестве своеобразной альтернативы симпатии⁵.

О заражении в «Писце Бартлби» много было написано, в частности о заражении знаменитой фразой «I prefer not to» [Melville 1997: 25] (буквально «Я предпочитаю не»), которую повторяет писец. Когда один из клерков, Кусачка, возмущается поведением Бартлби, рассказчик резко прерывает его словами: «Мистер Кусачка, — сказал я, — я бы предпочел, чтобы вы пока отсюда ушли». И тут же замечает:

«В последнее время я стал ловить себя на том, что употребляю это слово „предпочитать“ по всякому поводу, даже и не вполне подходящему. И я трепетал при мысли, что общение с переписчиком уже успело отразиться на моем рассудке. Не последует ли за этим и более серьезное помрачение ума?» [Мелвилл 1988: 40].

Когда приходит Индюк и тоже говорит «предпочел бы», стряпчего охватывает тревога: «Значит и вы подхватили это слово?» Индюк недоумевает, более того — отрицает:

«— А-а, „предпочел“? Да, да, чудное слово. Я-то его никогда не употребляю. Так вот, сэр, я и говорю, если б он только предпочел...

— Индюк, — перебил я, — будьте добры выйти отсюда.

— Слушаю, сэр, конечно, если вы так предпочитаете.

Когда он отворил дверь, Кусачка увидел меня со своего места и спросил, как я предпочитаю — чтобы он переписал такой-то документ на голубой бумаге или на белой. Слово „предпочитаю“ он произнес без всякого озорства или подчеркивания.

⁵ Заражение, вызывающее неизбежные медицинские ассоциации у современного читателя, в романтической литературе XIX в. ни в коем случае не было физикалистским термином, принимая во внимание характерную для романтизма размытость границ между телесным и душевным, физиологией и психикой. Заразиться можно было не только болезнью, но и страхом, тревогой, беспокойством, смехом, словом и пр. Именно в таком широком смысле это слово (infection, contagion) используется исследователями Мелвилла и будет использоваться нами в дальнейшем. О заражении как важнейшем мотиве романтической литературы см. в нашей книге [Уракова 2009: 200–221].

Ясно было, что оно слетело у него с языка само собой. Нет, подумал я, пора избавиться от сумасшедшего, который и мне, и моим клеркам уже свихнул если не мозги, то язык» [Мелвилл 1988: 41].

Невольное подхватывание слова — эффектный пример заражения в действии: слово повторяется без всякого намерения со стороны говорящего. Жиль Делёз обратил внимание на то, что заразительность слова связана с аграмматичностью выражения, его ускользанием от лингвистической нормы. Выверт или вывих языка и происходит в том числе потому, что выражение Бартлби само по себе вывернутое или вывихнутое; это болезнь языка, которая распространяется, подобно эпидемии.

«...Я НЕ ПРЕДПОЧИТАЮ, которая будет множиться и множиться, перекидываться на других, обратит в бегство стряпчего, а также и язык, будет расширять зону неопределенности или неразличимости, так что слова больше не будут различаться, равно как и персонажи...» [Делёз 2002: 54].

Показательно, что аграмматической эпидемией охвачен не только стряпчий, но также Кусачка и Индюк, которые не питают к Бартлби никакого сочувствия; заражение действует по другим законам, нежели симпатия, которая предполагает осознанное вовлечение и отождествление. Сочувствие к ближнему непосредственно связано со способностью вообразить себя на месте другого. В «Теории нравственных чувств» А. Смита — этой библии сентиментализма — утверждается, что сочувствие к ближнему непосредственно связано со способностью вообразить себя на месте другого. Как пишет Смит в первой главе, «О симпатии», только благодаря воображению человек оказывается способен сопережить страдания ближнего — «как бы войти в его тело» и «испытать схожие чувства, хотя бы и в более слабой степени» [Smith A. 2002: 12]. В сентиментальной симпатии, побуждающей к милосердию, есть момент контагиозности, произвольной телесной реакции, однако сама симпатия — многосоставный процесс — в не меньшей степени умозрительный, чем телесно-сенсорный. Он невозможен без «внутреннего наблюдателя», по Смигу, — нравственного мерил, имплицитного морального агента, оценивающего со стороны. Иная ситуация — с мотивом заражения в готической литературе этого же периода: когда от персонажа к персонажу передаются страх, тревога, беспокойство, нервное возбуждение, безумие — причем в полной мере, а не «в более слабой степени». Передача может осуществляться посредством книги, рассказа, совместных занятий искусством или различных форм невербального общения (см. об этом подробно: [Уракова 2009]). Отношения телесно-миметического сходства — вплоть до стирания различий, так называемого романтического двойничества — всегда произвольны; зачастую персонаж, который их испытывает, не отдает себе в них отчета или замечает только симптомы «болезни».

В данном контексте не удивительно, что стряпчий всячески противится заражению и искренне боится заразиться «расстройством» Бартлби, будь то меланхолия или «болезнь» языка. Р. Дж. Злогар, рассматривающий «Писца Бартлби» в контексте метафоры проказы, отмечает, например, следующие намекающие на этот страх детали: стряпчий застегивает пиджак на все пуговицы или кладет руку в карман, когда приближается к Бартлби или даже думает о нем. Само бегство стряпчего из зараженного / прокаженного дома может быть рассмотрено как «радикальная мера», к которой он вынужден прибегнуть, движимый инстинктом самосохране-

ния. В свою очередь, подобно прокаженному, Бартлби одновременно подвергается социальному ostracismu и побуждает к милосердию [Zlogar 1999: 514–515].

Делёз отмечает, что стряпчий «ведет себя странным образом» с самого начала рассказа, однако «странности» с очевидностью возрастают по мере развития сюжета и связаны не только с повтором «прилипчивой» фразы. Аномалией становится сама привязанность рассказчика к Бартлби, в которой часто видят гомоэротический подтекст; все его поведение до абсурдности нелепо: стряпчий вынужден бежать из собственной конторы, чтобы избавиться от плохого работника, но и после этого продолжает ходить за ним по пятам. Когда на следующий день он возвращается в контору проведать Бартлби, на него показывают пальцем и кричат: «Вот он, вот он идет!» [Мелвилл 1988: 50]. Стряпчий оказывается меченным своей связью с Бартлби — вопреки здравому смыслу рыночных отношений между работодателем и работником, основанных на дистанции и отчуждении. Казалось бы, дар времени, который стряпчий дает своему писцу, — а если он что-то и дает ему, так это время, возможность просто быть, пребывать в его конторе, — накладывает на него особые обязательства, связывает его невидимой нитью с Бартлби даже после того, как их формальные отношения прерываются.

От начала и до конца стряпчий остается субъектом сентиментальной филантропии «довоенного» периода, пытаясь найти компромисс между собственными интересами и моральным императивом, между импульсом чувствительного сердца и моральными установками своего времени. Но незаметно для себя он сам становится **другим** — благодаря своей связи с Бартлби, накладывающей отпечаток на его личность. Не только страх заражения, но и заражение в действии — душевным расстройством, меланхолией, аномальным, асоциальным поведением — подтачивает авторитетную рассудительность и благоразумие рассказчика. Как Индюк, который все время использует слово «предпочел бы», не отдавая себе в этом отчета, рассказчик убеждает и себя, и читателя, что остается в пределах нормы. Мораль всецело принадлежит дискурсу рассказчика, непрестанно оценивающего правильность и правомерность своих поступков. В то же время заражение имеет непосредственное отношение к этике как единственно возможный способ безоговорочного, внедискурсивного отождествления с состоянием другого, ставящего под сомнение сентиментальное милосердие с его регламентированными рамками и устойчивыми нравственными критериями. Заражение приглашает со-переживать инаковости, которая воспринимается в обществе как аномалия и как таковая исключает отношения симпатии, основанные на идее тождества универсальных гуманистических ценностей и чувств.

После смерти Бартлби стряпчему ничего не остается, как рассказать о нем историю, которая, с одной стороны, служит способом самооправдания (рассказчик все время словно вопрошает читателя: «правильно ли я сделал? а как бы поступили вы?»), но с другой стороны — «вирусом», инфицирующим читателя (не случайно заражение в самом рассказе начинается с языка). Так и не разобравшись в том, кто такой Бартлби, стряпчий не может вынести о нем морального суждения, как того требовал жанр истории на благотворительный сюжет; он может только поведать нам историю собственной одержимости, поделиться опытом трансгрессии социального, в котором он сам не отдает себе отчета.

Таким образом, как мы постарались показать, «Писец Бартлби» можно прочитать как развернутый комментарий Мелвилла к дискуссиям о благотворительности и ее границах, которые активно велись его современниками. Мелвиллу была глубоко чужда «экономика милосердия» «довоенного» периода, которая предполагала жертвование долей имущества или времени в пользу нуждающегося и была неразрывно связана с нравственной оценкой («достойный» / «недостойный» бедный). В «Писце Бартлби» Мелвилл остраивает саму идею милосердия, подменяя сентиментальный мотив симпатии романтическим и готическим мотивом заражения, угрожающим самоидентификации и автономности субъекта. При этом сам он принципиально уклоняется от какого бы то ни было морального суждения — как в отношении писца Бартлби, которому не соответствует ни одна из предлагаемых социальных «масок», так и в отношении стряпчего — добросердечного, но незадачливого филантропа.

Источники

- Мелвилл 1988 — Мелвилл Г. “Писец Бартлби”. Лорие М. (пер.). Мелвилл Г. *Собрание сочинений*: в 3 т. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1988, сс. 21–56.
- Торо 1979 — Торо Г. Д. *Уолден, или Жизнь в лесу*. Елистратова А. А. (ред.); Александрова З. Е., Старцев А. И., Елистратова А. А. (подгот. изд.). 2-е изд. М.: Наука, 1979, 455 с. (Литературные памятники).
- Beecher 1843 — Beecher C. E. *A Treatise on Domestic Economy: For the Use of Young Ladies at Home, and at School*. Boston: Thomas H. Webb, 1843, 383 p.
- Gerando 1832 — Gerando J.-M. de. *The Visitor of the Poor: Designed to Aid in the Formation and Working of Provident and Other Kindred Societies*. Tuckerman J. (introd.). Boston: Hilliard, Gray, Little, and Wilkins, 1832, 211 p.
- Melville 1997 — Melville H. “Bartleby the Scrivener”. Melville H. *The Complete Shorter Fiction*. New York: Alfred A. Knopf, 1997, pp. 18–51.
- Sedgwick 1836 — Sedgwick C. M. *The Poor Rich Man, and the Rich Poor Man*. New York: Harper and brothers, 1836, 186 p.
- Sigourney 1833 — Sigourney L. *Letters to Young Ladies*. New York: Harper and Brothers, 1833, 259 p.
- Smith S. 1843 — Smith S. “Billy Snub, The Newsboy”. *The Gift: A Christmas and New Year’s Present*. Leslie E. (ed.). Vol. 6. Philadelphia: Carey and Hart, 1843, pp. 58–84.

Литература

- Венедиктова 2003 — Венедиктова Т. Д. *Разговор по-американски: Дискурс торго в литературной традиции США*. М.: НЛЮ, 2003, 322 с. (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 32).
- Делёз 2002 — Делёз Ж. *Критика и клиника*. Фокин С. Л., Волчек О. Е. (пер. с фр.). СПб.: Machina, 2002, 240 с.
- Смит 1997 — Смит А. *Теория нравственных чувств*. Мееровский В. В. (вступ. ст.); Грязнов А. Ф. (подгот. текста, коммент.). М.: Республика, 1997, 352 с.
- Уракова 2009 — Уракова А. П. *Поэтика тела в рассказах Эдгара Алана По*. М.: Ин-т мировой литературы РАН, 2009, 251 с.
- Bremner 1988 — Bremner R. H. *American Philanthropy*. Chicago: University of Chicago Press, 1988, 291 p.
- McCall 1989 — McCall D. *The Silence of Bartleby*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1989, XIII, 206 p.
- Miller 1990 — Miller J. H. “Who is He? Melville’s Bartleby the Scrivener”. Miller J. H. *Versions of Pygmalion*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1990, pp. 141–178.

- Ryan 2003 — Ryan S. M. *The Grammar of Good Intentions: Race and the Antebellum Culture of Benevolence*. Ithaca: Cornell University Press, 2003, XII, 235 p.
- Smith A. 2002 — Smith A. *The Theory of Modern Sentiments*. Haakossnen K. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 411 p.
- Zlogar 1999 — Zlogar R. J. “Body Politics in “Bartleby”: Leprosy, Healing, and Christ-ness in Melville’s “Story of Wall-Street””. *Nineteenth Century Literature*. 53, 4, 1999: 505–529.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2017 г.

Статья рекомендована в печать 8 сентября 2017 г.

Urakova Alexandra Pavlovna

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russia;
alexandraurakova@yandex.ru

Between sympathy and contagion: “Bartleby the Scrivener” and the US charity discourse of the mid-19th century

For citation: Urakova A. P. Between sympathy and contagion: “Bartleby the Scrivener” and the US charity discourse of the mid-19th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 376–389. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.305> (In Russian)

The paper analyzes a famous short story “Bartleby the Scrivener” (1854) by H. Melville against the context of philanthropic practices and charity rhetoric of the antebellum United States. It claims that the narrator, or the lawyer, represents the type of a sentimental philanthropist: he feels sympathy and compassion for Bartleby and yet acts in accordance with moral conventions and prejudices of his time. Almost all scholars of the antebellum philanthropy point at its ambivalence. On the one hand, charity was bearing on the idea of Christian duty and sentimental sympathy to the poor and to the destitute, on the other most of the charity practices of the period professed the Smithian principles of reasonable economy, or the “economy of charity,” to use the term of an American poet Lydia Sigourney. The paper argues that Melville employs the stereotypes of contemporary charity discourse in order to pose complex ethical questions and suggests an alternative model of relationship between a philanthropist and his dependent. For example, such well-known antebellum charity practice as the visit of the poor is represented in the story in the grotesque and inverted form. Sympathy is replaced by contagion that breaks with the sentimental notion of charity based on the idea of the sameness of universal values and sentiments. The article also demonstrates how in Melville’s short story, the very idea of charity is removed from the sphere of familiar and canny and begins to verge on the uncanny and the on Gothic.

Keywords: G. Melville, *Bartleby the Scrivener*, benevolence, ethics, philanthropist, *unworthy poor*, visits of the poor, sympathy, contagion, uncanny.

Source

- Мелвилл 1988 — [Melville H.] “Bartleby, the Scrivener: A Story of Wall-Street”. *Putnam’s Magazine*. 11–12, 1853. (Russ. ed.: Melvill G. “Pisets Bartlbi [Bartleby, the Scrivener]”. Lorie M. (transl.). Melvill G. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 3 vols. Vol. 3. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988, pp. 21–56.) (In Russian, transl. from English)
- Торо 1979 — Thoreau H. D. *The Writings*: in 20 vols. Vol. 3: Walden; or, Life in the Woods. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Co., 1906, 364 p. (Russ. ed.: Toro G. D. *Uolden, ili Zhizn’ v lesu* [Walden; or, Life in the Woods]. Elistratova A. A. (ed.); Aleksandrova Z. E., Startsev A. I., Elistratova A. A. (prep. of

- the publ.). 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 1979, 455 p. (Literaturnye pamiatniki [Literary Monuments].) (In Russian, transl. from English)
- Beecher 1843 — Beecher C. E. *A Treatise on Domestic Economy: For the Use of Young Ladies at Home, and at School*. Boston: Thomas H. Webb, 1843, 383 p.
- Gerando 1832 — Gerando J.-M. de. *The Visitor of the Poor: Designed to Aid in the Formation and Working of Provident and Other Kindred Societies*. Tuckerman J. (introd.). Boston: Hilliard, Gray, Little, and Wilkins, 1832, 211 p.
- Melville 1997 — Melville H. “Bartleby the Scrivener”. Melville H. *The Complete Shorter Fiction*. New York: Alfred A. Knopf, 1997, pp. 18–51.
- Sedgwick 1836 — Sedgwick C. M. *The Poor Rich Man, and the Rich Poor Man*. New York: Harper and brothers, 1836, 186 p.
- Sigourney 1833 — Sigourney L. *Letters to Young Ladies*. New York: Harper and Brothers, 1833, 259 p.
- Smith S. 1843 — Smith S. “Billy Snub, The Newsboy”. *The Gift: A Christmas and New Year’s Present*. Leslie E. (ed.). Vol. 6. Philadelphia: Carey and Hart, 1843, pp. 58–84.

References

- Венедиктова 2003 — Venediktova T. D. *Razgovor po-amerikanski: Diskurs torga v literaturnoi traditsii SShA* [“Conversation in American”: Discourse of Bargaining in the American Literary Tradition]. Moscow: NLO Publ., 2003. 322 p. (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie [New Literary Observer. Scholar Appendix]. Vol. 32). (In Russian)
- Делёз 2002 — Deleuze G. *Critique et clinique*. Paris: Minuit Publ., 1993, 188 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Kritika i klinika* [Essays Critical and Clinical]. Fokin S. L., Volchek O. E. (transl. from French). St. Petersburg: Machina Publ., 2002. 240 p.) (In Russian, transl. from French)
- Смит 1997 — [Smith A.] *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith*: in 7 vols. Vol. 1: *The Theory of Moral Sentiments*. Raphael D. D., Macfie A. L. (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1976. ??? p. (Russ. ed.: Smith A. *Teoriia nravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. Meerovskii V. V. (introd.); Griaznov A. F. (prep. of the publ., comment.). Moscow: Respublika Publ., 1997, 352 p.) (In Russian, transl. from English)
- Уракова 2009 — Urakova A. P. *Poetika tela v rasskazakh Edgara Alana Po* [Poetics of the Body in the Stories of Edgar Allan Poe]. Moscow: Institute of World Literature RAS Publ., 2009, 251 p. (In Russian)
- Bremner 1988 — Bremner R. H. *American Philanthropy*. Chicago: University of Chicago Press, 1988, 291 p.
- McCall 1989 — McCall D. *The Silence of Bartleby*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1989, 206 p.
- Miller 1990 — Miller J. H. “Who is He? Melville’s Bartleby the Scrivener”. Miller J. H. *Versions of Pygmalion*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1990, pp. 141–178.
- Ryan 2003 — Ryan S. M. *The Grammar of Good Intentions: Race and the Antebellum Culture of Benevolence*. Ithaca: Cornell University Press, 2003, XII, 235 p.
- Smith A. 2002 — Smith A. *The Theory of Modern Sentiments*. Haakossnen K. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 411 p.
- Zlogar 1999 — Zlogar R. J. “Body Politics in “Bartleby”: Leprosy, Healing, and Christ-ness in Melville’s “Story of Wall-Street””. *Nineteenth Century Literature*. 53, 4, 1999: 505–529.

Received: May 10, 2017

Accepted: September 8, 2017

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'23'373.421

Белов Вадим Алексеевич

Череповецкий государственный университет,
Россия, 162600, Вологодская область, Череповец, пр. Луначарского, 5;
belov.vadim.a@gmail.com

Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование)

Для цитирования: *Белов В. А.* Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 390–411. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.306>

В статье рассматривается сложный характер взаимозаменяемости как критерия синонимии. В основу положены результаты психолингвистического эксперимента, в котором приняли участие 144 испытуемых, им предлагались по 22 предложения из Национального корпуса русского языка с возможностью выбора одного из предложенных синонимов, который наиболее подходит к данному контексту. В ходе анализа результатов эксперимента был сделан вывод о том, что на взаимозаменяемость синонимов в первую очередь влияет характер синонимических отношений. Синонимические ряды можно разграничить на имеющие четко выраженную доминанту, имеющие два ядерных синонима и не имеющие доминанты, — ряды с разной степенью асимметричности: высокой, средней и нулевой. Взаимозаменяемость синонимов зависит от степени асимметричности ряда. В синонимических рядах с высокой степенью асимметричности возможны замены периферийных синонимов на доминанту (периферийный синоним → доминанта). Для синонимических рядов со средней асимметричностью характерна следующая взаимозаменяемость: периферийный синоним → ядерные синонимы (синонимы ядра ряда); для синонимических рядов с нулевой асимметричностью — следующая: синоним → другой синоним. Способность синонимов к замене носит направленный характер: как правило, невозможны «обратные» замены (доминанта → периферийный синоним). Несмотря на представление о том, что синонимия относится к симметричным отношениям, исследование показывает, что большая часть синонимических рядов обладает высокой и средней степенями асимметричности, поэтому и взаимозаменяемость синонимов наследует асимметричность. Синонимические ряды с разной степенью асимметричности отличаются диапазоном выбора синонимов: наибольшей свободой обладают примеры с синонимами, входящими в ряды со средней

и нулевой степенью асимметричности. Кроме того, значимыми при выборе синонима оказываются различные контекстуальные ограничения, такие как общий смысл высказывания, значение согласуемых слов и др. При этом для изучения влияния степени устойчивости словосочетаний на характер выбора синонимов в работе рассчитывается статистический показатель — мера ассоциативности (МА). Четкой корреляции между характером выбора синонимов и МА не установлено, и устойчивые словосочетания оказываются лишь одним из факторов, влияющих на выбор. Взаимозаменяемость синонимов носит сложный направленный характер, а на их способность к замене влияют внешние ограничения и характер самих синонимических отношений.

Ключевые слова: лексическая семантика, синонимия, синонимический ряд, взаимозаменяемость, устойчивое словосочетание, коллокация.

Введение

Взаимозаменяемость синонимов как один из критериев синонимии обсуждается в отечественной (Л. А. Булаховский, Б. В. Горнунг, В. А. Звегинцев, В. К. Фаворин, М. И. Черемисина) и в зарубежной (Ш. Балли, Г. Джексон, С. Ульман, Д. Боллигер, Д. Сирс) лингвистике. В рамках этого подхода слова рассматриваются как синонимы, если они способны заменять друг друга в любом контексте.

В основу выделения данного критерия положено представление о том, что значение слова — это его потенциальная сочетаемость. Синонимии нельзя рассматривать как «сопоставление двух изолированных слов. Так называемые синонимы, как таковые, являются лишь членами типовых словосочетаний» [Звегинцев 1963: 137].

При структурном подходе взаимозаменяемость находится в ряду трех обязательных условий абсолютной синонимии, наряду с тождеством значения и семантической эквивалентностью [Лайонз 2004: 77]. В отечественном языкознании взаимозаменяемость нередко ставят на первое место среди критериев синонимии — данный критерий «рассматривается или как основной признак синонимов, или как прием, способ, метод выделения синонимов, служащий основой для их характеристики» [Евгеньева 1966: 6]; в зарубежном языкознании это свойство рассматривается как диагностический тест синонимии [Murphy 2003: 159] или как дополнительное свойство синонимов (вместе с общностью значения) [Greenbaum 1974: 81].

Этот критерий был использован при создании лексической системы «WordNet», так как традиционный критерий общности значения достаточно тяжело формализовать: синонимия при этом понимается как симметричное явление, потому что синонимы способны зеркально заменять друг друга [Palmer 1981: 86; Miller et al. 1990: 241].

Однако одна из причин, по которой взаимозаменяемость нельзя назвать «универсальным» критерием синонимии, — наличие в языке устойчивых сочетаний. В отличие от свободных сочетаний, где слово можно заменить синонимом, они не допускают синонимических замен: «Абсолютная свобода заменимости (при тождественном логическом содержании) уменьшается по мере того, как мы все более и более приближаемся к тому типу словосочетаний, которые называются устойчивыми. Абсолютной свободы словосочетаний вообще не существует, но есть разные ее градации: от относительно большой до предельно тесной» [Звегинцев 1963: 132]. Роль контекста чрезвычайно важна при выборе лексических единиц: так, эмпирическое исследование показывает, что контекст оказывается важнее семантических

факторов [Reiter, Sripada 2004]. Как правило, синонимы различаются вхождением в устойчивые сочетания [Xiao, McEnery 2006; Greenbaum 1974], при этом существует точка зрения, согласно которой они должны иметь одинаковые сочетаемостные характеристики [Апресян 2009: 203].

Требование взаимозаменяемости во всех контекстах существенно сужает рамки синонимии: количество слов, способных заменять друг друга в любых высказываниях, в языке небольшое. Поэтому условие взаимозаменяемости «в любых контекстах» соблюдается не всегда.

При полном исключении требования взаимозаменяемости «во всех контекстах» синонимический ряд (далее — СР), напротив, расширяется за счет контекстуальных (ситуативных) синонимов. Контекстуальными синонимами обычно называют лексические единицы, которые обладают семантической близостью только в пределах одного текста, при этом контекстуальные синонимы не заданы системой языка и не воспроизводятся вне текста [Неверова 2007: 48].

1. Методика исследования

1.1. Описание методики исследования

Целью работы является исследование взаимозаменяемости с учетом влияния контекста на способность синонимов заменять друг друга. Способность к взаимозамене исследовалась с помощью выделенных типов синонимических связей и меры устойчивости словосочетаний.

В основу работы положен эксперимент, в котором используются тексты с лакунами (тексты, из которых исключены те или иные фрагменты). Для изучения синонимов такой эксперимент использован в работах П. Эдмондса, Г. Хирста и П. Ванга [Edmonds 1997; Hirst, Wang 2010]; в их исследованиях выбор синонимов осуществляла статистическая программа с использованием корпуса английского языка. Эта методика дает возможность изучить процедуры выбора синонимов в высказывании.

Наш эксперимент проводился в два этапа с использованием разного материала (одно предложение повторяется в обоих этапах). В общей сложности в нем приняло участие 144 испытуемых: в первом этапе — 71 человек, во втором — 73 человека. В качестве испытуемых выступили студенты Череповецкого государственного университета разных направлений подготовки в возрасте от 18 до 40 лет, в том числе 95 женского пола, 35 мужского пола, 14 человек не указали свой пол.

В обоих случаях испытуемым предлагались по 22 предложения на каждом этапе с возможностью выбора одного из предложенных синонимов, который наиболее подходит к данному контексту; на каждом этапе использовался разный материал (см. приложения 1 и 2). Экспериментальные задания были оформлены следующим образом:

1. Только не говорите мне, что если алкоголизм — это не дурной образ жизни, а заболевание, то он, как всякая / ий / ое прочая / ий / ое¹ (болезнь, хворь, недуг, заболевание), дело приватное (Е. Толстых);

¹ В случаях, когда пропущенные синонимы отличались по роду / числу, согласуемые слова варьировались по этим грамматическим признакам.

2. Вода сильнее всего, она точит камень и тушит (*пламя, огонь, пыл*) (С. Спивакова).

То есть в примерах исходная форма слов, согласуемых с синонимом, была скрыта от испытуемых. Участники эксперимента подчеркивали наиболее подходящий к данному контексту синоним (допускалось отсутствие ответа). Синонимы были взяты из словаря синонимов [Словарь синонимов русского языка 1970], где для их определения применялся традиционный (семантический) критерий. Произведенные замены (исходного синонима на другой) должны были подтвердить или опровергнуть субституцию как критерий синонимии.

Все 43 высказывания были выбраны из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) таким образом, чтобы в эксперименте были представлены разные типы СР в соответствии с выделенной нами типологией.

Практически все СР повторялись в примерах дважды или трижды. Как правило, из НКРЯ выбирались предложения, содержащие синонимы, не являющиеся доминантами. Далее для обозначения синонима, изначально присутствовавшего в примере из НКРЯ, используем наименование «исходный синоним».

Гипотеза заключалась в том, что взаимозаменяемость зависит от степени асимметричности СР, а субституция синонимов носит направленный (асимметричный) характер. Направленность семантических связей проявляется в разграничении доминанты как центра СР и периферийных синонимов. Обычно доминантой называют опорное слово СР, которое выражает общее для СР понятие [Евгеньева 1970: 17]. В лексикографии и лексикологии считается, что доминанта обладает более широкой сочетаемостью [Апресян 2009: 219] и способна замещать другие синонимы СР (обычно с опорой на дополнительные элементы контекста) [Черняк 2010: 10].

Также в задачи нашего исследования входило исследование влияния степени устойчивости словосочетаний (меры ассоциативности, частоты встречаемости словосочетания) на характер выбора синонимов.

Таким образом, задачами исследования стали, во-первых, оценка способности синонимов к взаимозамене, во-вторых, оценка влияния контекстных факторов на выбор синонима.

1.2. Типы СР

Основываясь на экспериментальных и корпусных данных, в наших предшествующих работах были выделены структурные типы СР с разной степенью асимметричности [Белов 2014].

Тип СР определяется с учетом нескольких факторов: данных психолингвистического эксперимента по определению главного слова, частотных характеристик синонимов, ассоциативных реакций, вызванных предъявлением синонима-стимула, а также сведений словарей синонимов.

Детальный анализ данных показывает, что условно среди СР можно выделить три степени асимметричности — высокую, среднюю и нулевую.

Высокая степень асимметричности характерна СР, в котором доминанте семантически подчинены все синонимы ряда: в этих случаях выделяется одна доминанта, которая является самым частотным словом СР. В подобных СР доминанта является ярко выраженным центром, а остальные синонимы — периферийные

(в нашем исследовании мы называем периферийные синонимы «гипосинонимами») (см. рис. 1).

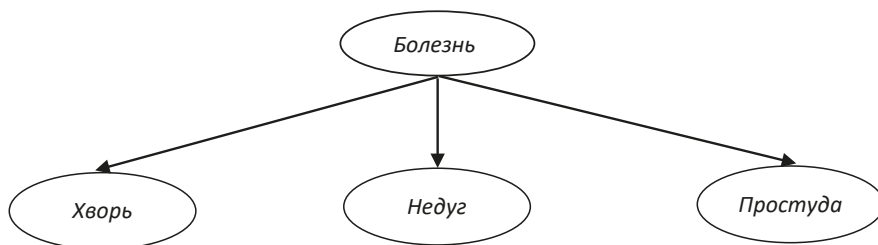


Рис. 1. Семантическая иерархия СР с высокой степенью асимметричности

Средняя степень асимметричности характерна для СР, где выделяются несколько слов-доминант, образующих ядро СР (см. рис. 2).

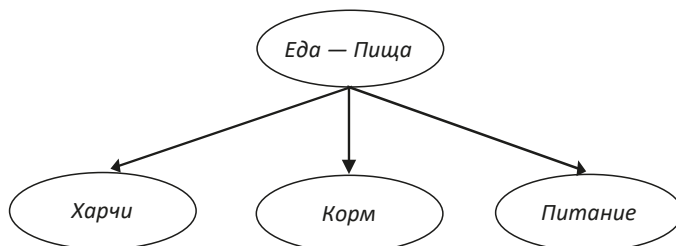


Рис. 2. Семантическая иерархия СР со средней степенью асимметричности

Нулевая степень асимметричности отмечается у тех СР (нецентрированных СР), где нельзя выделить доминанту (см. рис. 3).

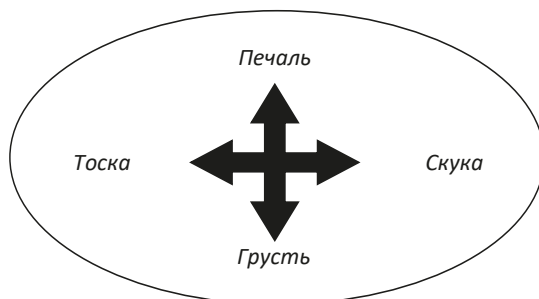


Рис. 3. Семантическая модель СР с нулевой степенью асимметричности

1.3. Устойчивые словосочетания и способы их измерения

Проблема коллокаций (устойчивых словосочетаний) активно обсуждается в современной лингвистике. В естественном языке большое количество устойчивых выражений разного типа, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. Далее исходим из понимания коллокации как «родового понятия для обозначения»

ния определенных типов устойчивых словосочетаний, фразеологических единиц и фразем» [Хохлова 2008: 345].

Для установления силы связи между элементами в составе словосочетания была использована специальная статистическая мера — «мера ассоциативности» (МА), «мера ассоциативной связанности» («mutual information» — MI [Church, Hanks 1990])). Показатель рассчитывается с учетом таких данных, как частота совместной встречаемости, частотность входящих в сочетание единиц и др. Расчет показателя осуществлялся с помощью данных НКРЯ.

МА рассчитывались не только для исходных выражений, но и для полученных в ходе синонимических замен выражений. Далее устанавливалась корреляция (статистическая величина, показывающая взаимосвязь двух величин) МА и результатов экспериментов: сильная корреляция признавалась при значении показателя выше 0,9, средняя — от 0,5 до 0,9, слабая — менее 0,5.

2. Результаты эксперимента

2.1. СР с высокой степенью асимметричности

СР с высокой степенью асимметричности обладают способностью к замене. В эту категорию СР отнесены 17 примеров из эксперимента (см. табл. 1).

Таблица 1. СР с высокой степенью асимметричности: результаты эксперимента

№	Пример	Ответы испытуемых			Корреляция между МА и результатами эксперимента	
		Синоним	Кол-во	%	Значение	Степень
1	<i>Только не говорите мне, что если алкоголизм — это не дурной образ жизни, а заболевание, то он, как всякая прочая хворь, дело частное</i>	<i>болезнь</i>	33	47	0,70	Средняя
		<i>заболевание</i>	13	19		
		<i>недуг</i>	21	30		
		<i>хворь</i>	3	4		
2	<i>Я долго ходил с убеждением, что у меня обычная желудочная хворь — результат стрессов, вечных разъездов и долгих заседаний в суде</i>	<i>болезнь</i>	16	23	0,09	Слабая
		<i>заболевание</i>	38	54		
		<i>недуг</i>	11	16		
		<i>хворь</i>	5	7		
3	<i>В солнечной суши Туркестана я надеялся выгнать одолевшую меня хворь и вернуться к унылой дикости Севера, навсегда пленившей меня</i>	<i>болезнь</i>	14	20	0,94	Сильная
		<i>заболевание</i>	2	3		
		<i>недуг</i>	13	19		
		<i>хворь</i>	40	58		
4	<i>Фортуна распорядилась так, что Фоменко даже не удалось выступить непосредственно в гонке</i>	<i>доля</i>	0	0	0,69	Средняя
		<i>судьба</i>	61	87		
		<i>фортуна</i>	9	13		

№	Пример	Ответы испытуемых			Корреляция между МА и результатами эксперимента	
		Синоним	Кол-во	%	Значение	Степень
5	<i>И здесь солдатскому сыну Фомину вдруг улыбнулась полковничья фортуна!</i>	доля	18	26	0,79	Средняя
		судьба	7	10		
		фортуна	45	64		
6	<i>Но ведь Фортуна — продажная девка, и колесо ее всегда вращается</i>	доля	1	2	0,96	Сильная
		судьба	12	17		
		удел	0	0		
		фортуна	57	81		
7	<i>Я знаю его — это Стас, большой шалун и любитель выпить</i>	кроха	0	0	0,43	Слабая
		малыш	1	1		
		ребенок	44	64		
		шалун	24	35		
8	<i>Вода сильнее всего, она точит камень и тушит пламя</i>	огонь	37	53	0,99	Очень сильная
		пламя	32	46		
		пыл	1	1		
9	<i>В сущности, хворь небольшая — болела голова, градусник показывал тридцать семь и три</i>	болезнь	19	26	0,44	Слабая
		заболевание	31	42		
		хворь	23	32		
10	<i>Какая хворь пристанет к двадцатилетней девушке, еще недавно дальше всех толкнувшей ядро на межрайонном спортивном состязании?</i>	болезнь	43	59	0,18	Слабая
		заболевание	12	16		
		хворь	18	25		
11	<i>А я, Василиса, тебе гостинец привез, да все не знал, как поднести</i>	гостинец	33	46	0,96	Сильная
		дар	3	4		
		подарок	33	46		
		сюрприз	4	4		
12	<i>Каждую неделю она старалась послать ему какой-нибудь гостинец, то сладости, то папиросы, то деньги</i>	гостинец	50	69	0,44	Слабая
		дар	1	1		
		подарок	17	24		
		сюрприз	3	6		
13	<i>Это решение стало очередным сюрпризом к Дню города для абонентов, которые не были осведомлены о возможности прослушки их разговоров</i>	гостинец	0	0	0,96	Сильная
		дар	2	3		
		подарок	24	34		
		сюрприз	45	63		

№	Пример	Ответы испытуемых			Корреляция между МА и результатами эксперимента	
		Синоним	Кол-во	%	Значение	Степень
14	<i>И для меня было неожиданным — и малоприятным сюрпризом, когда на четвертый день мобилизации пришла повестка о немедленной явке</i>	<i>гостинец</i>	0	0	0,94	Сильная
		<i>дар</i>	1	1		
		<i>подарок</i>	15	21		
		<i>сюрприз</i>	56	78		
15	<i>Евгении были вручены памятный подарок и сертификат на право бесплатного обслуживания в течение года в бизнес-зале «Домодедово»</i>	<i>гостинец</i>	0	0	0,98	Сильная
		<i>дар</i>	3	4		
		<i>подарок</i>	68	96		
		<i>сюрприз</i>	0	0		
16	<i>Неужели и ему повезло наконец? Неужели фортуна к нему лицом повернулась? Но надо теперь быть вдвойне осторожным: жизнь внезапно может опять по башке ударить, если расслабишься...</i>	<i>доля</i>	0	0	0,99	Сильная
		<i>судьба</i>	22	31		
		<i>фортуна</i>	48	69		
17	<i>Если какой-нибудь шалун и получал шлепок, то только в минуты веселья, и на это, конечно, нельзя было обижаться</i>	<i>кроха</i>	0	0	- 0,83	Слабая
		<i>малыш</i>	14	20		
		<i>ребенок</i>	31	45		
		<i>шалун</i>	26	35		

В примере 13 — устойчивое словосочетание *очередной сюрприз* (МА — 6,08). В примере 14 имеется устойчивое словосочетание *малоприятный сюрприз*, характеризующийся высокой мерой ассоциативности (МА — 10,35). В примере 15 — устойчивое словосочетание *памятный подарок* (МА — 8,43).

Среди ответов испытуемых были весьма близкие по частоте реакции. Чтобы выделить доминантную реакцию между наиболее частотными ответами, нами использовался критерий Стьюдента, который обычно применяется для определения значимых различий между величинами (сравнения двух средних значений из генеральных совокупностей) [Бронштейн, Семендяев 1980: 817]. Для проверки различий между ответами мы поступили следующим образом:

- определили по формуле расчетное значение критерия Стьюдента, которое в нашем случае равно 8 %;
- выбрали табличное (критичное) значение критерия Стьюдента;
- сравнили расчетное и табличное значения;
- в том случае, если расчетное значение превышает табличное, то гипотеза об эквивалентности двух ответов принимается, если наоборот — отвергается.

Продемонстрируем применение критерия на примере 8 (см. табл. 1): разница между наиболее частотными ответами — *огонь* — 37 (53 %) и *пламя* — 32 (46 %) — равняется 7 %, что меньше расчетного значения, равного 8 %, поэтому здесь нельзя говорить об одном доминирующем ответе. Использование этой методики позволи-

ло разделить примеры на две категории: в первой преобладал один ответ, во второй категории были выбраны два наиболее частотных ответа.

В первую категорию отнесены 15 примеров, из них 7 раз (47%) испытуемые выбирали исходные синонимы (это примеры № 3, 5–6, 13–16) и 8 раз (53%) испытуемые заменяли исходный синоним на доминанту (это примеры № 1–2, 4, 7, 9–10, 12). Два примера — № 8, 11 — включены во вторую категорию, где два ответа — исходный синоним и доминанта — являются наиболее частотными.

В тех примерах, где испытуемые чаще выбирали исходный синоним, он входит в устойчивое словосочетание, также здесь наблюдается сильная корреляция между МА и результатами эксперимента.

Напротив, в тех случаях, где испытуемые заменяли исходный синоним на доминанту, влияние контекста (что проявляется в значении корреляции МА и результатов эксперимента) слабое.

Таким образом, здесь отмечается противопоставление способности к замене на доминанту и воспроизведение устойчивых словосочетаний. Общий вывод по этому типу СР: если нейтрализовать влияние контекста, происходит замена гипосинонима на доминанту. Работая с подобными примерами, испытуемые, как правило, воспроизводят либо доминанту, либо исходный синоним (на который указывает контекст).

2.2. СР со средней степенью асимметричности

Средняя асимметричность характерна для 18 СР, участвовавших в эксперименте (см. табл. 2).

Таблица 2. СР со средней степенью асимметричности: результаты эксперимента

№	Пример	Ответы испытуемых			Корреляция между МА и результатами эксперимента	
		Синоним	Кол-во	%	Значение	Степень
1	<i>Мой приятель внес мое имя в лотерею — проводил спортивный магазин, — и я выиграл</i>	<i>друг</i>	37	53	0,31	Слабая
		<i>знакомый</i>	8	11		
		<i>приятель</i>	18	26		
		<i>товарищ</i>	7	10		
2	<i>У подножия камня журчал родник с чистой водой</i>	<i>источник</i>	10	14	0,99	Сильная
		<i>ключ</i>	13	19		
		<i>родник</i>	46	67		
3	<i>Где-то вверху бил родник, и по тропинке катилась прозрачная тонкая струйка</i>	<i>источник</i>	17	25	0,11	Слабая
		<i>ключ</i>	48	70		
		<i>родник</i>	3	5		
4	<i>Научная стезя все меньше привлекает молодежь, и дело упирается не только в деньги</i>	<i>дорога</i>	6	9	0,53	Средняя
		<i>путь</i>	28	40		
		<i>стезя</i>	20	29		
		<i>тропа</i>	16	23		

№	Пример	Ответы испытуемых			Корреляция между МА и результатами эксперимента	
		Синоним	Кол-во	%	Значение	Степень
5	В одно прекрасное лето гастрольная стезя привела нас в Сочинский цирк	дорога	51	37	0,78	Средняя
		путь	57	41		
		стезя	6	4		
		тропа	24	17		
6	И, чтобы не было скучно, они придумали себе занятие : готовили пельмени	дело	7	10	0,86	Средняя
		занятие	55	79		
		работа	7	10		
		труд	1	1		
7	Постарайтесь не ругать ее, а най-ти интересное для нее занятие	дело	6	9	0,91	Сильная
		занятие	43	61		
		работа	20	29		
		труд	1	1		
8	Воссозданный в миниатюрном раз-мере ландшафт даже не россий-ского, а какого-то европейского ме-стечка	вид	7	10	0,55	Средняя
		ландшафт	24	35		
		пейзаж	37	54		
9	Конечно, не ресторация Дюме, но и не больничные харчи	еда	26	37	0,80	Средняя
		корм	6	9		
		пища	11	16		
		харчи	27	39		
10	Мы, в принципе, и за харчи порабо-тать можем, да, хлопцы?	еда	38	54	0,57	Средняя
		корм	2	3		
		пища	8	11		
		харчи	22	31		
11	Иногда, отдав корм птенцу, ла-сточка, слегка запрокинувшись, сидела несколько мгновений у края гнезда	еда	14	19	0,86	Средняя
		корм	36	49		
		пища	22	30		
		харчи	1	1		
12	Реклама — она не только на собачий корм спрос стимулирует, но и на са-мих собак тоже	еда	4	5	0,83	Средняя
		корм	67	92		
		пища	0	0		
		харчи	2	3		

№	Пример	Ответы испытуемых			Корреляция между МА и результатами эксперимента	
		Синоним	Кол-во	%	Значение	Степень
13	— Не в коня корм , — сказал Штрум, и хотя не совсем было ясно, что значат его слова, они вызвали смех	еда	14	19	0,93	Сильная
		корм	49	68		
		пища	0	0		
		харчи	9	13		
14	Лекарь считается хорошим, если на десяток вылеченных им страдальцев приходится не больше одного-двух покойников	врач	33	46	- 0,99	Слабая
		доктор	20	28		
		лекарь	16	22		
		медик	3	4		
15	И не может ли в этом случае помочь разными медикаментами уездный лекарь ?	врач	5	10	0,22	Слабая
		доктор	26	51		
		лекарь	18	35		
		медик	2	4		
16	Но люблю и Дали, и Босха, потому что в их картинах есть пища для ума	еда	6	8	0,99	Сильная
		корм	1	1		
		пища	66	90		
		харчи	0	0		
17	Тернистая тропа шоу-бизнеса тоже не привлекала, — немало поездив по стране, Володя прекрасно понимал, что серьезно работать в этой сфере можно только в Москве или, по крайней мере, в Питере	дорога	15	21	- 0,07	Слабая
		путь	45	63		
		стезя	4	6		
		тропа	7	10		
18	Мой товарищ занимает важный пост в органах государственной власти, за рулем при этом всегда сидит сам, но и машина с мигалками ему нужна, потому что на дорогах пробки	друг	14	20	0,03	Слабая
		приятель	32	46		
		товарищ	24	34		

В примере 9 *больничные харчи* — устойчивое сочетание, которое характеризуется показателем МА 8,05. В примере 11 выбор синонима *корм* обуславливается словом *птенец*, которое вводит признак ‘животное’, а *корм* — ‘пища животных’ [Словарь русского языка 1981–1984, II: 104]. В примере 12 — устойчивое сочетание *собачий корм* (МА — 7,69). Выбор исходного синонима *корм* определяется словом *собачий*. В примере 13 — устойчивое выражение *не в коня корм* (МА — 6,8). В примере 15 устойчивое выражение *уездный лекарь* (МА — 10,02) — сейчас историзм. В примере 16 — устойчивое словосочетание *пища для ума* (МА — 6,2).

В 7 случаях (37%) самым распространенным ответом становится исходный синоним (примеры 2, 6–7, 11–13, 16), в 8 случаях (47%) происходила замена на ядерный синоним (примеры 1, 3–4, 8, 10, 14, 17–18); в примерах 5, 15 два ядерных синонима — наиболее частотные реакции; еще в одном примере (5%), 9-м, два ответа — исходный синоним и доминанта — оказались наиболее частотными (разница между частотами ответов менее доверительного интервала).

Отличием этого типа от СР с высокой степенью асимметричности является то, что испытуемые выбирают несколько синонимов, которые образуют ядро СР. В некоторых случаях самым частотным ответом становится не доминанта (т. е. синоним, представленный в словарях как доминанта), а другой синоним, входящий в ядро. Испытуемые в этих случаях более свободны: они выбирали не только доминанту или исходный синоним, но также ядерные синонимы.

В целом здесь также наблюдается особенность, характерная для СР с высокой степенью асимметричности: испытуемые сохраняют исходный синоним тогда, когда корреляция МА и результатов эксперимента сильная.

2.3. СР с нулевой степенью асимметричности

Нулевая асимметричность отмечается у 8 СР (см. табл. 3).

Таблица 3. СР с нулевой степенью асимметричности: результаты эксперимента

№	Пример	Ответы испытуемых			Корреляция между МА и результатами эксперимента	
		Синоним	Кол-во	%	Значение	Степень
1	<i>Ностальгия по 80-м — это не только тоска по юности, совпавшей с концом эпохи Брежнева и началом времени политических перемен</i>	<i>грусть</i>	7	10	0,56	Средняя
		<i>печаль</i>	1	1		
		<i>скука</i>	0	0		
		<i>тоска</i>	62	89		
2	<i>Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями, — напрасно</i>	<i>грусть</i>	8	11	0,69	Средняя
		<i>печаль</i>	21	30		
		<i>скука</i>	18	26		
		<i>тоска</i>	23	33		
3	<i>Когда мы тронулись в путь со станции, вьюга закрутила такая, что санями правил не кучер, а лошади, хорошо знавшие дорогу</i>	<i>буря</i>	11	16	0,95	Сильная
		<i>вьюга</i>	34	49		
		<i>метель</i>	25	36		
4	<i>Он просыпался под гул таежного океана, над которым катила зимняя вьюга</i>	<i>буря</i>	32	46	0,47	Слабая
		<i>вьюга</i>	26	37		
		<i>метель</i>	10	14		
		<i>ураган</i>	2	3		

№	Пример	Ответы испытуемых			Корреляция между МА и результатами эксперимента	
		Синоним	Кол-во	%	Значение	Степень
5	Утром встала здоровая, скука и одиночество испарилась, и все со мной в порядке — ни одышки, ничего, словом, дурного	грусть	13	18	0,60	Средняя
		печаль	12	17		
		скука	0	0		
		тоска	47	65		
6	Ветер крепчал, вьюга выла, снежный вихрь сбивал с ног	буря	2	3	0,82	Средняя
		вьюга	52	74		
		метель	13	19		
		ураган	3	4		
7	Стараясь рассеять печаль работой, я установил под микроскопом новый шлиф рудной породы из Сефидкана	грусть	15	21	0,33	Слабая
		печаль	11	15		
		скука	22	31		
		тоска	23	32		
8	Вьюга утихла, но тучи еще не разогнало, и ни одной звездочки не было видно на небе	буря	46	65	0,43	Слабая
		вьюга	4	6		
		метель	11	15		
		ураган	10	14		

В примере 6 имеется устойчивое словосочетание *вьюга выла* (МА — 10,22).

В 3 случаях (38 %) испытуемые восстанавливают исходный синоним (примеры 1, 3, 6), 3 раза (38 %) были произведены замены (примеры 4–5, 8). В примере 2 сразу три ответа стали равнозначными, в примере 7 — получено два равнозначных ответа (разница между частотами ответов менее доверительного интервала).

Результаты эксперимента показывают, что в таких СР не наблюдается четкой тенденции замены исходного синонима на доминанту (т. е. слово, представленное в словарях в качестве доминанты). Испытуемые чаще воспроизводят исходное слово или другие синонимы ряда, их выбор не ограничен двумя альтернативами.

В случае с СР с высокой степенью асимметричности свобода испытуемых ограничивается двумя альтернативами — воспроизведением доминанты или исходного синонима. С изменением степени асимметричности СР мера свободы испытуемого увеличивается.

Также в примерах с нулевой степенью асимметричности не отмечено влияние МА на результаты эксперимента: только в одном примере корреляция сильная. Кроме того, не наблюдается восстановления исходного синонима при сильной корреляции МА и результатов эксперимента.

3. Обсуждение результатов эксперимента

3.1. Направленность семантических связей

Наше исследование показывает, что взаимозаменяемость синонимов — сложное явление. Взаимозаменяемость как критерий синонимии не работает в классической трактовке, когда слова называются синонимами, только если они способны заменять друг друга в любых контекстах.

Во многих примерах синонимы не могут быть взаимозаменяемы. Например, несмотря на то что слова *подарок*, *дар*, *гостинец* являются синонимами, испытываемые не производят замен *гостинец* → *дар*, *подарок* → *гостинец*.

Синонимам и их способности к замене свойственны асимметричность. Асимметричными отношениями в математике называется тип бинарных отношений, где X связан Y, но Y не связан X. Применительно к лексической системе, обладающей широкими связями, асимметричность проявляется в направленности семантических связей: семантическая связь между синонимами *гостинец* и *подарок* значительно сильнее (*гостинец* → *подарок*), чем между синонимами *подарок* и *гостинец* (*подарок* → *гостинец*).

Направленность синонимических связей зависит от типа СР: для СР с высокой степенью асимметричности — «гипосиноним (периферийный синоним) → доминанта (как центр СР)»; для СР со средней асимметричностью — «гипосиноним (периферийный синоним) → ядерные синонимы (синонимы ядра СР)»; для СР с нулевой асимметричностью — «синоним → другой синоним». Последний тип СР ближе к традиционному представлению о взаимозаменяемости синонимов.

В лингвистике господствует представление, что синонимия относится к симметричным отношениям. Более того, высказывается точка зрения, что симметричность свойственна всем семантическим отношениям: симметричные семантические отношения оказываются более прочными [Кулакова 2006]. Однако наши исследования, основанные на разных источниках данных, показывают, что большая часть СР асимметрична, поэтому и субституция синонимов наследует асимметричность, присущую синонимическим связям.

3.2. Корреляция МА и результатов эксперимента

Выбор синонима из числа других ограничивается устойчивыми выражениями: узнавая устойчивую конструкцию, испытываемые восстанавливали исходное высказывание.

Однако прямой зависимости выбора синонимов от МА — единицы, призванной показать степень устойчивости конструкции, — не наблюдается. Корреляция МА и результатов экспериментов достаточно слабая: для первого этапа эксперимента — 0,39, для второго этапа — 0,34 (значение показателя, которое показывает взаимосвязь, — 1).

Действительно, в эксперименте зафиксированы случаи, когда устойчивое словосочетание, подтвержденное высоким значением МА, не приводит к выбору исходного синонима. Например, в табл. 4 приведены данные, которые касаются устойчивых словосочетаний *уездный лекарь* и *гастрольная стезя*.

Таблица 4. Корреляция МА и результатов эксперимента
(на примере сочетаний *уездный лекарь*, *гастрольная стезя*)

№	Синоним	МА	Результаты эксперимента (%)
1	<i>уездный лекарь</i>	10,02	38
	<i>уездный доктор</i>	4,16	49
	<i>уездный врач</i>	6,69	11
	<i>уездный медик</i>	4,08	3
2	<i>гастрольная стезя</i>	9,98	6
	<i>гастрольный путь</i>	3,21	30
	<i>гастрольная тропа</i>	0	17
	<i>гастрольная дорога</i>	1,51	48

Казалось бы, что эти словосочетания должны быть однозначно восстановлены, но испытуемые, по-видимому, ориентируется на другие факторы при выборе синонима.

Возможно, в некоторых случаях слабая корреляция МА и результатов эксперимента объясняется недостатком показателя МА, который рассчитывается с учетом частотности слова. Например, сочетание *гастрольная стезя* имеет высокий показатель МА (9,98): при этом в НКРЯ отмечено только один случай совместного употребления, но частотность слова *стезя* очень низкая, потому итоговое значение МА высокое: «Чем более редки слова, образующие коллокацию, тем выше будет для них значение МП» [Ягунова, Пивоварова 2010: 35]. Однако введение порогового значения частотности (например, 1000 словоупотреблений в НКРЯ) или совместной встречаемости (более 5, как предлагается в работе К. Чёрча и П. Хэнкса [Church, Hanks 1990]) снижает корреляцию МА и результатов эксперимента.

При этом наличие контекстуальных ограничений («подсказок») приводит к выбору исходного синонима: например, контекст *Каждую неделю она старалась послать ему какой-нибудь гостинец, то сладости, то папиросы, то деньги* указывает на исходный синоним. Такой выбор испытуемых вполне обоснован, потому что, по определению словаря, *гостинец* — ‘вещь, предмет, сладости и т. п., обычно приносимые, привозимые или присылаемые откуда-либо в знак внимания, в качестве подарка’ [Словарь русского языка 1981–1984, т. 1: 339]. Однако показатель меры ассоциативности не фиксирует связь в подобных случаях.

3.3. Влияние степени асимметричности СР на взаимозаменяемость

Наше исследование демонстрирует влияние степени асимметричности СР (который связан с характером семантической близости в пределах СР) на механизм выбора синонима (см. подтверждение влияния в табл. 5, где представлены среднеарифметические значения ответов для разных типов СР).

Наибольшую свободу выбора в рамках заданного СР предлагают примеры с синонимами, входящими в СР со средней и нулевой степенью асимметричности, при условии, что они не содержат устойчивых словосочетаний.

Таблица 5. Среднеарифметические значения ответов (%)

Степень асимметричности	Доминанта	Исходный синоним	Синоним 1	Синоним 2	Синоним 3
Высокая	40	44	12	5	—
Средняя	31	37	27	6	—
Нулевая	—	37	36	19	9

Свобода выбора синонима наиболее ограничена для СР с высокой степенью асимметричности: здесь на исходный синоним и доминанту приходится 84% ответов (в то время как для примеров со средней частотностью — 68% ответов). Ограниченность выбора объясняет, почему для этой группы характерна самая сильная зависимость от контекстуальных факторов.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что контекст накладывает ограничения на способность синонимов к взаимозамене, а взаимозаменяемость как критерий синонимии имеет многоаспектный характер.

Сложность субституции как критерия синонимии проявляется, во-первых, в направленности синонимических замен, во-вторых, во влиянии устойчивых словосочетаний и других семантических ограничений, присутствующих в контексте, в-третьих, в зависимости от характера синонимических связей.

Данный критерий, применяемый для определения синонимов, требует разработки механизма, учитывающего указанные факторы. Например, требование взаимозаменяемости в любых контекстах не представляется обоснованным, так как вхождение в устойчивую конструкцию делает невозможными взаимозамены синонимов.

Исследование позволяет также сделать вывод, что синонимия является асимметричным (направленным) семантическим феноменом.

Словари и справочники

- Бронштейн, Семендяев 1980 — Бронштейн И. Н., Семендяев К. А. *Справочник по математике для инженеров и учащихся вузов*. М.: Наука, 1980, 976 с.
- Словарь синонимов русского языка 1970 — *Словарь синонимов русского языка*: в 2 т. Евгеньева А. П. (ред.). Л.: АН СССР, 1970–1971.
- Словарь русского языка 1981–1984 — *Словарь русского языка*: в 4 т. Евгеньева А. П. (ред.). М.: Русский язык, 1981–1984.

Литература

- Апресян 2009 — Апресян Ю. Д. *Исследования по семантике и лексикографии*: в 2 т. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009, 568 с.
- Белов 2014 — Белов В. А. “Типы синонимических рядов”. *Вопросы психолингвистики*. 4 (22), 2014: 125–137.

- Евгеньева 1966 — Евгеньева А. П. “Основные вопросы лексической синонимии”. *Очерки по синонимике современного русского литературного языка*. Евгеньева А. П. (ред.). М.; Л.: Наука, 1966, сс. 4–29.
- Евгеньева 1970 — Евгеньева А. П. “Построение словаря” *Словарь синонимов русского языка*: в 2 т. Евгеньева А. П. (ред.). Т. 1. Л.: АН СССР, 1970, сс. 15–19.
- Звегинцев 1963 — Звегинцев В. А. “Замечания о лексической синонимии”. *Вопросы теории и истории языка: сб. в честь проф. Б. А. Ларина*. Маслов Ю. С. (ред.). Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1963, сс. 127–142.
- Кулакова 2006 — Кулакова Н. И. “Синонимия и омонимия: (Психолингвистическое и корпусное исследования на материале русского языка)”. *Пятая выездная школа-семинар «Порождение и восприятие речи», Череповец, 19–21 октября 2006 года: материалы*. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2006, сс. 97–104.
- Лайонз 2004 — Лайонз Дж. *Лингвистическая семантика: Введение*. Морозов В. В., Шатуновский И. Б. (пер.). М.: Языки славянской культуры, 2004, 397 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Неверова 2007 — Неверова Т. А. “Контекстуальная синонимия в языковой картине мира Д. С. Мережковского”. *Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология*. 6, 2007: 47–55.
- Хохлова 2008 — Хохлова М. В. “Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций”. *Slavica Helsingiensia*. Т. 34: Инструментарий русистики: Корпусные подходы. Мустайоки А., Коптов М. В., Бирюлин Л. А. и др. (ред.). Хельсинки: S. p., 2008, сс. 343–357.
- Черняк 2010 — Черняк В. Д. *Синонимия в русском языке*. М.: Академия, 2010, 128 с.
- Ягунова, Пивоварова 2010 — Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. “Природа коллокаций в русском языке: Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов”. *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*. 6, 2010: 30–40.
- Church, Hanks 1990 — Church K., Hanks P. “Word Association Norms, Mutual Information, and Lexicography”. *Computational Linguistics*. 16, 1, 1990: 22–29.
- Edmonds 1997 — Edmonds P. “Choosing the Word Most Typical in Context Using a Lexical Co-occurrence Network”. *35th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 8th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, Madrid, Spain, July 7–12, 1997: Proceedings of the Conference*. Madrid: Association for Computational Linguistics, 1997, pp. 507–509.
- Greenbaum 1974 — Greenbaum S. “Some Verb-intensifier Collocations in American and British English”. *American Speech*. 49, 1/2, 1974: 79–89.
- Hirst, Wang 2010 — Hirst G., Wang T. “Near-synonym Lexical Choice in Latent Semantic Space”. *23rd International Conference on Computational Linguistics. Beijing, China, August 23–27, 2010: Proceedings of the Conference*. Beijing: S. p., 2010, pp. 1182–1190.
- Miller et al. 1990 — Miller G., Beckwith R., Fellbaum C. et al. “Introduction to WordNet: An On-line Lexical Database”. *International Journal of Lexicography*. 3, 4, 1990, pp. 235–244.
- Murphy 2003 — Murphy M. L. *Semantic Relations and the Lexicon: Antonymy, Synonymy, and Other Paradigms*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 292 p.
- Palmer 1981 — Palmer F. R. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, 221 p.
- Reiter, Sripada 2004 — Reiter E., Sripada S. “Contextual influences on near-synonym choice”. *Natural Language Generation: Third International Conference, Brockenhurst, UK, July 14–16, 2004*. Belz A., Evans R., Piwek P. (eds.). Berlin; Heidelberg; New York: Springer, 2004, pp. 161–170.
- Xiao, McEnery 2006 — Xiao R., McEnery T. “Collocation, Semantic Prosody, and Near Synonymy: A Cross-linguistic Perspective”. *Applied Linguistics*. 27, 1, 2006: 103–129.

Статья поступила в редакцию 6 августа 2017 г.
Статья рекомендована в печать 20 апреля 2018 г.

Interchangeability as the feature of synonymy (experimental and corpus research)

For citation: Belov V. A. Interchangeability as the feature of synonymy: (experimental and corpus research). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 390–411. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.306> (In Russian)

In the paper interchangeability is regarded as a feature (criterion) of synonymy. The research is based on the psycholinguistic experiment and Russian National Corpus data. 144 subjects took part in the experiment: they were given 22 sentences in which subjects could choose one of the given synonyms. The hypothesis of the research is that the interchangeability depends on the types of semantic relation within synonymic groups; synonymic relations are directly organized. The important task of the research is to determine the role of collocation in the choice of synonyms. MI (Mutual Information) is a special tool to measure the collocation strength, it measures a relationship between two random linguistic items that are sampled simultaneously. With the help of the Russian National Corpus data, MI is calculated for each utterance. There are few types of synonymic groups with different semantic relations: centric, middle asymmetric, and non-centric. These types are distinguished in my previous paper. The centric synonymic groups have the headword (typically the headword is the most frequent word); the middle asymmetric synonymic groups have two headwords, that are the core synonyms; the non-centric synonymic groups have no headword. Directivity of synonymic relations depends on the type of a synonymic group. It is possible to introduce three following models: for the centric synonymic groups: subordinated synonym → headword; for the middle asymmetric groups: subordinated synonym → core synonyms; for the non-centric synonymic group: synonym → another synonym. As a result, it was shown that different contextual features are significant (for example, the meaning of neighboring words, general utterance sense) for the choice of synonyms.

Keywords: lexical semantics, synonymy, synonymic set, interchangeability, collocation.

Dictionaries and guides

- Бронштейн, Семендяев 1980 — Bronshtein I.N., Semendiaev K.A. *Spravochnik po matematike dlia inzhenerov i uchashchikhsia vuzov* [A Handbook on Mathematics for Engineers and Students of Technical Universities]. Moscow: Nauka Publ., 1980, 976 p. (In Russian)
- Словарь синонимов русского языка 1970 — *Slovar' sinonimov russkogo iazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]: in 2 vols. Evgen'eva A. P. (ed.). Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1970–1971. (In Russian)
- Словарь русского языка 1981–1984 — *Slovar' russkogo iazyka* [Russian dictionary]: in 4 vols. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow: Russkii iazyk Publ., 1981–1984. (In Russian)

References

- Апресян 2009 — Apresian Iu.D. *Issledovaniia po semantike i leksikografii* [Studies on Semantics and Lexicography]: in 2 vols. Vol. 1: *Paradigmatika* [Paradigmatics]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2009, 568 p. (In Russian)
- Белов 2014 — Belov V.A. “Typy sinonimicheskikh riadov [Types of Synonymic Rows]”. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. 4 (22), 2014: 125–137. (In Russian)
- Евгеньева 1966 — Evgen'eva A.P. “Osnovnye voprosy leksicheskoi sinonimiki [The Main Issues of Lexical Synonymy]”. *Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Essays on

- the Synonymy of the Modern Russian Literary Language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966, pp. 4–29. (In Russian)
- Евгеньева 1970 — Evgen'eva A. P. "Postroenie slovaria [Dictionary Composition]". *Slovar' sinonimov russkogo iazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]: in 2 vols. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1970, pp. 15–19. (In Russian).
- Звегинцев 1963 — Zvegintsev V. A. "Zamechaniia o leksicheskoi sinonimii [Remarks on Lexical Synonymy]". *Voprosy teorii i istorii iazyka: sb. v chest' prof. B. A. Larina* [Issues of the Theory and History of Language: Collection in Honor of Prof. B. A. Larin]. Maslov Iu. S. (ed.). Leningrad: Leningrad State University Press, 1963, pp. 127–142. (In Russian)
- Кулакова 2006 — Kulakova N. I. "Sinonimii i omonimii: (Psikholingvisticheskoe i korpusnoe issledovaniia na materiale russkogo iazyka) [Synonymy and Homonymy: (Psycholinguistic and Corpuscular Studies on the Material of the Russian Language)]". *Piataia vyezdnaia shkola-seminar «Porozhdenie i vospriatie rechi», Cherepovets, 19–21 oktiabria 2006 goda: materialy* [The Fifth Visiting School-seminar "Generation and Perception of Speech": Proceedings]. Cherepovets: Cherepovets State University Press, 2006, pp. 97–104. (In Russian)
- Лайонз 2004 — Lyons J. *Linguistic Semantics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 376 p. (Russ. ed.: Laions Dzh. *Lingvisticheskaia semantika: Vvedenie* [Linguistic Semantics: An Introduction]. Morozov V. V., Shatunovskii I. B. (transl.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 397 p. (Iazyk. Semiotika. Kul'tura [Language. Semiotics. Culture]).) (In Russian, transl. from English)
- Неверова 2007 — Neverova T. A. "Kontekstual'naia sinonimii v iazykovoi kartine mira D. S. Merezhkovskogo [Contextual Synonymy in the Language Picture of the World D. S. Merezhkovsky]". *Vestnik Moskovskogo un-ta* [Bulletin of Moscow State University]. Series 9: Filologiiia [Philology]. 6, 2007: 47–55. (In Russian)
- Хохлова 2008 — Khokhlova M. V. "Eksperimental'naia proverka metodov vydeleniia kollokatsii [Experimental Verification of Methods for Identification of Collocations]". *Slavica Helsingiensia* [Slavica Helsingiensia]. Vol. 34: Instrumentarii rusistiki: Korpusnye podkhody [Instrumentation of Russian Studies: Corpus-based Approaches]. Mustaioki A., Kopotev M. V., Biriulin L. A. et al. (eds.). Helsinki: S. p., 2008, pp. 343–357. (In Russian)
- Черняк 2010 — Cherniak V. D. *Sinonimii v russkom iazyke* [Synonymy in Russian]. Moscow: Akademiia Publ., 2010, 128 p. (In Russian)
- Ягунова, Пивоварова 2010 — Iagunova E. V., Pivovarova L. M. "Priroda kollokatsii v russkom iazyke: Opyt avtomaticheskogo izvlecheniia i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The Nature of Collocations in the Russian Language: The Experience of Automatic Identification and Classification on the Material of News Texts]". *Nauchno-tehnicheskaiia informatsiia* [Scientific and Technical Information]. Series 2. 6, 2010: 30–40. (In Russian)
- Church, Hanks 1990 — Church K., Hanks P. "Word Association Norms, Mutual Information, and Lexicography". *Computational Linguistics*. 16, 1, 1990: 22–29.
- Edmonds 1997 — Edmonds P. "Choosing the Word Most Typical in Context Using a Lexical Co-occurrence Network". *35th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 8th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, Madrid, Spain, July 7–12, 1997: Proceedings of the Conference*. Madrid: Association for Computational Linguistics Publ., 1997, pp. 507–509.
- Greenbaum 1974 — Greenbaum S. "Some Verb-intensifier Collocations in American and British English". *American Speech*. 49, 1/2, 1974: 79–89.
- Hirst, Wang 2010 — Hirst G., Wang T. "Near-synonym Lexical Choice in Latent Semantic Space". *23rd International Conference on Computational Linguistics. Beijing, China, August 23–27, 2010: Proceedings of the Conference*. Beijing: S. p., 2010, pp. 1182–1190.
- Miller et al. 1990 — Miller G., Beckwith R., Fellbaum C. et al. "Introduction to WordNet: An On-line Lexical Database". *International Journal of Lexicography*. 3, 4, 1990, pp. 235–244.
- Murphy 2003 — Murphy M. L. *Semantic Relations and the Lexicon: Antonymy, Synonymy, and Other Paradigms*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 292 p.
- Palmer 1981 — Palmer F. R. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, 221 p.

- Reiter, Sripada 2004 — Reiter E., Sripada S. “Contextual influences on near-synonym choice”. *Natural Language Generation: Third International Conference, Brockenhurst, UK, July 14–16, 2004*. Belz A., Evans R., Piwek P. (eds.). Berlin; Heidelberg; New York: Springer Publ., 2004, pp. 161–170.
- Xiao, McEney 2006 — Xiao R., McEney T. “Collocation, Semantic Prosody, and Near Synonymy: A Cross-linguistic Perspective”. *Applied Linguistics*. 27, 1, 2006: 103–129.

Received: August 6, 2017

Accepted: April 20, 2018

Приложение 1

Задание к первому этапу эксперимента

Прочитайте примеры и подчеркните одно слово из скобок, которое наиболее подходит для предложения.

1. Только не говорите мне, что если алкоголизм — это не дурной образ жизни, а заболевание, то он, как всякая / ий / ое прочая / ий / ое (*болезнь, хворь, недуг, заболевание*), дело приватное (Е. Толстых).
2. Когда мы тронулись в путь со станции, (*буря, вьюга, метель*) закрутила такая, что санями правил не кучер, а лошади, хорошо знавшие дорогу (Без автора).
3. Я надеялся, что (*грусть, скука, печаль, тоска*) не живет под чеченскими пулями, — напрасно (В. Мильдон).
4. У подножия камня журчал (*источник, ключ, родник*) с чистой водой (В. Губарев).
5. Конечно, не ресторация Дюме, но и не больничный / ая / ые (*корм, еда, пища, харчи*) (Ю. Давыдов).
6. (*Фортуна, судьба, доля*) распорядилась так, что Фоменко даже не удалось выступить непосредственно в гонке (С. Зиновьев).
7. И, чтобы не было скучно, они придумали себе (*труд, работу, дело, занятие*): готовили пельмени (С. Ткачева).
8. Я знаю его — это Стас, большой / ая (*ребенок, шалун, малыш, кроха*) и любитель выпить (В. Синицына).
9. Мой (*друг, товарищ, приятель, знакомый*) внес мое имя в лотерею — проводил спортивный магазин, — и я выиграл (Дж. Кэрри).
10. Я долго ходил с убеждением, что у меня обычный / ая / ое желудочный / ая / ое (*недуг, болезнь, хворь, заболевание*) — результат стрессов, вечных разъездов и долгих заседаний в суде (Т. Тронина).
11. Где-то сверху бил (*источник, ключ, родник*), и по тропинке катилась прозрачная тонкая струйка (Ю. Домбровский).
12. И здесь солдатскому сыну Фомину вдруг улыбнулась полковничья (*фортуна, судьба, доля*)! (Б. Евсеев).
13. Постарайтесь не ругать ее, а найти интересный / ую / ое для нее (*труд, работу, дело, занятие*) (журнал «Наши дети»).
14. Вода сильнее всего, она точит камень и тушит (*огонь, пламя, пыл*) (С. Спивакова).
15. Воссозданный в миниатюрном размере (*пейзаж, вид, ландшафт*) даже не российского, а какого-то европейского местечка (Г. Садулаев).
16. Ностальгия по 80-м — это не только (*грусть, скука, печаль, тоска*) по юности, совпавшей с концом эпохи Брежнева и началом времени политических перемен (А. Братерский).
17. Он просыпался под гул таежного океана, над которым катил / а зимний / ая (*ураган, буря, вьюга, метель*) (В. Гроссман).
18. В солнечной суши Туркестана я надеялся выгнать одолевшую / ий / ее меня (*болезнь, хворь, недуг, заболевание*) и вернуться к унылой дикости Севера, навсегда пленившей меня (И. Ефремов).
19. Но ведь (*фортуна, судьба, доля, удел* — продажная девка, и колесо ее / его всегда вращается (Без автора).

20. Научный / ая (*путь, дорога, стезя, тропа*) все меньше привлекает молодежь, и дело упирается не только в деньги (Д. Баженов).
21. Мы, в принципе, и за (*еду, пищу, корм, харчи*) поработать можем, да, хлопцы? (М. Елизаров).
22. В одно прекрасное лето гастрольный / ая (*путь, дорога, стезя, тропа*) привела нас в Сочинский цирк (В. Запашный).

Ниже напишите свое имя и возраст.
 Фамилию можно не указывать.
 Меня зовут _____
 Мне _____ лет / года

Приложение 2

Задание ко второму этапу эксперимента

Прочитайте примеры и подчеркните одно слово из скобок, которое наиболее подходит для предложения.

1. Иногда, отдав (*еду, корм, пищу, харчи*) птенцу, ласточка, слегка запрокинувшись, сидела несколько мгновений у края гнезда (Ф. Искандер).
2. Каждую неделю она старалась послать ему какой-нибудь (*подарок, дар, гостинец, сюрприз*), то сладости, то папиросы, то деньги (С. Алешин).
3. (*Доктор, лекарь, врач, медик*) считается хорошим, если на десяток вылеченных им страдалцев приходится не больше одного-двух покойников (М. Дяченко, С. Дяченко).
4. В сущности, (*болезнь, хворь, заболевание*) небольшая / ое — болела голова, градусник показывал тридцать семь и три (В. Шишков).
5. Какая / ое (*болезнь, хворь, заболевание*) пристанет к двадцатилетней девушке, еще недавно дальше всех толкнувшей ядро на межрайонном спортивном состязании? (Л. Леонов).
6. Но люблю и Дали, и Босха, потому что в их картинах есть (*еда, корм, пища, харчи*) для ума (А. Розенбаум).
7. И не может ли в этом случае помочь разными медикаментами уездный (*доктор, лекарь, врач, медик*)? (Н. Крышук).
8. — Не в коня (*еда, корм, пища, харчи*), — сказал Штрум, и хотя не совсем было ясно, что значат его слова, они вызвали смех (В. Гроссман).
9. Утром встала здоровая, (*печаль, грусть, тоска, скука*) и одиночество испарились, и все со мной в порядке — ни одышки, ничего, словом, дурного (П. Алешковский).
10. Реклама — она не только на собачий / ью / ьи (*еду, корм, пищу, харчи*) спрос стимулирует, но и на самих собак тоже (В. Быков).
11. А я, Василиса, тебе (*подарок, дар, гостинец, сюрприз*) привез, да все не знал, как поднести (В. Распутин).
12. В одно прекрасное лето гастрольный / ая (*путь, дорога, стезя, тропа*) привел / а нас в Сочинский цирк (В. Запашный).
13. Это решение стало очередным (*подарком, даром, гостинцем, сюрпризом*) к Дню города для абонентов, которые не были осведомлены о возможности прослушки их разговоров (Газета (2003)).
14. Ветер крепчал, (*ураган, буря, вьюга, метель*) выл / а, снежный вихрь сбивал с ног (Н. Никулин).
15. И для меня было неожиданным — и малоприятным (*подарком, даром, гостинцем, сюрпризом*), когда на четвертый день мобилизации пришла повестка о немедленной явке (М. Вишняк).
16. Неужели и ему повезло наконец? Неужели (*судьба, фортуна, доля*) к нему лицом повернулась? Но надо теперь быть вдвойне осторожным: жизнь внезапно может опять по башке ударить, если расслабишься... (А. Грачев).
17. Если какой-нибудь (*малыш, ребенок, шалун, кроха*) и получал шлепок, то только в минуты

веселья, и на это, конечно, нельзя было обижаться (М. Баранова).

18. Евгении были вручены памятный (*подарок, дар, гостиница, сюрприз*) и сертификат на право бесплатного обслуживания в течение года в бизнес-зале «Домодедово» (Т. Хикматов).
19. Мой (*товарищ, друг, приятель*) занимает важный пост в органах государственной власти, за рулем при этом всегда сидит сам, но и машина с мигалками ему нужна, потому что на дорогах пробки (А. Колесников).
20. Стараясь рассеять (*печаль, грусть, тоску, скуку*) работой, я установил под микроскопом новый шлиф рудной породы из Сефидкана (И. Ефремов).
21. (*Ураган, буря, вьюга, метель*) утих / ла, но тучи еще не разогнало, и ни одной звездочки не было видно на небе (С. Козлов).
22. Тернистый / ая (*путь, дорога, стезя, тропа*) шоу-бизнеса тоже не привлекала, — немало поездив по стране, Володя прекрасно понимал, что серьезно работать в этой сфере можно только в Москве или, по крайней мере, в Питере (Э. Савкина).

Ниже напишите свое имя и возраст.

Фамилию можно не указывать.

Меня зовут _____

Мне _____ лет / года

Богданова Ксения Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
st031383@student.spbu.ru, ksuschannna@yandex.ru

Передача особенностей интертекстуальных включений при переводе с английского языка на русский (на материале названий эпизодов англоязычных мультипликационных телесериалов)

Для цитирования: Богданова К. В. Передача особенностей интертекстуальных включений при переводе с английского языка на русский (на материале названий эпизодов англоязычных мультипликационных телесериалов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 412–423. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.307>

Статья посвящается исследованию интертекстуальности — частичного или полного образования текстом смысла посредством отсылки к другим текстам. Дается краткий обзор теоретических основ изучения данного лингвистического феномена, начиная с работ Ю. Кристевой и Р. Барта. Далее отмечается, что интертекстуальные включения из прецедентных литературных произведений и английской фразеологии нередко дают толчок языковой игре, поскольку они подвергаются разнообразным структурным и семантическим трансформациям, которые нарушают линейное восприятие текста, тем самым сообщая аудитории о наличии отсылки к другому тексту, а также способствуют реализации экспрессивной функции интертекстуальных включений. Особенности интертекстуальности рассматриваются на актуальном и современном материале англоязычного телевизионного дискурса. Как следствие, особое внимание в исследовании уделяется тому, что, в силу особого прагматического потенциала заголовочного дискурса, интертекстуальные включения активно используются в названиях эпизодов англоязычных телесериалов, в частности мультипликационных, возбуждая дополнительный интерес аудитории благодаря вышеупомянутому эффекту языковой игры и апелляции к фоновым знаниям. При этом с точки зрения переводоведения подобные интертекстуальные включения, несущие в себе особые культурные смыслы, представляют собой безэквивалентные единицы, которые не подлежат буквальной передаче на другой язык. Это может создавать дополнительные трудности при переводе англоязычных телесериалов, в том числе и англоязычной мультипликации, на русский язык. Поэтому далее в статье рассматриваются основные решения, к которым прибегает переводчик, столкнувшись с задачей передать языковую игру, основанную на интертекстуальности, таким образом, чтобы она вызвала у аудитории эквивалентную реакцию. В число данных решений, в частности, может входить поиск альтернативных текстов или фактов языка, являющихся прецедентными для носителей русского языка и культуры. Отдельный акцент делается на проблеме учета фоновых знаний аудитории мультипликационных телесериалов, в которую, в условиях современного стремления к охвату максимального числа зрителей, входят как дети различных возрастов, так и взрослые.

Ключевые слова: интертекстуальное включение, интертекстуальность, переводоведение, переводческая задача, киноперевод, мультипликация.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Введение

В настоящее время общепризнанным является положение о том, что текст может быть выстроен на «фундаменте» из предшествующих текстов, вносящих существенный вклад в его интерпретацию [Allen 2000: 12]. При этом существуют различные подходы к толкованию понятия «текст». При узком, лингвистическом подходе текст определяется как некое речевое произведение, а при широком подходе — как любая семиотическая система, которая хранит в себе «многообразные коды» [Лотман 1992: 132] и может иметь как вербальный, так и невербальный характер. Понимание того, что текст (будь то текст с лингвистической или семиотической точки зрения) не существует в «вакууме», вызывает интерес к изучению интертекстуальных включений, которые обеспечивают связь между двумя или более текстами, являясь одновременно частью каждого из них [Васильева 2011: 93].

Интертекстуальность и интертекстуальные включения обретают особую актуальность как предмет исследования в силу широкого охвата массовой культуры [Поветьева 2013: 113]. Немалый интерес также вызывает изучение интертекстуальности в контексте переводоведения, поскольку перевод интертекстуальных включений представляет собой особенно сложную задачу в связи с требованием к наличию у аудитории фоновых знаний, необходимых для того, чтобы «адекватно интерпретировать имплицитную информацию» [Игнатович 2011²: 180]. В силу культурной специфики фоновых знаний аудитория переводного текста может не удовлетворять данным требованиям, о чем будет более подробно рассказано ниже. На данный момент существует большое число научных работ, в том числе и диссертационных исследований, посвященных проблеме интертекстуальности в контексте перевода (см., например: [Гусева 2009; Игнатович 2011¹; Лунькова 2011; Малаховская 2008; Попова 2016]). Способы перевода интертекстуальных включений рассматриваются на материале литературных произведений, а также ораторской речи [Лапшина 2011] и интересующей нас разновидности кинотекста — телесериалов [Ким 2013]. Предполагается, что настоящая статья также внесет вклад в данную востребованную и активно развивающуюся область.

Теоретические основы исследования

Как отмечает Н. В. Петрова, многие лингвисты, в особенности западноевропейские, признают «каноническим» взгляд на интертекстуальность, сформулированный Р. Бартом [Петрова 2003]. Этот выдающийся французский философ-постструктуралист предложил рассматривать текст как подвижную структуру, выстраивающуюся на наших глазах и находящуюся в «отношениях цитации» с культурой, обществом и историей [Барт 1989: 424]. В свою очередь, Ю. Кристева, принадлежавшая наряду с Р. Бартом к постструктуралистскому течению, ввела в обиход сам термин «интертекстуальность» в работе о творчестве русского мыслителя М. М. Бахтина. Опираясь на высказывание Бахтина о том, что любой текст представляет собой «трансформацию и впитывание другого текста», Кристева отмечает, что все произведения мировой литературы можно рассматривать как многокомпонентную систему, отдельные части которой пребывают в «непрерывном диалоге» [Кристева 2000: 429]. Согласно концепции Кристевой, при исследовании каждого отдельно взятого произведения необходимо учитывать не только сам текст,

но и три дополнительных элемента: автора, читателя и другие, «внешние» тексты. Данные элементы располагаются вдоль двух осей: горизонтальная ось схематически обозначает диалог между автором и потенциальным читателем, а вертикальная — диалог между рассматриваемым текстом и всеми прочими текстами. Однако современные исследователи предпочитают иное толкование данной схемы, отмечая, что интертекстуальный диалог осуществляется скорее не напрямую между читателем и автором, а между читателем и его собственными фоновыми знаниями, которые актуализуются в соответствии с авторской задумкой [Hutcheon 1986: 231].

Также стоит подчеркнуть, что рассуждения об интертекстуальности в работах Кристевой ограничиваются лишь корпусом литературных произведений, в то время как, если принять широкое толкование понятия «текст», то и под интертекстуальностью, соответственно, можно понимать смыслообразование посредством отсылки не только к определенным произведениям художественной литературы, но и к прочим продуктам творческой деятельности человека, а также к историческим фактам и культурным реалиям. В более широком контексте параллельно с термином «интертекстуальность» также употребляются такие пересекающиеся и «трудноразделимые» [Гордиевский 2006: 230] термины, как «интердискурсивность» (взаимная цитация между разнообразными видами дискурса) или «интермедийность» (взаимная цитация между различными формами искусства) [Juvan 2008: 45]. В рамках данного исследования мы будем придерживаться более традиционного термина «интертекстуальность», хотя речь пойдет о текстах в более широком их понимании.

Интертекстуальные включения реализуют несколько взаимосвязанных функций, набор которых соотносится с набором функций языка, описанным Р.Якобсоном [Якобсон 1975]. Так, апеллятивная функция интертекстуальных включений предполагает намеренное обращение к конкретной аудитории, способной понять замысел автора и правильно истолковать текст. Следующая функция, фатическая, позволяет интертекстуальным включениям идентифицировать автора как «представителя определенной социально-культурной среды» [Лапшина 2011: 296], который стремится вступить в контакт с аудиторией. В свою очередь, референтивная функция интертекста заключается в передаче информации о понятийной сфере, с которой текст оказывается связанным посредством интертекстуальных включений, а метатекстовая функция позволяет интертексту фиксировать наличие актуальных связей между текстами. Наконец, нельзя не упомянуть экспрессивную функцию интертекстуальных включений, — т.е. их способность усложнять и обогащать смысл текста, в котором они используются. Здесь следует отметить, что создание дополнительных «семантических приращений» [Лапшина 2011: 296] неразрывно связано с наличием в тексте, содержащем интертекстуальные включения, определенных деформаций (структурных или смысловых преобразований), которые играют роль специального «сигнала», или маркера, сообщающего читателю о присутствии интертекстуального включения [Васильева 2011: 93].

Реализация всех вышеперечисленных функций приобретает особое значение, если интертекстуальные включения используются в рамках заголовочного дискурса. Как подчеркивает Т.А. ван Дейк [Дейк 2000: 145], заголовок обладает немаловажным прагматическим потенциалом: он создает «макроструктурную репрезентацию» основного текста и подготавливает аудиторию к его восприятию. Таким

образом, можно предположить, что наличие в заголовке интертекстуальных включений является эффективным способом привлечь внимание читателя, слушателя или зрителя.

И действительно, наблюдения показывают, что отсылка к другим текстам представляет собой весьма широко распространенный прием при составлении названий эпизодов англоязычных телесериалов, которые были избраны нами в качестве источника практического материала, поскольку сериал как разновидность кинодискурса представляет собой весьма значимый феномен современной культуры, широко востребованный среди массовой аудитории и в то же время относительно мало исследованный с лингвистической точки зрения [Зарецкая 2013: 88]. Мы остановим внимание на такой разновидности телесериала, как мультсериал. Мультсериалы для детей представляют собой особенно актуальный объект исследования в силу того, что они играют «важную роль в процессе социализации детей в современной социокультурной ситуации» [Айгистова, Шариков 2014: 72].

Интертекстуальные включения, используемые в названиях сериальных эпизодов, содержат в себе уже упомянутые ранее структурные и смысловые деформации, которые не только служат в качестве маркера, но и (что будет проиллюстрировано на практике ниже) способствуют созданию эффекта языковой игры. Согласно определению исследователей, языковая игра заключается в неканоническом употреблении языковых средств, которое позволяет автору текста (в данном случае создателям телесериала) «выделить себя как языковую личность» [Жоновалова 2008: 6] и возбудить интерес аудитории.

В контексте нашего исследования крайне важно указать на то, что для успешного включения аудитории телесериала в языковую игру необходимо, чтобы отсылка к иному тексту, встречающаяся в названии эпизода, была с легкостью опознана. В противном случае (т. е. при отсутствии нелинейного, «деавтоматизированного» восприятия кинотекста) зритель не сможет расшифровать заложенные создателями телесериала имплицитные смыслы и не испытает на себе предполагаемый коммуникативный эффект [Васильева 2011: 94]. Для обеспечения узнаваемости интертекстуальных включений в качестве источников интертекста (как в целом, так и в частном случае с источниками, на которые опираются создатели телесериалов) чаще всего выступают так называемые прецедентные тексты, широко доступные для носителей того или иного языка (в нашем случае для носителей английского языка). Как правило, это либо тексты, принадлежащие к устной традиции и передающиеся из поколения в поколение (от мифов и былин до анекдотов), либо наиболее известные литературные памятники, а также, при широком понимании текста, произведения других видов искусства, таких как архитектура, живопись или скульптура [Караулов 2010: 54]. Среди прецедентных текстов можно выделить «сильные» — «устойчивое ядро культурной памяти» [Папулова 2014: 62] с самой высокой степенью известности и устойчивостью восприятия, а также «слабые» тексты, которые располагаются на периферии фоновых знаний [Опарина 2008]; данная классификация является динамической, поскольку как «сильные» тексты могут уходить, утрачивать известность, так и «слабые» тексты могут закрепляться в культурной памяти.

Кроме того, как отмечает М. Н. Лапшина, «общедоступным источником» интертекстуальных включений [Лапшина 2011: 299] является и сам язык. В частно-

сти, богатый материал для апелляции к фоновым знаниям аудитории можно обнаружить во фразеологическом фонде языка, в который заключены «культурно значимые смыслы» [Телия 2004: 20].

С точки зрения переводоведения, единицы, принадлежащие к фразеологическому фонду или отсылающие аудиторию к «частным культурным элементам» [Верещагин, Костомаров 2005: 53], нередко представляют собой безэквивалентные единицы. Это усложняет задачу, встающую перед переводчиком, когда англоязычный телесериал появляется, к примеру, в российском прокате, — а именно задачу передать языковую игру посредством таких единиц, которые смогли бы вызвать эквивалентную реакцию у новой аудитории. Мы полагаем, что наличие в заголовочном дискурсе безэквивалентных единиц представляет собой особенно интересный переводческий вызов в контексте мультипликационного телесериала. Стремление к расширению аудитории, свойственное современной мультипликации, приводит к тому, что наряду с элементами кинотекста, которые легко воспринимаются и понимаются детьми, в мультипликационных фильмах и сериалах все чаще появляются отсылки к прецедентным текстам, являющимся «слабыми» с точки зрения аудитории младшего возраста (к примеру, к высказываниям политических деятелей или литературным произведениям из школьной программы старших классов). Подобные отсылки не подлежат самостоятельной интерпретации со стороны ребенка [Шаханская 2013: 286]. Однако даже если ребенок — носитель английского языка окажется способен распознать источник интертекстуального включения, при буквальном переводе данного включения на русский язык коммуникативный эффект может быть утрачен, поскольку российский зритель младшего или среднего школьного возраста, скорее всего, не будет располагать столь глубокими знаниями о культуре другой страны. В свою очередь, взрослый зритель, даже если он уже смог обогатить свои фоновые знания сведениями о феноменах, являющихся прецедентными для других языковых сообществ, также может не получить ожидаемого удовольствия от включения в языковую игру, поскольку те или иные литературные произведения и исторические события не будут нести для него столь же весомый культурный смысл, как для носителя иностранного языка, — т. е. источники интертекста все равно не будут являться для него «сильными» прецедентными текстами.

Как отмечает в своих исследованиях А. А. Гусева, в силу особого характера интертекстуальных включений сохранение их в тексте перевода не является строго необходимым, и в некоторых случаях (например, если исходный текст, или «прото-текст», не известен принимающей аудитории), целесообразнее прибегнуть к переводческой адаптации [Вербицкая, Гусева 2009; Гусева 2008]. Частным видом адаптации является культурная адаптация — т. е. замена исходных интертекстуальных включений на иные элементы, обладающие особыми культурными коннотациями с точки зрения аудитории, воспринимающей переводной текст. Данная стратегия, по всей видимости, сможет войти в число востребованных переводческих приемов при передаче интертекстуальных включений в мультсериалах, в силу уже подробно описанных выше особенностей фоновых знаний зрителя. В заключение можно добавить, что для истолкования безэквивалентных единиц также может применяться переводческий комментарий, однако формат телесериала делает реализацию данной стратегии невозможной.

Анализ практического материала

В настоящем разделе будут рассмотрены названия эпизодов англоязычных мультипликационных телесериалов, где были выявлены интертекстуальные включения, и официальные переводы данных названий на русский язык, выполненные различным студиями дубляжа по заказу телеканалов, транслирующих зарубежные мультсериалы на территории России. Сопоставление исходного интертекстуального включения с его переводом поможет нам определить, какие приемы использовались для передачи на русском языке безэквивалентных единиц.

Всего для исследования были собраны 474 примера названий эпизодов с интертекстуальными включениями, относящихся к англоязычной мультипликации различных периодов (конец 1980-х — середина 2010-х годов). Так, в корпусе примеров представлены такие популярные мультипликационные сериалы, как «The New Adventures of Winnie the Pooh» («Новые приключения Винни-Пуха»), «Danny Phantom» («Дэнни-Призрак»), «My Little Pony: Friendship is Magic» («Мои маленькие пони: дружба — это чудо») и пр. Все рассматриваемые мультсериалы имеют официальный перевод на русский язык.

В ходе изучения и классификации собранного материала удалось установить, что в подавляющем большинстве случаев (365 из 474) переводчик заменяет исходное название эпизода на менее экспрессивное словосочетание, которое не содержит интертекстуальных включений и лишь отсылает зрителя к тому или иному элементу сюжета данного мультипликационного фильма (*When You Wish upon a Stone* — *Великан и волшебный камень*; *A Dog and Pony Show* — *Искатели драгоценностей*; *Close Encounters of the Gummi Kind* — *Механический медвежонок*). Это можно объяснить тем, что при выборе переводческой стратегии переводчик выстраивает иерархию смыслов, чтобы определить, какие единицы являются менее важными и, соответственно, могут подвергнуться опущению с наименьшими переводческими потерями. Вероятно, в данном случае переводчик уделит прагматическому потенциалу названия эпизода не столь высокое место в составленной иерархии, или же предположил, что попытка распознать интертекстуальное включение вызовет у аудитории (в особенности у детей младшего возраста) не интерес, а, напротив, затруднения.

Следующую по величине группу примеров (всего 68 единиц) составляют случаи, когда переводчику удалось сохранить экспрессивность путем использования аллюзивных включений, которые мы условно назовем «интертекстуальными эквивалентами». В данную категорию можно включить, во-первых, переводы названий эпизодов, основанные на аллюзии на тот же прецедентный текст, интертекстуальное включение из которого встречается в оригинале (*Dr. Jekyll and Mr. McDuck* — *Доктор Джекил и мистер Мак-Дак*; *The Monster Frankenpooh* — *Чудовище Франкенпух*; *Land Before Swine* — *Земля до начала свиней*). В тех же случаях, когда англоязычное название эпизода содержит включение из фразеологического фонда, для перевода на русский выбирается фразеологический эквивалент, который затем подвергается преобразованиям, призванным добиться экспрессивного воздействия на русскоязычную аудиторию (*All's Well That Ends Wishing Well* — *Все хорошо, что хорошо желается*).

И наконец, третью группу примеров (41 единица) составили «интертекстуальные аналоги». Здесь можно выделить прежде всего случаи передачи аллюзий на тексты, являющиеся прецедентными для англоязычной аудитории, путем отсылки к иным текстам, которые входят в фонд фоновых знаний русскоязычной аудитории; причем примечательно, что в ряде случаев при выборе прецедентного текста переводчик больше ориентируется на фоновые знания ребенка, нежели более взрослого зрителя. Так, к примеру, название эпизода *Apes of Wrath* (аллюзия на роман Дж. Стейнбека «Гроздь гнева», признанный классикой американской литературы и, скорее всего, хорошо известный учащимся американских школ) из мультсериала «Darkwing Duck» («Черный плащ») переведено как *Не ходите в Африку гулять* (аллюзия на стихотворную сказку К. Чуковского «Бармалей», являющаяся уместной, поскольку по ходу сюжета герои мультсериала переживают множество опасных приключений в Африке). В свою очередь, для передачи обыгрывания устойчивых словосочетаний (фразеологических единиц (ФЕ) и речевых клише) переводчик прибегает к использованию и преобразованию русскоязычных фразеологических аналогов тех единиц, которые легли в основу языковой игры в оригинале. Если следовать классификации переводов ФЕ, предложенной Е. Ф. Арсентьевой [Арсентьева 1989] и ее последователями, то можно отметить, что чаще всего переводчиком избираются фразеологические аналоги с приблизительным сходством структурно-грамматической организации и разным компонентным составом, нередко включающим в себя одну общую лексику (*There's No Camp Like Home* — *В походе хорошо, а дома лучше*). Скорее всего, поиск аналога с общей лексемой вызван стремлением сохранить связь заголовка сериального эпизода с его сюжетом.

Выводы

Итак, поскольку спрос русскоязычной аудитории на англоязычную медийную продукцию, в частности мультсериалы, продолжает оставаться высоким, решение переводческих задач в данной области является весьма интересной и актуальной проблемой современного лингвистического, в частности переводоведческого, исследования. В названиях сериальных эпизодов в особенно яркой, сжатой форме реализуется языковая игра, направленная на привлечение внимания аудитории. Творческим преобразованиям подвергаются устойчивые выражения, а также названия или цитаты из классических литературных произведений, популярных кинофильмов и пр. Перед переводчиком встает задача подобрать такие единицы для передачи данных интертекстуальных включений, которые обеспечили бы реализацию тех же функций, которые интертекст выполняет в оригинале (в частности, экспрессивной и апеллятивной функции). При этом необходимо учитывать особенности фоновых знаний аудитории мультипликационного телесериала, в которую входят дети младшего школьного возраста. Как нам удалось увидеть, в случае с 77 % из рассмотренных названий эпизодов с элементами языковой игры, основанной на интертекстуальности, переводчик предпочел отказаться от выполнения данной задачи. Однако для оставшихся примеров были успешно подобраны переводческие эквиваленты или аналоги, позволившие реализовать функции интертекста.

В будущем предполагается проводить дальнейшую работу в данной области, охватив, в том числе, актуальный и высокопродуктивный на данный момент ген-

дерный аспект. Представляется интересным сопоставить реализацию потенциала интертекстуальности в различных мультсериалах, целевой аудиторией которых являются мальчики и девочки соответственно, и тем самым выяснить, оказывает ли гендерный аспект влияние на характер и выбор источника интертекстуальных включений, а также понять, каким образом производится адаптация данных включений при переводе мультсериала с английского языка на русский.

Литература

- Айгистова, Шариков 2014 — Айгистова Ю. В., Шариков А. В. “Место анимации в жизни младших дошкольников”. *Культурно-историческая психология*. 10, 4, 2014: 72–79.
- Арсентьева 1989 — Арсентьева Е. Ф. *Сопоставительный анализ фразеологических единиц*. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989, 123 с.
- Барт 1989 — Барт Р. “Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По”. Козлов С. Л. (пер.). Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Косиков Г. К. (ред.). М.: Прогресс, 1989, сс. 424–461.
- Васильева 2011 — Васильева Е. А. “Функционирование текстовых включений”. *Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та*. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2, 2011: 93–96.
- Вербицкая, Гусева 2009 — Вербицкая М. В., Гусева А. А. “Проблема перевода интертекстуальных элементов: категориальный подход”. *Вестник Московского ун-та*. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2, 2009: 9–18.
- Верещагин, Костомаров 2005 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура*. М.: Индрик, 2005, 1038 с.
- Гордиевский 2006 — Гордиевский А. А. “Интертекстуальность и интердискурсивность: К вопросу о разграничении понятий”. *Вестник Тюменского гос. ун-та: Социально-экономические и правовые исследования*. 4, 2006: 228–233.
- Гусева 2008 — Гусева А. А. “Преодоление энтропии при переводе интертекстуальных элементов в художественном тексте (на материале романа Дж. Джойса «Улисс»)”. *Вестник Поморского ун-та*. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 14, 2008: 201–204.
- Гусева 2009 — Гусева А. А. *Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык)*. Дис. ... канд. филол. наук. Науч. рук. М. В. Вербицкая. Московский гос. ун-т. М., 2009, 170 с.
- Дейк 2000 — Дейк Т. А. ван. “Анализ новостей как дискурса”. Медведева С. Ю. (пер.). Дейк Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: Благовещенский гуманитар. колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000, сс. 111–161.
- Зарецкая 2013 — Зарецкая А. Н. “Картина мира телесериала через призму когнитивной лингвистики”. *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 24 (315), 2013: 88–90.
- Игнатович 2011¹ — Игнатович М. В. *Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века*. Дис. ... канд. филол. наук. Науч. рук. М. В. Вербицкая. Московский гос. ун-т. М., 2011, 168 с.
- Игнатович 2011² — Игнатович М. В. “Перевод культурно-специфичных интертекстуальных включений: телео-аксиологический подход (на материале романов Терри Пратчетта)”. *Ученые записки Забайкальского гос. гуманитар.-пед. ун-та*. Серия «Филология, история, востоковедение». 2 (37), 2011: 180–183.
- Караулов 2010 — Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010, 264 с.
- Ким 2013 — Ким Е. Г. “Преодоление когнитивного диссонанса в аудиовизуальном переводе (на материале переводов сериала «Друзья»)”. *Вестник Воронежского гос. ун-та*. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 1, 2013: 162–165.
- Коновалова 2008 — Коновалова Ю. О. *Языковая игра в современной русской разговорной речи*. Владивосток: Изд-во Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса, 2008, 196 с.
- Кристева 2000 — Кристева Ю. “Бахтин, слово, диалог и роман”. Косиков Г. К. (пер.). *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*. Косиков Г. К. (ред.). М.: Прогресс, 2000, сс. 427–457.

- Лапшина 2011 — Лапшина М. Н. “Интертекстуальность и устный перевод”. *Университетское переводоведение*. Вып. 11: Материалы XI междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», Санкт-Петербург, 20–23 октября 2010 г. СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011, сс. 295–301.
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. “Семиотика культуры и понятие текста”. Лотман Ю. М. *Избранные статьи*: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992, сс. 129–132.
- Лунькова 2011 — Лунькова Л. Н. *Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод*. Дис. ... д-ра филол. наук. Науч. консультант Е. А. Красина. Рос. ун-т дружбы народов. М., 2011, 544 с.
- Малаховская 2008 — Малаховская М. Л. *Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале произведений К. С. Льюиса)*. Дис. ... канд. филол. наук. Науч. рук. Т. А. Казакова. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2008, 206 с.
- Опарина 2008 — Опарина Е. О. “Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме”. *Социолингвистика вчера и сегодня*. Трошина Н. Н. (ред.). М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2008, сс. 165–175.
- Папулова 2014 — Папулова Ю. К. “Прецедентные тексты в художественном дискурсе постмодернизма и переводческий комментарий как способ их экспликации”. *Вестник Пермского нац. исслед. политехнич. ун-та: Проблемы языкознания и педагогики*. 10, 2014: 61–68.
- Петрова 2003 — Петрова Н. В. “Современные тенденции понимания термина «текст»”. *История и философия культуры: актуальные проблемы: сб. науч. трудов*. Вып. 6. Архипов С. В. (ред.). Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2003. URL: <http://www.svarkhipov.narod.ru/vip/pet.htm> (дата обращения: 09.10.2016).
- Поветьева 2013 — Поветьева Е. В. “Лингвистический взгляд на интертекстуальность как доминанту идиостиля автора на примере прецедентного имени”. *Вестник Самарского гос. ун-та*. 2 (103), 2013: 113–117.
- Попова 2016 — Попова Ю. К. *Межтекстовые отношения и их трансляция (на материале англоязычных постмодернистских текстов и их переводов)*. Дис. ... канд. филол. наук. Науч. рук. Н. М. Нестерова. Пермский нац. исслед. политехнич. ун-т. Пермь, 2016. 210 с.
- Телия 2004 — Телия В. Н. “Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка”. *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках*. Телия В. Н. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004, сс. 19–30.
- Шаханская 2013 — Шаханская А. Ю. “Влияние мультипликационных фильмов на развитие детей младшего школьного возраста”. *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 22 (313), 2013: 286–289.
- Якобсон 1975 — Якобсон Р. О. “Лингвистика и поэтика”. Мельчук И. А. (пер.). *Структурализм: «за» и «против»*. Басин Е. Я., Поляков М. Я. (ред.). М.: Прогресс, 1975., сс. 193–230.
- Allen 2000 — Allen G. *Intertextuality*. New York: Routledge, 2000, 238 p.
- Juvan 2008 — Juvan M. *History and Poetics of Intertextuality*. Pogacar T. (transl.). Indiana (Ind.): Purdue University Press, 2008, 216 p.
- Hutcheon 1986 — Hutcheon L. “Literary Borrowing... And Stealing: Plagiarism, Sources, Influences, and Intertexts”. *English Studies in Canada*. 12, 2, 1986: 229–239.

Статья поступила в редакцию 27 января 2017 г.

Статья рекомендована в печать 7 июля 2017 г.

Bogdanova Kseniia Vitalievna

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
st031383@student.spbu.ru, ksuschannna@yandex.ru

Ways of conveying the properties of intertextual insertions when translating from English into Russian (based on the titles of episodes from English-language animated television series)

For citation: Bogdanova K. V. Ways of conveying the properties of intertextual insertions when translating from English into Russian (based on the titles of episodes from English-language animated television series). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 412–423. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.307> (In Russian)

This article reviews intertextuality — that is, a text’s ability to fully or partially form its meaning by referencing other texts. First, it gives a brief overview of the basic theoretical framework for researching this phenomenon, starting from the works of Julia Kristeva and Roland Barthes. Afterwards, the author notes that the use of intertextual insertions from English phraseology or widely-known works of literature creates opportunities for wordplay, as such insertions tend to undergo structural and/or semantic transformation, which disrupts the linear perception of the narrative, thus both making the audience aware that a different text is being referenced and helping intertextual insertions perform their expressive function. This particular study of intertextuality and its properties is based on material sourced from the English-language television discourse. Therefore, it focuses on the fact that, as headings and titles perform a special pragmatic function, preparing the audience for perceiving the text that follows, intertextual insertions are often used in episode titles of English-language TV series, including animated series, which allows to bolster the viewers’ interest by utilising wordplay and appealing to background knowledge. From the translation studies point of view, however, such intertextual insertions may present a challenge, as the phenomena they reference may not bear any significance to speakers of foreign languages, such as Russian. Thus, the next issue touched upon in the article is the translator’s choice of strategies that might help prompt an equivalent reaction from the Russian-speaking audience. Such strategies may include searching for a different text or language factor that might be meaningful to Russian speakers. As the article reviews empiric material collected from animated television series, special emphasis is given to the issue of taking into account the background knowledge of this medium’s specific audience, which includes both children of various ages and adults.

Keywords: intertextual insertion, intertextuality, translation studies, translation challenge, film translation, animation.

References

- Айгистова, Шариков 2014 — Aigistova Iu. V., Sharikov A. V. “Mesto animatsii v zhizni mladshikh doshkoľnikov [A Place of Animation in the Life of the Younger Preschoolers]”. *Kul’turno-istoricheskaia psikhologiiia* [Cultural-Historical Psychology]. 10, 4, 2014: 72–79. (In Russian)
- Арсентьева 1989 — Arsent’eva E. F. *Sopostavitel’nyi analiz frazeologicheskikh edimits* [Comparative Analysis of Phraseological Units]. Kazan: Kazan University Press, 1989, 123 p. (In Russian)
- Барт 1989 — Barthes R. “Analyse textuelle d’un conte d’Edgar Poe”. *Semiotique narrative et textuelle*. Charbrol C. (ed.). Paris: Librairie Larousse, 1973, pp. 29–54. (Russ. ed.: Bart R. “Tekstovoi analiz odnoi novelly Edgara Po [Textual Analysis of a Tale by Edgar Poe]”. Kozlov S. L. (transl.). Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Kosikov G. K. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 424–461.) (In Russian, transl. from French)
- Васильева 2011 — Vasil’eva E. A. “Funktsionirovanie tekstovyykh vkluchenii [Functioning of Textual Inclusions]”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta* [Bulletin of St. Petersburg State University]. *Seriia 9: Filologiiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Series 9: Philology. Oriental Studies. Journalism. 2, 2011: 93–96. (In Russian)
- Вербицкая, Гусева 2009 — Verbitskaia M. V., Guseva A. A. “Problema perevoda intertekstual’nykh elementov: kategorial’nyi podkhod [The Problem of Translation of Inter-textual Elements: Categorical Approach]”. *Vestnik Moskovskogo un-ta* [Bulletin of Moscow University]. *Seriia 19: Lingvistika i mezhekul’turnaia kommunikatsiia* [Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication]. 2, 2009: 9–18. (In Russian)
- Верещагин, Костомаров 2005 — Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Iazyk i kul’tura* [Language and Culture]. Moscow: Indrik Publ., 2005, 1038 p. (In Russian)

- Гордиевский 2006 — Gordievskii A. A. “Intertekstual’nost’ i interdiskursivnost’: K voprosu o razgranichenii poniatii [Intertextuality and Interdiscursivity: On the Matter of Distinguishing the Terms]”. *Vestnik Tiimenskogo gos. un-ta: Sotsial’no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia* [Bulletin of Tyumen State University: Social, Economic, and Law Research]. 4, 2006: 228–233. (In Russian)
- Гусева 2008 — Guseva A. A. “Preodolenie entropii pri perevode intertekstual’nykh elementov v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Dzh. Dzhoisa «Uliss») [Overcoming Entropy When Translating Intertextual Elements in a Work of Literary Fiction (Based on the “Ulysses” Novel by J. Joyce)]”. *Vestnik Pomorskogo un-ta* [Bulletin of Pomor University]. Seriiia «Gumanitarnye i sotsial’nye nauki» [Series “Humanitarian and Social Sciences”]. 14, 2008: 201–204. (In Russian)
- Гусева 2009 — Guseva A. A. *Intertekstual’nost’ kak perevodcheskaia problema (na materiale romana Dzh. Dzhoisa «Uliss») i ego perevoda na russkii iazyk* [Intertextuality as a Translation Issue (Based on the Ulysses Novel by James Joyce and Its Translations into Russian)]. PhD diss. (Philology). Research supervisor M. V. Verbitskaia. Moscow State University. Moscow, 2009, 170 p.
- Дейк 2000 — Dijk T. A. van. “The Analysis of News as Discourse”. *News Analysis: Case Studies of International and National News in the Press*. Dijk T. A. van (ed.). Hillsdale (New Jersey): Lawrence Erlbaum, 1988, pp. 1–30. (Russ. ed.: Deik T. A. van. “Analiz novostei kak diskursa [The Analysis of News as Discourse]”. Medvedeva S. Iu. (transl.). Deik T. A. van. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk Humanitarian College named after Baudouin de Courtenay Press, 2000, pp. 111–161.) (In Russian, transl. from English)
- Зарецкая 2013 — Zaretskaia A. N. “Kartina mira teleseriala cherez prizmu kognitivnoi lingvistiki [TV Show World Picture: Cognitive Perspective]”. *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 24 (315), 2013: 88–90. (In Russian)
- Игнатович 2011¹ — Ignatovich M. V. *Kul’turnaia adaptatsiia intertekstual’nykh vkluchenii pri perevode proizvedenii angliiskoi literatury XX veka* [Cultural Adaptation of Intertextual Insertions in Translations of Works of 20th Century English Literature]. PhD (Philology). Research supervisor M. V. Verbitskaia. Moscow State University. Moscow, 2011, 168 c.
- Игнатович 2011² — Ignatovich M. V. “Perevod kul’turno-spetsifichnykh intertekstual’nykh vkluchenii: teleo-aksiologicheskii podkhod (na materiale romanov Terri Pratchetta) [Translation of the Culture Specific Intertextual Elements: Teleo-Axiological Approach (Terry Pratchett’s Novels by the Example)]”. *Uchenye zapiski Zabaikal’skogo gos. humanit.-ped. un-ta* [Scholarly Notes of Transbaikalian State Humanitarian-Pedagogical University]. Seriiia «Filologii, istoriia, vostokovedenie» [Series “Philology, History, Oriental Studies”]. 2 (37), 2011: 180–183. (In Russian)
- Караулов 2010 — Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost’* [Russian Language and Language Personality]. 7th ed. Moscow: LKI Publ., 2010, 264 p. (In Russian)
- Ким 2013 — Kim E. G. “Preodolenie kognitivnogo dissonansa v audiovizual’nom perevode (na materiale perevodov seriala «Druz’ia») [Resolution of Cognitive Dissonance in Audiovisual Translation of the TV Series “Friends”]”. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta* [Bulletin of Voronezh State University]. Seriiia «Lingvistika i mezhkul’turnaia kommunikatsiia» [Series “Linguistics and intercultural communication”]. 1, 2013: 162–165. (In Russian)
- Коновалова 2008 — Konovalova Iu. O. *Iazykovaia igra v sovremennoi russkoi razgovornoj rechi* [Wordplay in Modern Russian Colloquial Speech]. Vladivostok: Vladivostok State University Economics and Service Press, 2008, 196 p. (In Russian)
- Кристева 2000 — Kristeva J. “Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman”. *Critique*. 23, 239, 1967 : 438–465. (Russ. ed.: Kristeva Iu. “Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel]”. Kosikov G. K. (transl.). *Frantsuzskaia semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Kosikov G. K. (ed.). Moscow: Progress Publ., 2000, pp. 427–457.) (In Russian, transl. from French)
- Лапшина 2011 — Lapshina M. N. “Intertekstual’nost’ i ustnyi perevod [Intertextuality and Interpreting]”. *Universitetskoe perevodovedenie* [University Translation Studies]. Issue 11: Materialy XI mezhdunar. nauch. konf. po perevodovedeniiu «Fedorovskie chteniia», St. Petersburg, 20–23 oktiabria 2010 [Proceedings of the 11th International Conference on Translation Studies “Fedorov Readings”, St. Petersburg, October 20–23, 2010]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology Press, 2011, pp. 295–301. (In Russian)

- Лотман 1992 — Lotman Iu. M. “Semiotika kul'tury i poniatie tekstaiu [Semiotics of Culture and the Notion of Text]”. Lotman Iu. M. *Izbrannyye stat'i* [Selected Articles]: in 3 vols. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992, pp. 129–132. (In Russian)
- Лунькова 2011 — Lun'kova L. N. *Intertekstual'nost' khudozhestvennogo teksta: original i perevod* [The Intertextuality of Fiction: Original and Translation]. PhD (Philology). Research consultant E. A. Krasina. Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, 2011, 544 p.
- Малаховская 2008 — Malakhovskaia M. L. *Intertekstual'nye svazi v khudozhestvennom tekste v sopostavitel'no-perevodcheskom aspekte (na material proizvedenii K. S. Liuisa)* [Intertextuality in Fiction in Its Comparative and Translation Aspect (Based on the Works by C. S. Lewis)]. PhD (Philology). Research supervisor T. A. Kazakova. Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. St. Petersburg, 2008, 206 p.
- Опарина 2008 — Oparina E. O. “Pretsedentnyi tekst i ego rol' v kul'turno-iazykovom sotsiume [Precedent Text and Its Role in the Cultural and Language Community]”. *Sotsiolingvistika vchera i segodnia* [Sociolinguistics Yesterday and Today]. Troshina N. N. (ed.). Moscow: Institute of Scientific Information in Social Sciences Publ., 2008, pp. 165–175. (In Russian)
- Папулова 2014 — Papulova Iu. K. “Pretsedentnye teksty v khudozhestvennom diskurse postmodernizma i perevodcheskii kommentarii kak sposob ikh eksplikatsii [Intertextual References in Literature and Translation Comments as the Method of Explication]”. *Vestnik Permskogo nats. issled. politekhnich. un-ta: Problemy iazykoznanii i pedagogiki* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University: Issues of Linguistics and Pedagogy]. 10, 2014: 61–68. (In Russian)
- Петрова 2003 — Petrova N. V. “Sovremennye tendentsii ponimaniia termina «tekst» [Modern Trends of Understanding the Term “Text”]”. *Istoriia i filosofii kul'tury: aktual'nye problem: sb. nauch. trudov* [Modern Trends of Understanding the Term “Text”]. Issue 6. Arkhipov S. V. (ed.). Vladikavkaz: North Ossetian State University Press, 2003. URL: <http://www.svarkhipov.narod.ru/vip/pet.htm> (accessed date: 09.10.2016). (In Russian)
- Поветьева 2013 — Povet'eva E. V. “Lingvisticheskii vzgliad na intertekstual'nost' kak dominantu idiostilia avtora na primere pretsedentnogo imeni [Linguistic View on Intertextuality as the Keynote of an Author's Idiostyle in Terms of Precedent Names]”. *Vestnik Samarskogo gos. un-ta* [Bulletin of Samara State University]. 2 (103), 2013: 113–117. (In Russian)
- Попова 2016 — Popova Iu. K. *Mezhtekstovyye otnosheniia i ikh translatsiia (na material angloiazychnykh postmodernistskikh tekstov i ikh perevodov)* [Intertextual Relations and Their Translation (Based on Postmodern English-Language Texts and Their Translations)]. PhD (Philology). Research supervisor N. M. Nesterova. Perm National Research Polytechnic University. Pskov, 2016, 210 c.
- Телия 2004 — Teliia V. N. “Kul'turno-iazykovaia kompetentsiia: ee vysokaiia veroiatnost' i glubokaia sokrovennost' v edinitsakh frazeologicheskogo sostava iazyka [Cultural and Language Competency: Its Linguistic Probability and Profound Embedment in Units of Language Phraseology]”. *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh* [Cultural Layers in Phraseology and Discourse Practices]. Teliia V. N. (ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 19–30. (In Russian)
- Шаханская 2013 — Shakhanskaia A. Iu. “Vliianie multiplikatsionnykh fil'mov na razvitie detei mladshego shkol'nogo vozrasta [Influence of Animated Movies on Development of Children of Younger School Age]”. *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 22 (313), 2013: 286–289. (In Russian)
- Якобсон 1975 — Jakobson R. “Linguistics and Poetics”. *Style in Language*. Sebeok Th. A. (ed.). Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1960, pp. 350–377. (Russ. ed.: Iakobson R. “Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]”. Mel'chuk I. A. (transl.). *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: “Pro” and “Contra”]. Basin E. Ia., Poliakov M. Ia. (eds.). Moscow: Progress Publ., 1975, pp. 193–230.) (In Russian, transl. from English)
- Allen 2000 — Allen G. *Intertextuality*. New York: Routledge Publ., 2000, 238 p.
- Juvan 2008 — Juvan M. *History and Poetics of Intertextuality*. Pogacar T. (transl.). Indiana (Ind.): Purdue University Press, 2008, 216 p. (Transl. from Slovenian)
- Hutcheon 1986 — Hutcheon L. “Literary Borrowing... And Stealing: Plagiarism, Sources, Influences, and Intertexts”. *English Studies in Canada*. 12, 2, 1986: 229–239.

Received: January 27, 2017

Accepted: July 7, 2017

Караваяева Вероника Георгиевна

Амурский государственный университет,
Россия, 675027, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21;
karavaeva.vg@yandex.ru

Перцептивные характеристики интервокальных согласных реализаций на месте орфографических *-t-*, *-tt-* (на материале британского новостного аналитического дискурса)*

Для цитирования: *Караваяева В. Г.* Перцептивные характеристики интервокальных согласных реализаций на месте орфографических *-t-*, *-tt-* (на материале британского новостного аналитического дискурса) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 424–437. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.308>

За последнее десятилетие борьба двух противоположенных тенденций — глобализации и стремления к сохранению национального языкового своеобразия — оказала сильное влияние на англоговорящее население всего мира. Одним из результатов этого процесса стало внесение ряда кардинальных изменений в британский вариант английского языка, который на сегодняшний день перехватил «пальму первенства» в нестабильности и вариантности произносительной нормы. Одним из таких изменений можно по праву назвать разнообразие модели аллофонного варьирования интервокального согласного /t/ и реализацию на его месте аллофонов других фонем. К нестандартным с точки зрения консервативной разновидности RP аллофонам можно отнести альвеолярный удар /скольжение и спирантизованные аллофоны. Целью перцептивного эксперимента было понять, могут ли реализация альвеолярного удара /скольжения и спирантизованные реализации приводить к фонологическим заменам и вариантности фонемного состава слов. Из акустического материала были отобраны 37 стимулов — последовательностей VCV, — содержащих альвеолярный удар, схожий с реализацией /d/, скольжение, схожие с реализациями /r/ и /l/, сибиллянты, схожие с реализациями /ʃ/, /ʒ/, /s/, /z/. К ним были добавлены 8 контрольных образцов — действительных реализаций фонем /d/, /r/, /l/, /t/, /ʃ/, /ʒ/, /s/, /z/. Таким образом, в программу для прослушивания вошло 45 стимулов. Для автоматизации проведения эксперимента и обработки результатов было создано веб-приложение, на страницах которого была размещена составленная программа с образцами для прослушивания, данными вразброс, и анкета. В эксперименте приняло участие 16 аудиторов — носителей английского языка. Было получено 272 ответа на стимулы, содержащие альвеолярный удар и скольжение. Из них в среднем 14 % приходится на /t/, а 86 % — подавляющее большинство — воспринимаются как содержащие звонкие согласные. Из этих 86 % на /d/ приходится 63 и на /r/ и /l/ — 13 и 10 соответственно. Было получено 288 ответов аудиторов на 18 стимулов, содержащих сибиллянты. Из них в среднем только 29 % были восприняты как взрывные, а 71 % — как фрикативные сибиллянты. При этом признак фонологической глухости /звонкости и признак активного органа и места образования, взятые отдельно, для 72 % стимулов были восприняты верно.

* Статья опубликована в рамках НИР по базовой части госзадания 34.6414.2017/8.9.

Ключевые слова: перцептивные характеристики, интервокальная позиция внутри и на границе слов, новостной аналитический дискурс, альвеолярный удар / скольжение, спондизация, сибиланты, фонологическая вариантность, английский язык.

Введение

Выбор темы для настоящего исследования был определен тремя основными предпосылками. Во-первых, за последнее десятилетие борьба двух противоположенных тенденций — глобализации и стремления к сохранению национального языкового своеобразия — оказала сильное влияние на англоговорящее население всего мира. С одной стороны, это породило множество вариантов английского языка (World Englishes), с другой — внесло заметные изменения в общепринятое британское произношение (Received Pronunciation — RP), пополнив его фонетическими явлениями, ранее рассматривавшимися как ненормативные для RP и считавшимися принадлежностью исключительно отдельных британских диалектов и просторечия, и тем самым существенно расширив границы RP и сделав его норму более демократичной.

В течение долгого времени американский вариант английского языка считался наиболее нестабильным, однако на сегодняшний день британский английский перехватил эту «пальму первенства». Так, Д. Уатт назвал территорию Британии (в частности, границу между Шотландией и Англией) зоной наибольшей концентрации диалектных различий в англоговорящем мире [Watt 2010]. Это не просто последовательность диалектов, а диалектный континуум, который обуславливает взаимовлияние диалектов и такое разнообразие, что многие лингвисты ставят под сомнение существование стандарта как такового [Hughes et al. 2012]. Британские диалекты, включая один из наиболее популярных, эстуарный английский (Estuary English), были широко изучены многими отечественными и зарубежными лингвистами, однако, в связи с растущим взаимовлиянием британских диалектов, интерес к данной проблеме снова возрастает [Безбородова 2015; Шевченко 2015].

Во-вторых, известно, что наиболее частотные единицы языка характеризуются высокой степенью вариативности и вариантности. Фонологически глухой¹ согласный /t/ является одним из самых частотных согласных в английском языке (по разным источникам, первый или второй ранг [Denes 1964; Cruttenden 2001]). Исследования У. Ванга и Дж. Кроуфорда подтверждают тот факт, что относительная частота фонем в английском языке не зависит от стиля и диалекта, поэтому можно считать, что данный согласный является наиболее частотным и в квазиспонтанной речи [Wang, Crawford 1960].

В-третьих, решающим фактором для выбора данного согласного послужила его вариативность и нестабильность в современном британском консонантизме. В зависимости от окружения на месте фонемы /t/ могут быть реализованы канон-

¹ Автор осознает, что ведущим коррелятом признака фонологической глухости / звонкости английских согласных является не отсутствие / присутствие основного тона, а интенсивность шумовых составляющих, длительность и ширина полосы шума, свидетельствующих о форсисности (силе, напряженности) и ленисности (слабости, ненапряженности), однако предпочитает использовать для названия признака традиционный термин (см., например: [Cruttenden 2001: 193]).

нический², слабый глухой, дентальный, глоттализированный, озвонченный аллофоны, альвеолярный удар / скольжение и заместители, возникшие в результате ассибиляции (/t/ → /tʃ/, /ʃ/); элизия /t/ также является довольно частым феноменом [Ramsaran 1990; Milroy et al. 1999; Fabricius 2000; Cruttenden 2001; Docherty 2007; Foulkes, Docherty 2007]. Исследуя английский язык жителей г. Тайнсайд (Tyneside English), ученые выявили пять аллофонов интервокальных препаузальных фонем /p/, /t/, /k/: гортанный / глоттализированный (glottal / glottalized), обычный взрывной (plain release), звонкий взрывной (voiced release), альвеолярный удар (tap) и предпридыхательный взрывной (pre-aspirated release) (включая реализации с предшествующими аспиративным шумом (pre-aspiration), аффрикатизацией (pre-affrication) и спирантизацией (spirantization) либо с комбинацией указанных особенностей) [Docherty 2007; Milroy et al. 1999]. Последний — предпридыхательный взрывной, — по полученным исследователями данным, характерен для препаузальных интервокальных /t/ [Milroy et al. 1999].

Ранее, в ходе акустического анализа, на месте орфографических *-t*, *-tt* только в интервокальной позиции было выявлено три типа реализаций внутри слов (канонический, альвеолярные удар и скольжение, спирантизованный³) и пять — на словесной границе (канонический, альвеолярные удар и скольжение, спирантизованный, глоттализированный, слабый глухой) [Караваева, Андросова 2015]. Из них альвеолярный удар и альвеолярное скольжение [Андросова, Караваева 2015] и спирантизованные вызвали особый интерес в настоящем исследовании, поскольку, согласно акустическим характеристикам, в таких случаях не исключены замены фонемы /t/ на /d/ при реализации альвеолярных удара и скольжения и на указанные сибиллянты. Проверке данной гипотезы и посвящено наше перцептивное исследование.

Эксперимент

Материал и методика исследования

Важность изучения особенностей восприятия звуковых единиц сложно переоценить. Нельзя не вспомнить известную цитату из книги Л. В. Бондарко: «И именно человек, носитель данного конкретного языка, является той таинственной ретортой, в которой „материальное олово“ переплавляется в „функциональное золото“» [Бондарко 1981: 9].

Целью перцептивного эксперимента было понять, могут ли указанные модификации — альвеолярный удар / скольжение (самые частотные из неканонических) и спирантизация — приводить к фонологическим заменам и, следовательно, вариантности фонемного состава слов. Перцептивное исследование проводилось в несколько этапов: сегментация образцов и формирование экспериментальной программы, составление анкет для эксперимента, создание веб-приложения, проведение эксперимента и анализ полученных данных.

² От английского *canonical*, часто употребляемого в англоязычных научных работах по фонетике для обозначения придыхательного аллофона фонемы /t/.

³ В результате зафиксированы реализации с акустическими характеристиками фрикативных сибиллянтов [s], [z], [ʃ], [ʒ].

Материалом для перцептивного анализа послужили сегменты, выделенные из речи шести дикторов-мужчин, носителей британского варианта английского языка в возрасте 50–56 лет, родившихся, получивших образование и постоянно проживающих на территории Англии. Данные дикторы являлись ведущими радиопередач теле-радиостанции «BBC»; аудиозаписи были взяты на официальном сайте этой радиостанции [Hardtalk 2014–2015: July 28, August 14, 18, September 26, 29, October 1, 3, 6, 8, 10, 15, 20, 22, 24, 30, December 1, 3, 5 (2014), January 16, 26, March 2, 6, 13, 20, 25, April 3 (2015); Outlook 2014: December 12, 21; Last Word 2015: June 21, 28, July 5, 12, 19, 26, 31; The Bottom Line 2016; The Sound Track of my Life 2015, The Business of Film 2015; Confessions 2016; BBC Radio London S. a.].

Из акустического материала были отобраны стимулы — последовательности VCV (где V — гласный, C — согласный), содержащие различные реализации на месте целевого интервокального согласного /t/ внутри слов и на словесной границе: точечные (схожие с реализацией /d/) и скользящие (возможно, схожие с реализациями /r/ и /l/) — для обоих используется один знак [r]; сибиллянты [ʃ], [ʒ], [s], [z]. Количество стимулов составило 37 единиц. К ним были добавлены 8 так называемых контрольных образцов — реализаций фонем /d/, /r/, /l/, /t/, /ʃ/, /ʒ/, /s/, /z/. Таким образом, общее количество стимулов по программе — 45. При подборе стимулов мы старались учесть семантический фактор за счет использования служебных слов и слов с самостоятельным значением и фразовые условия (стимулы взяты из разных фразовых позиций — начало, середина, конец — и представлены в разных акцентных моделях — \sim VCV, VCV, VC \sim V, см. табл. 1–2). Задачи балансировать стимулы в равных количествах по акцентным моделям не стояло в силу специфики материала и естественной более высокой частотности модели \sim VCV как благоприятного контекста для появления альвеолярных удара и скольжения.

Таблица 1. Восприятие альвеолярного удара (тип аллофона — точечный)

Контекст		Фонемная интерпретация (%)				
Стимул	Акцентная модель	d	r / l	t	z	3
<i>Operating</i>	VCV	81	0	19	0	0
<i>British</i>	\sim VCV	100	0	0	0	0
<i>Better</i>	\sim VCV	76	12	12	0	0
<i>But I</i>	VCV	37	37	19	7	0
<i>Get each</i>	VC \sim V	37	26	37	0	0
<i>Thirty</i>	\sim VCV	57	31	12	0	0
<i>Put it</i>	\sim VCV	69	0	25	0	6
<i>What it</i>	\sim VCV	50	19	31	0	0
<i>Whatever</i>	VC \sim V	63	25	12	0	0
<i>Status</i>	\sim VCV	100	0	0	0	0
Средний %		59,0	15,0	18,6	0,7	0,6

Таблица 2. Восприятие альвеолярного скольжения (тип аллофона — скользящий)

Контекст		Фонемная интерпретация (%)				
Стимул	Акцентная модель	d	r / l	t	z	ʒ
<i>British</i>	ˌVCV	75	25	0	0	0
<i>United</i>	ˌVCV	87	0	13	0	0
<i>But of course</i>	VCV	56	38	6	0	0
<i>Get in</i>	ˌVCV	44	44	12	0	0
<i>British</i>	ˌVCV	63	37	0	0	0
<i>It odd</i>	VCˌV	0	94	6	0	0
<i>Pretty</i>	ˌVCV	56	6	38	0	0
Средний %		54,4	34,9	10,7	0	0

Для программы была разработана анкета, в которой на каждый прослушанный стимул аудиторам было предложено 6 вариантов ответов. Во всех вопросах обязательно присутствовали варианты, содержащие /t/ и /d/. Остальные варианты предлагались в зависимости от типа стимула. В вопросах на стимулы, содержащие альвеолярный удар или альвеолярное скольжение, предлагались /r/, /l/, /z/, /ʒ/. В вопросах на стимулы, содержащие сибиланты, предлагались /s/, /ʃ/, /z/, /ʒ/.

Организация веб-приложения для эксперимента

Для автоматизации проведения эксперимента и обработки результатов было создано веб-приложение [Acoustic and Percptual S. a.], на страницах которого была размещена составленная программа с образцами для прослушивания и анкетой. Веб-приложение позволяет проводить онлайн-анкетирование, сбор результатов по различным срезам; в нем также имеется возможность формирования анкет по различным типам вопросов. Доступ к результатам анкетирования имеют авторизованные пользователи. Участие в анкетировании находится в свободном доступе. Также доступны автоаналитические возможности просмотра посещаемости сайта и, кроме того, созданных анкет по множеству срезов: геолокация, количество, веб-адрес, поисковая машина переходов, сайты переходов. Хранение данных осуществляется на выделенном конечном сервере под управлением операционной системы Ubuntu server 14.04.

В качестве базового языка программирования для создания веб-приложения был использован язык Ruby. Ядром веб-приложения является Framework Rails, который реализует архитектурный шаблон MVC (Model-View-Controller). Для непосредственного хранения данных и управления базой данных была выбрана система управления базами данных (СУБД) PostgreSQL 9.3., которая взаимодействует с приложением через библиотеку языка Ruby 'pg'.

Участники эксперимента

Современные перцептивные исследования используют данные, полученные от разного количества информантов, которое может варьировать от семи до несколь-

ких сотен, в зависимости от поставленной задачи и характера проверяемой гипотезы. По данным Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ (ныне СПбГУ) 1985 г., минимально надежное количество аудиторов составляет 7 человек [Отчёт ЛЭФ ЛГУ 1985]. Это количество аудиторов и сейчас считается допустимым. Так, например, Е. Хао, исследовавший кантонский диалект китайского языка, задействовал в своем перцептивном эксперименте 7 носителей данного диалекта [Хао 2012]; группа финских исследователей при исследовании восприятия длительности гласных — 15–16 аудиторов в возрасте 19–44 лет [Eerola et al. 2012], в то время как Т. Кендалл и В. Фридланд использовали данные от 420 аудиторов-студентов для изучения особенностей восприятия сдвига гласных на юге США [Kendall, Fridland 2012].

Участниками нашего эксперимента стали 12 жителей Великобритании (7 женщин, 5 мужчин), проживающие в различных районах (Ноттингем, Лондон, Глазго, Уотфорд, Лестер, Уортинг, Манчестер, Честер, Саутгемптон, Кембридж, Ньюкасл) и, таким образом, являющиеся носителями разных региональных разновидностей британского варианта английского языка. Помимо британцев, в эксперименте приняли участие 4 жителя США (1 мужчина, 3 женщины), проживающие в различных районах (Вашингтон (округ Колумбия), Галф Бриз (штат Флорида), Клинтон (штат Миссисипи)), также представляющие разные региональные разновидности американского варианта английского языка. Таким образом, общее количество участников составило 16 человек.

Все участники эксперимента имеют высшее образование, за исключением одного американца. Аудиторы задействованы в разных сферах общества: правоительство, образование, студенты и преподаватели университетов. Ни один из них не является лингвистом по профессии. Все аудиторы были распределены на две возрастные категории: 16–30 и 31–56 лет.

Перед выполнением теста аудиторам сообщалось о том, что опрос проводится анонимно, в научных целях, и предлагалось ответить на несколько вопросов о себе: назвать свой пол, возраст, место проживания, сферу деятельности, образование. Далее испытуемый мог переходить непосредственно к программе эксперимента, к которой была дана инструкция по выполнению задания. В ней говорилось, что испытуемому предстоит услышать последовательность звуков английского языка и выбрать наиболее подходящий вариант ответа из шести предложенных. Образец можно было прослушать неограниченное количество раз, при этом имелась возможность при необходимости отрегулировать громкость.

Результаты восприятия интервокального /t/

Альвеолярные удар и скольжение

В программу было включено 17 стимулов, содержащих альвеолярные удар и скольжение на месте интервокального *-t-*, *-tt-* (10 точечных и 7 скользящих). Было получено 272 ответа аудиторов на указанные стимулы. Из них только 14 % приходится на /t/, а 86 % — подавляющее большинство — воспринимаются как содержащие звонкие согласные. Из этих 86 % 63 приходится на /d/, 13 и 10 — на /r/ и /l/ соответственно. Согласно полученным результатам, /t/-ответы в группе британцев

фигурировали чаще, чем в группе американцев, — 15 и 7% соответственно (разница статистически не значима). Однако, поскольку на данном этапе эксперимент не сбалансирован по количеству британских и американских аудиторов, трудно делать выводы относительно большей или меньшей частотности /t/-ответов в этих двух группах. Процент /t/-ответов по отдельно взятым стимулам из предъявленных 17 стимулов варьировал от 6 до 38. При этом количество /t/-ответов никогда не превышал количество /d/-ответов. Лишь для одного ответа из 17 количество /d/- и /-t/-ответов было одинаковым (по 37%). Реакции на 4 стимула вообще не содержали /t/-ответов. Наличие / отсутствие словесной границы в целом не оказывало влияние на уменьшение либо увеличение /t/-ответов (например, ср. 37% на границе слов *at each* и 38% в слове *pretty*, по 6% в *but of course* и *British*, по 19% *but I* и *operating*).

Большинство точечных и скользящих реализаций (59 и 54% соответственно) восприняты аудиторами как /d/. Различие в восприятии данных реализаций заключается в том, что скользящие реализации в два раза чаще, чем точечные, воспринимаются как плавные сонорные /r/, /l/ (35 и 15% соответственно; см. табл. 1–2). Следует отметить, что указанные различия в восприятии могут быть обусловлены не только разницей собственно акустических характеристик альвеолярных удара и скольжения, но и разницей моделей акцентуации, в которых содержались эти реализации: между безударными гласными, с предшествующим ударным и последующим безударным, перед ударным гласным (только на словесной границе или в сложных словах типа *whatever*). На данный момент можно сравнить, например, стимулы с одинаковой моделью акцентуации — с последующим ударным гласным — *get each* и *it odd*, которые воспринимались по-разному в соответствии с разницей акустических характеристик (первый, точечный, — как /d/; второй, скользящий, — как /r/, /l/). В то же время имеются и противоречивые моменты — разница в восприятии акустически однотипных реализаций в одной акцентной модели при сохранении общей тенденции восприятия озвончения большинством аудиторов (см. три употребления слова *British* в табл. 1–2). В любом случае необходимо отдельное исследование с тщательной балансировкой по признакам «удар или скольжение» и «акцентная модель» для выявления указанной возможности.

Сравнение с восприятием контрольных стимулов — одноударный на месте /d/ из *would have* (при выпадении /h/) и канонический придыхательный /t/ из *lottery* — показало следующее. Первый стимул большинством аудиторов (87,5%) воспринимался как /d/, а остальными — как /t/, что делает его восприятие схожим с рядом стимулов, содержащих альвеолярный удар и скольжение на месте /t/ (см., например, *operating* и *united* в табл. 1–2). Второй стимул был ожидаемо воспринят таким же большинством как /t/, а остальными — как сибилант (/ʃ/ или /ʒ/). В восприятии двух других контрольных стимулов — /r/ и /l/ — изредка содержались ответы с шумными /t/ и /ʒ/ (12,5%) в первом и /d/, /t/ (19%) — во втором. Только один из стимулов, содержащих скользящий на месте /t/, имел более высокий процент интерпретации как плавного сонорного, а в остальных случаях — значительно ниже.

Спирантизованные аллофоны

В программу было включено 18 стимулов, содержащих сибиланты. По их восприятию было получено 288 ответов аудиторов. Из них (см. табл. 3) только 29%

были восприняты как взрывные, а 71 % — как фрикативные сибиланты. Только один стимул (из *a bit of*) был надежно воспринят как /t/ (81 %), а два (из *Katerina, getting*) содержали равное количество интерпретаций взрывного и сибилантов.

Таблица 3. Восприятие спирантизованных аллофонов

Тип аллофона	Контекст	Фонемная интерпретация (%)	
		Взрывной	Спирантизованный
s	<i>fighter</i>	43	56
ʃ	<i>Britain</i>	13	87
ʃ	<i>motivate</i>	6	94
s	<i>city</i>	6	94
ʃ	<i>hating</i>	19	81
ʃ	<i>Katerine</i>	50	50
s	<i>bottom</i>	44	56
s	<i>crosscutting</i>	13	87
s	<i>Part of</i>	38	62
s	<i>Root of</i>	7	93
ʒ	<i>A bit of</i>	81	19
z	<i>That if</i>	31	69
ʒ	<i>getting</i>	50	50
ʒ	<i>But I</i>	38	62
ʃ	<i>eighty</i>	19	81
s	<i>betty</i>	25	75
s	<i>straight</i>	38	62
z	<i>punctuated</i>	13	87

Далее мы отдельно рассмотрели случаи надежного восприятия спирантизованных аллофонов как сибилантов. Полученные результаты представлены в табл. 4. Согласно полученным данным, чаще всего аудиторы верно⁴ воспринимали отдельные признаки: 1) фонологической глухости / звонкости сибилантов, 2) активного действующего органа и места образования — одно- и двухфокусность (/s/ vs /ʃ/ и /z/ vs /ʒ/). По каждому из двух признаков правильно были опознаны 13 из 18 стимулов. При этом неверных опознаний сразу по обоим признакам не зафиксировано. Таким образом, примерно 72 % сибилантов были восприняты с точностью до парадигматического класса (о парадигматических классах см.: [Касевич, Ягунова 2008: 108]). Контрольные стимулы, содержащие реальные сибиланты (реализации /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/), воспринимались лучше спирантизованных на месте /t/ (94 % с точностью до парадигматического класса), однако и здесь отмечались ошибки по фонологиче-

⁴ Под «верно» и «правильно» здесь понимается совпадение особенностей восприятия с акустическими характеристиками интересующей реализации.

ской глухости / звонкости, а иногда — по одно- и двухфокусности. Как и в случае с альвеолярными ударом и скольжением, принципиальных отличий между ответами британцев и американцев выявлено не было.

Таблица 4. Интерпретация сибилантов

Стимул	Интерпретация аудиторов (%)			
	s	ʃ	z	ʒ
s	55,5	11,0	11,0	22,5
ʃ	50,0	29,0	14,0	7
ʃ	6,5	80,5	6,5	6,5
s	40,5	6,5	46,5	6,5
ʃ	0	85,0	7,5	7,5
ʃ	75,0	12,5	12,5	0
s	100	0	0	0
s	0	0	71,5	28,5
s	70,0	20,0	0	10,0
s	80,0	0	13,5	6,5
ʒ	0	0	33,5	66,5
z	45,5	9,0	36,5	9,0
ʒ	12,5	0	50,0	37,5
ʒ	0	0	100	0
ʃ	61,5	23,0	0	15,5
s	41,5	8,5	25,0	25,0
s	30,0	0	40,0	30,0
z	21,5	0	43,0	35,5

Выводы

Полученные результаты дают основание сделать следующие выводы.

Во-первых, анализ восприятия альвеолярных удара и скольжения указывает на отсутствие гендерных, возрастных и региональных различий в восприятии, поскольку полученные ответы были однородными и встречались у всех групп информантов. Разница в восприятии реализаций внутри слов и на их границе также не обнаружена, что свидетельствует об отсутствии маркированности словесных границ одноударными и сибилантами.

Во-вторых, несомненно наличие фонологического озвончения при восприятии альвеолярных удара и скольжения (которое столь часто отрицается в случае британского английского), поскольку 86% испытуемых в своих ответах указали звонкие согласные или сонорные. При этом наиболее частотной фонологической интерпретацией альвеолярных удара и скольжения была фонема /d/, что свиде-

тельствует в пользу принадлежности аллофона [ɾ] фонеме /d/ в случаях его реализации на месте орфографических *-t/-tt-*.

В-третьих, зафиксированы некоторые различия в восприятии точечных и скользящих реализаций аллофонов. Скользящие реализации чаще, чем точечные, воспринимаются как плавные сонорные (35 и 15% соответственно). Однако полученные результаты не дают оснований рассматривать точечные и скользящие как разные аллофоны — одной акустической разницы для этого недостаточно.

В-четвертых, можно с уверенностью говорить о наиболее частотной фонологической интерпретации спирантизованных как аллофонов не взрывных, а фрикативных фонем, однако часто аудиторы не могли определиться с типом сибиллянта при довольно надежном опознании отдельных признаков глухости / звонкости и однофокусности / двухфокусности.

В целом полученные результаты указывают на возможность вариантного фонемного состава целого ряда морфем и слов, содержащих орфографические *-t/-tt-*, встречающиеся в интервокальной позиции внутри слова и могущие попадать в данную позицию на словесной границе. Этого нельзя не учитывать при обучении восприятию британского английского и говорению на нем, а также при разработке систем автоматического анализа и, возможно, синтеза британской речи.

Источники

- Acoustic and Perceptual S. a. — *Acoustic and Perceptual Studies of Speech at the Amur State University*. S. a. URL: <https://pss.amursu.ru> (дата обращения: 10.04.2017).
- BBC Radio London S. a. — *BBC Radio London*. S. a. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p02nrtqm/episodes/downloads> (дата обращения: 10.04.2017).
- Confessions 2016 — “Confessions”. *BBC Radio 2*. 2016. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p02nrvdq/episodes/downloads> (дата обращения: 10.04.2017).
- Hardtalk 2014–2015 — “Hardtalk”. *BBC World Service*. 2014–2015. URL: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/ht> (дата обращения: 10.04.2017).
- Last Word 2015 — “Last Word”. *BBC Radio 4*. 2015. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b006qpmv/broadcasts/2015> (дата обращения: 10.04.2017).
- Outlook 2014 — “Outlook”. *BBC World Service*. 2014. URL: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/outlook> (дата обращения: 10.04.2017).
- The Bottom Line 2016 — “The Bottom Line”. *BBC Radio 4*. 2016. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b006sz6t/episodes/downloads> (дата обращения: 10.04.2017).
- The Business of Film 2015 — “The Business of Film”. *BBC Radio 4*. 2015. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b054cbtn/broadcasts/2015/08> (дата обращения: 10.04.2017).
- The Sound Track of my Life 2015 — “The Sound Track of my Life”. *BBC Radio 2*. 2015. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b05vc9gs/episodes/downloads> (дата обращения: 10.04.2017).

Словари и справочники

- Отчёт ЛЭФ ЛГУ 1985 — Отчёт ЛЭФ ЛГУ по теме: Исследование статистических закономерностей приёма речевой информации. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1985 (машинопись), 590 с.

Литература

- Андросова, Караваева 2015 — Андросова С. В., Караваева В. Г. “Одноударные аллофоны в американском и британском вариантах английского языка”. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 1 (2), 2015: 5–20.

- Безбородова 2015 — Безбородова М. В. “Estuary English в речи молодых образованных носителей британского варианта английского языка”. *Вестник Московского гос. лингвистич. ун-та. Серия «Гуманитарные науки»*. 1 (712), 2015: 9–17.
- Бондарко 1981 — Бондарко Л. В. *Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи*. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1981, 199 с.
- Караваева, Андросова 2015 — Караваева В. Г., Андросова С. В. “Аллофонное варьирование интервокального /t/ в британском новостном дискурсе”. *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 10 (365), 2015: 81–88.
- Касевич, Ягунова 2008 — Касевич В. Б., Ягунова Е. В. “Еще о роли фонетического слова в восприятии речи”. *Идеи и методы экспериментального изучения речи: сб. статей памяти проф. Л. А. Чистович и проф. В. А. Кожевникова*. Бондарко Л. В., Люблинская В. В. (ред.). СПб.: Ф-т филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008, сс. 99–110.
- Шевченко 2015 — Шевченко Т. И. “Социальный контекст и вариантность английского произношения”. *Вестник Московского гос. лингвистич. ун-та. Серия «Гуманитарные науки»*. 1 (712), 2015: 241–254.
- Cruttenden 2001 — Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*. 6th ed. London: Edward Arnold, 2001, 339 p.
- Denes 1964 — Denes P. B. “On the Statistics of Spoken English”. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 17, 1, 1964: 51–71.
- Docherty 2007 — Docherty G. J. “Prosodic Factors and Sociophonetic Variation: Speech Rate and Glottal Variants in Tyneside English”. *Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences ICPHS XVI, August 6–10 2007, Saarbrücken, Germany*. Saarbrücken: Saarbrücken University des Saarlandes, 2007, pp. 1517–1520.
- Eerola et al. 2012 — Eerola O., Savela J., Laaksonen J.-P., Aaltonen O. “The Effect of Duration on Vowel Categorization and Perceptual Prototypes in a Quantity Language”. *Journal of Phonetics*. 40, 2, 2012: 315–328.
- Fabricius 2000 — Fabricius A. H. *T-glottaling: Between Stigma and Prestige: A Sociolinguistic Study of Modern RP*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD. Copenhagen Business School. Copenhagen, 2000, 180 p.
- Foulkes, Docherty 2007 — Foulkes P., Docherty G. J. “Phonological Variation in England”. *Language in the British Isles*. Britain D. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 52–74.
- Hao 2012 — Hao, Y.-Ch. “Second Language Acquisition of Mandarin Chinese Tones by Tonal and Non-tonal Language Speakers”. *Journal of Phonetics*. 40, 2, 2012: 269–279.
- Hughes et al. 2012 — Hughes A., Trudgill P., Watt D. *English Accents & Dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles*. 5th ed. London: Hodder Education, 2012, 207 p.
- Kendall, Fridland 2012 — Kendall T., Fridland V. “Variation in Perception and Production of Mid Front Vowels in the US Southern Vowel Shift”. *Journal of Phonetics*. 40, 2, 2012: 289–306.
- Milroy et al. 1999 — Milroy L., Milroy J., Docherty G., Foulkes P., Walshaw D. “Phonological Variation and Change in Contemporary English: Evidence from Newcastle upon Tyne and Derby”. *Cuadernos de Filología Inglesa*. 8, 1999: 3–46.
- Ramsaran 1990 — Ramsaran S. “RP. Fact and Fiction”. *Studies in the Pronunciation of English: A Commemorative Volume in Honour of A. C. Gimson*. Ramsaran S. (ed.). London: Routledge, 1990, pp. 178–190.
- Watt 2010 — Watt D. “Sociophonetics”. *The Handbook of Phonetic Sciences*. Hardcastle W. J., Laver J., Gibbon F. E. (eds.). 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010, pp. 703–754.
- Wang, Crawford 1960 — Wang W. S.-Y., Crawford J. “Frequency Studies of English Consonants”. *Language and Speech*. 3 (3), 1960: 131–139.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2017 г.

Статья рекомендована в печать 13 сентября 2017 г.

Perceptual features of intervocalic consonant realizations used for *-t-*, *-tt-* (based on British news analytic discourse)

For citation: Karavaeva V.G. Perceptual features of intervocalic consonant realizations used for *-t-*, *-tt-* (based on British news analytic discourse). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 424–437. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.308> (In Russian)

During the last decade, two competing tendencies — globalization and national identity preservation — produced a considerable impact on the English-speaking World. One of the consequences of that process was a series of drastic changes that occurred in British English. It became the leader of instability and variability of pronunciation standard among the Englishes today. Various patterns of allophonic variation of intervocalic /t/ and its substitute with allophones of other phonemes such as tap / flap and sibilants can be named among those changes. The current perceptual study aimed at determining whether tapping / flapping and spirantization cases can lead to phonological changes and variability of the corresponding word phonemic pattern. 37 stimuli in VCV sequences that represented tapping acoustically similar to /d/, flapping similar to /r/ and /l/, sibilants similar to /ʃ/, /ʒ/, /s/, /z/ were segmented from the acoustic material. 8 realizations of the following phonemes /d/, /r/, /l/, /t/, /ʃ/, /ʒ/, /s/, /z/ were included into the experiment as a control group. Consequently, 45 stimuli were included into the perceptual study. A web-site was constructed to carry out the on-line perceptual experiment and collect and analyze the obtained data automatically. The randomized tokens for listening were uploaded and a questionnaire was published on the web-site. 16 native speakers took part in the experiment performing a discrimination task. 272 answers were received from the subjects to tap-and-flap-containing tokens. Among the responses, voiced consonant interpretations prevailed over voiceless ones (86 % vs 14 %). 63 % out of 86 % were /d/ responses and 13 % and 10 % were /r/ and /l/ responses correspondingly. 288 responses were obtained for 18 tokens that included sibilants. Among them, only 29 % on average accounted for plosives while 71 % accounted for fricative sibilants. Voiceless/voiced phonological feature and consonant loci feature taken separately were discriminated correctly for 72 % of the tokens.

Keywords: perceptual cues, intervocalic word-medial and word-final position, news analytical discourse, tap / flap, spirantization, sibilants, phonological variance, English.

Sources

- Acoustic and Perceptual S.a. — *Acoustic and Perceptual Studies of Speech at the Amur State University*. S.a. URL: <https://pss.amursu.ru> (accessed date: 10.04.2017).
- BBC Radio London S.a. — *BBC Radio London*. S.a. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p02nrtqm/episodes/downloads> (accessed date: 10.04.2017).
- Confessions 2016 — “Confessions”. *BBC Radio 2*. 2016. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p02nrvdq/episodes/downloads> (accessed date: 10.04.2017).
- Hardtalk 2014–2015 — “Hardtalk”. *BBC World Service*. 2014–2015. URL: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/ht> (accessed date: 10.04.2017).
- Last Word 2015 — “Last Word”. *BBC Radio 4*. 2015. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b006qpmv/broadcasts/2015> (accessed date: 10.04.2017).
- Outlook 2014 — “Outlook”. *BBC World Service*. 2014. URL: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/outlook> (accessed date: 10.04.2017).
- The Bottom Line 2016 — “The Bottom Line”. *BBC Radio 4*. 2016. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b006sz6t/episodes/downloads> (accessed date: 10.04.2017).

- The Business of Film 2015 — “The Business of Film”. *BBC Radio 4*. 2015. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b054cbtn/broadcasts/2015/08> (accessed date: 10.04.2017).
- The Sound Track of my Life 2015 — “The Sound Track of my Life”. *BBC Radio 2*. 2015. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b05vc9gs/episodes/downloads> (accessed date: 10.04.2017).

Dictionaries and guides

- Отчёт ЛЭФ ЛГУ 1985 — *Otchet LEF LGU po teme: Issledovanie statisticheskikh zakonomernostei priema rechevoi informatsii* [Report of the Laboratory of Experimental Phonetics on the Topic: Research of Statistical Patterns of Reception of Speech Information]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1985 (typescript), 590 p. (In Russian)

References

- Андросова, Караваева 2015 — Androsova S. V., Karavaeva V. G. “Odnoudarnye allofony v amerikanskom i britanskom variantakh angliiskogo iazyka [One-stressed Allophones in American and British English]”. *Teoreticheskaiia i prikladnaia lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 1 (2), 2015: 5–20. (In Russian)
- Безбородова 2015 — Bezborodova M. V. “Estuary English v rechi molodykh obrazovannykh nositelei britanskogo varianta angliiskogo iazyka [Estuary English Features in the Speech of Young Educated Britons]”. *Vestnik Moskovskogo gos. lingvistich. un-ta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. Seriiia «Gumanitarnye nauki» [Series “Humanities”]. 1 (712), 2015: 9–17. (In Russian)
- Бондарко 1981 — Bondarko L. V. *Foneticheskoe opisanie iazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic Description of Language and Phonological Description of Speech]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1981, 199 p. (In Russian)
- Караваева, Андросова 2015 — Karavaeva V. G., Androsova S. V. “Allofonnoe var'irovanie intervokal'nogo /t/ v britanskom novostnom diskurse [Allophonic Variation of the Phoneme /t/ in Intervocalic Position in British News Discourse]”. *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 10 (365), 2015: 81–88. (In Russian)
- Касевич, Ягунова 2008 — Kasevich V. B., Iagunova E. V. “Eshche o roli foneticheskogo slova v vospriatii rechi [More on the Role of the Phonetic Word in the Perception of Speech]”. *Idei i metody eksperimental'nogo izucheniia rechi: sb. statei pamiati prof. L. A. Chistovich i prof. V. A. Kozhevnikova* [Ideas and Methods of Experimental Study of Speech: Collection of Articles in Memory Prof. L. A. Chistovich and prof. V. A. Kozhevnikov]. Bondarko L. V., Liublinskaia V. V. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology Press, 2008, pp. 99–110. (In Russian)
- Шевченко 2015 — Shevchenko T. I. “Sotsial'nyi kontekst i variantnost' angliiskogo proiznosheniia [Social Context and English Accents Variation]”. *Vestnik Moskovskogo gos. lingvistich. un-ta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. Seriiia «Gumanitarnye nauki» [Series “Humanities”]. 1 (712), 2015: 241–254. (In Russian)
- Cruttenden 2001 — Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*. 6th ed. London: Edward Arnold Publ., 2001, 339 p.
- Denes 1964 — Denes P. B. “On the Statistics of Spoken English”. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 17, 1, 1964: 51–71.
- Docherty 2007 — Docherty G. J. “Prosodic Factors and Sociophonetic Variation: Speech Rate and Glottal Variants in Tyneside English”. *Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences ICPhS XVI, August 6–10 2007, Saarbrücken, Germany*. Saarbrücken: Saarbrücken University des Saarlandes Press, 2007, pp. 1517–1520.
- Eerola et al. 2012 — Eerola O., Savela J., Laaksonen J.-P., Aaltonen O. “The Effect of Duration on Vowel Categorization and Perceptual Prototypes in a Quantity Language”. *Journal of Phonetics*. 40, 2, 2012: 315–328.
- Fabricius 2000 — Fabricius A. H. *T-glottaling: Between Stigma and Prestige: A Sociolinguistic Study of Modern RP*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD. Copenhagen Business School. Copenhagen, 2000, 180 p.

- Foulkes, Docherty 2007 — Foulkes P., Docherty G. J. “Phonological Variation in England”. *Language in the British Isles*. Britain D. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 52–74.
- Hao 2012 — Hao, Y.-Ch. “Second Language Acquisition of Mandarin Chinese Tones by Tonal and Non-tonal Language Speakers”. *Journal of Phonetics*. 40, 2, 2012: 269–279.
- Hughes et al. 2012 — Hughes A., Trudgill P., Watt D. *English Accents & Dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles*. 5th ed. London: Hodder Education Publ., 2012, 207 p.
- Kendall, Fridland 2012 — Kendall T., Fridland V. “Variation in Perception and Production of Mid Front Vowels in the US Southern Vowel Shift”. *Journal of Phonetics*. 40, 2, 2012: 289–306.
- Milroy et al. 1999 — Milroy L., Milroy J., Docherty G., Foulkes P., Walshaw D. “Phonological Variation and Change in Contemporary English: Evidence from Newcastle upon Tyne and Derby”. *Cuadernos de Filología Inglesa*. 8, 1999: 3–46.
- Ramsaran 1990 — Ramsaran S. “RP. Fact and Fiction”. *Studies in the Pronunciation of English: A Commemorative Volume in Honour of A. C. Gimson*. Ramsaran S. (ed.). London: Routledge Publ., 1990, pp. 178–190.
- Watt 2010 — Watt D. “Sociophonetics”. *The Handbook of Phonetic Sciences*. Hardcastle W.J., Laver J., Gibbon F.E. (eds.). 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell Publ., 2010, pp. 703–754.
- Wang, Crawford 1960 — Wang W.S.-Y., Crawford J. “Frequency Studies of English Consonants”. *Language and Speech*. 3 (3), 1960: 131–139.

Received: May 25, 2017
Accepted: September 13, 2017

Колесов Владимир Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
v.kolesov@spbu.ru, prof.kolesov@gmail.com

«Первосмысл» концепта

Для цитирования: Колесов В.В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т.15. Вып.3. С.438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>

В статье излагаются результаты исследований автора в области исторической концептологии. Показаны пути возникновения *первосмысла* в образной форме *первообраза*, совместно именуемых *концептумом* (лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’), как первоначального состава *концепта* (лат. *conceptus* ‘содержащий’), последовательно образующего новые формы — *образа*, *символа* и *понятия*. Автор различает три уровня производных от лат. *conspīro* ‘собирать, содержать, возникать’: на основании первосмысла исходных «трехбуквенных корней» индоевропейского праязыка (Э. Бенвенист) выявлены *conceptum* как ‘зерно’ первосмысла, *conceptus* как концепт (смысл), *conceptio* как концепция с формированием значений словесных знаков, соответственно *prō* > *pra* (*первосмысл*), *pra-v* с расширением консонантным распространителем *-v-* (*первообраз*), с суффиксами *pra-v-ǵd-a* (*символ*), *pra-v-ǵd-yn* с окончательной формой *pra-v-ǵd-yn-ost-ь*, представляющей собой понятийный состав концепта, который тем самым завершил свое формирование. В результате фонетических преобразований в течение веков сейчас даже трудно осознать первоначальное родство, например, англ. *man* и рус. *муж*, лат. *lingua* и рус. *язык*. Уже первосмысл способен исказить перспективу понимания, как это произошло с корнем *prō* > *pra* — изменение прямой перспективы на обратную (*прадед* в прошлом). Первосмысл концептума связывает далеко разошедшиеся ветви индоевропейских языков, потому что только первосмысл концептума неизменен и вечен.

Ключевые слова: концепт, концептум, концепция, концептуальный квадрат, внутренняя форма, семантическая константа.

[Хайдеггер] исследует язык, но не разрушает его. Лишь иногда во время своей филологической акупунктуры он достает глубоко воткнутой иглой один из индоевропейских корней, и тогда на мгновение болевой шок срывает пелену с глаз.

Дмитрий Галковский. *Бесконечный тупик*

Исходные положения

Концептология — когнитивное учение о концептах в их содержательных формах и в их истории; они представляют собою **сущности** общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических формах родного языка. В обычном использовании термин «концепт» употребляется в значении ‘по-

нятие, что вызывает нежелательные сдвиги смысла. Это значение восходит к представлению средневековых схоластов и не отражает исходного значения слова. Истинный смысл терминов содержится в их основаниях.

Определяются три уровня изучения, обеспеченных терминами общей латинской основы *concip-io*, в числе которой имеются значения 'содержать, воображать, задумывать, образовывать': *концептум* (*conceptum* 'зерно, зародыш' первосмысла, *σπέρμα* Аристотеля) — по происхождению сущин («достигательное наклонение» в славянской традиции), *концепт* (*conceptus* 'содержащий', как имя — 'произрастание', 'восполнение') по происхождению перфектное причастие, и *концепция* (*conceptio* 'соединение, сумма, совокупность'). Концептум как составная часть концепта порождает *образ* концептума, *символ* образа и *понятие* символа, следовательно, *концепт*, представленный как *понятие*, является всего лишь **результатом** последовательного накопления содержательных форм концепта — образа, символа и собственно понятия. Это значит, что современное представление о концепте как **только** понятию снимает все промежуточные формы его восполнения содержательными формами (механицизм номинализма).

Выстраивается семантическая (каузальная) константа — постоянная связь «четырёх причин» Аристотеля: глагольная основа как **основание**, концептум как **условие**, концепт как действующая **причина** и концепция как конечная **цель**.

Как сказано, в современном употреблении термин *концепт* используется в значении 'понятие', а *концепция* — как 'система взглядов' или 'основополагающий замысел'. По-видимому, Д. С. Лихачев в своей *концептосфере* под *концептом* имел в виду *концепцию* (литературовед изучает текст, а не слово) [Лихачев 1993], а создатель термина, С. А. Аскольдов (Алексеев), в соответствии с духом времени, воспринимал *концепт* и *концепцию* слитно, в синкретизме; он говорил о концептуме («туманное нечто»), о концепте как представлении и о концепции как гештальте [Аскольдов 1928: 28–44]. Это вполне возможное смешение, поскольку в отношении к формальному языкознанию *концепция* соотносится с синтаксисом, а *концепт* — с морфологией (концепт представлен в концептуальном квадрате своеобразной *парадигмой* — ментальной матрицей из четырёх составов — образа, символа, понятия и концептума). Заметим, что Аскольдов говорил о концепте и слове, а Лихачев о концептосфере в ее целом.

Общность корня действительно мешает четкому разграничению этих трех уровней исследования, выстроенных в виде «матрешки»: *концептум* входит в состав *концепта* как его основание, а некоторая сумма *концептов* служит для построения *концепции*. Поэтому *концепт* смешивают либо с *понятием* (в переводных текстах), либо с *концепцией* (в теории). В западной литературе базовым признается средний член — *концепт* (который именуется понятием) — с **расширением** в *концепцию* (ментальный процесс **категоризации**). Концептология строго различает эти понятия, дополнительно вводя новый термин *концептум* с утверждением ментального процесса *концептуализации* (с **вглублением** в концептум, а через него — в сферу подсознательного). Русская ментальность, с ее ориентацией на **сущность** в отличие от явления, базовым элементом признает то, «откуда все пошло», т. е. концептум — с **углублением** в составы концепта (содержательные формы концепта *образ*, *понятие*, *символ* вместе с их основанием, «зерном первосмысла»).

Все сказанное есть совершенно необходимые уточнения предмета, поскольку, согласно замечанию Г. Гегеля, «чем богаче по содержанию предмет, тем больше ему дается дефиниций» [Гегель 1974: 413]. Необходима точность в выражении понятий.

Во всех случаях речь идет о рождении нового знания (это основное содержание **когнитивистики**) на основе совместного действия (приставка *con-* равна русской приставке *с-* в значении совместности), предварительно замысленного и получившего воплощение в «зерне» **первосмысла**.

Первосмысл концепта

Минимальные единицы сознания часто именуют «прототипами», «примитивами», «архетипами», «первотектонами» (перводвигателями) и т. п., которые, являясь **вещными**, не проникают в глубину искомого состава, оставаясь на поверхности явления. В русской философии неоднократно пытались обозначить подобную единицу ментальности как минимальный фрагмент **помысленной сущности**, здесь условно названной *концептумом* — зерном первосмысла, в отличие от *концепта* в полном составе его содержательных форм (*conceptus* ‘содержащий’).

Глубина залегания первосмысла достаточно велика, он восходит к *первоформе*, реконструированной Э. Бенвенистом как «односложная, трехбуквенная» [Бенвенист 1955: 201], и расширенной прибавлением к корню консонантного распространителя (*праартикля*) в позднем индоевропейском, с уже оформившимся состоянием самостоятельных слов, которые входили и в словарный состав праславянского языка, с чуть преобразованным значением (по причине усложнения слова включением смысла наличных распространителей) [Демидов 2011]. См.:

**prō* ‘вперед(и)’ > *pra* ‘пра-форма, пра-язык’ с артиклем *-v-* > *правь*;

**rei* ‘реять, виться’ *-k-a* ‘ток, течение’ с артиклем *-k-* > *рѣка* (*реять*).

Примеры подобных членений находим у А. А. Потевни, который, именуя распространители суффиксами, показал соотношение *ста-р-*, *сто-л-*, *бы-к-* и т. п. [Потевня 1976: 116].

Таким образом, на первом этапе развития корня явился **первосмысл**, который присутствует в *корнях* всех индоевропейских языков («внутренняя форма» Потевни), но **первообраз** этого первосмысла, как достояние общеславянского языка («ближайшее значение» Потевни), представлен уже в законченной единице — в слове, постепенно обраставшем серией производных с помощью уже **суффиксов** (в их составе обязательно наличие гласного): *пра* > *пра-в* > *пра-в-ьд-а* > *пра-в-ьд-ьн-ь* (*правден*) > *пра-в-ьд-ьн-ост-ь*. Идея «**вперед и вверх**» в конце концов обернулась сакральной **праведностью**. Четыре указанных слова исчерпывают состав ментальной парадигмы (концептуального квадрата), представляя их как *основание* — *концептум*, *условие* — *образ*, *причину* — *понятие* и *цель* — *символ*. Концепт сложился, как только ментальная матрица в виде концептуальной парадигмы заместилась полным своим составом и смогла быть представленной (явленной) также вербально выраженными словами. Концепт потому **базовый** термин, что он двузначен, обращен как к ментальному концептуму, так и к реальной концепции, — в концепте одновременно присутствуют ментальные составляющие (образ, понятие, символ) и реальные их заместители в виде самостоятельных концептов. Например, *Вера*,

Надежда, Любовь при основании София у концепта Благо или Семья, Хозяйство, Здание при основании Кров у концепта Дом.

Концептум следует понимать как **единство** логического *первосмысла* в его языковом образе — *первообразе*. Строго говоря, сам первосмысл неизвестен, как ускользает из сознания четвертое измерение, он **явлен** в первой образной форме — в корневой морфеме, обогащенной распространителем. Именно отсюда идет давно замеченная связь мысли и слова, ставшая основанием для развития когнитивистики как направлении лингвистического метода.

Примеры развития первосмысла

Несколько примеров покажут процесс оформления первосмысла корня в его первообразе — создание *концептума* в его цельности:

**ran* ‘угол, дуга’ -*k-a* ‘сбор, собрание’ с артиклем -*k-* > *ржа* > *рука*;

**rei* ‘громыхать, виться’ -*k-a* ‘ток, течение’ с артиклем -*k-* > *ръка* > *река*.

Один и тот же первосмысл мог обретать различные «образы»:

**dō* > **da* ‘давать, нести’:

- с распространителем -*r-ъ* ‘милость’ > *даръ* (добровольный);
- с распространителем -*n-ъ* ‘даяние’ > *дань* (по принуждению);
- с распространителем -*l-ъ* > *далъ* действительное причастие.

Все древнейшие **распространители** имели определенные значения, кроме -*k-* («неопределенный артикль»), а именно:

- v** — нерасчлененное имя, дальнейшее действие;
- d** — пространственное ограничение;
- l** — действие, действительный залог;
- n** — признак непереходности, внешний, неясный;
- p** — предикативность «углубления»;
- c** — определительно-отождествительный признак с усилением;
- t** — имена действия или качества, предметность.

Особенно древние корни, к числу которых относятся корни с дифтонгами, способны развить целый «куст» производных (некоторые параллели сомнительны), ср.:

**mai* > *mě* ‘рубить’:

- *mьдь* с пространственно-ограничительным -*д-* (гот. *maitan* ‘рубить’);
- *mьль* с -*л-* инструментального значения (д.-в.-н. *meil, meilo* ‘пятно’);
- *mьна* с -*н-* неопределенно внешнего значения (лит. *mainas* ‘мена’);
- *mьра* с -*р-* предикативного углубления (тохар. *mai* ‘мерить’);
- *mьс(ить)* с -*с-* определительно-отождествительного значения (лит. *maišyti* ‘мести’);
- *mьта* с -*т-* качества действия (гот. *maitan* ‘рубить, высекать’).

Во всех образованиях сохраняется значение отделения, выделения, «высекания» с определенными оттенками смысла, при этом исходная форма сохраняет исходное же значение, а фонетически изменившаяся обычно дает значения переносные:

**rei-* $\begin{cases} \rightarrow \text{rei-ati} — \text{первосмысл сохранился в исходной форме} > \text{резать} \\ \rightarrow \text{rě-k-a} — \text{первообраз переносно с измененной формой} > \text{река} \end{cases}$

**vei-* $\begin{cases} \rightarrow \text{vei-ati} — \text{первосмысл сохранился в исходной форме} > \text{везть} \\ \rightarrow \text{věk} — \text{первообраз переносно с измененной формой} > \text{век} \end{cases}$

Неизменная форма сохраняет внутренний образ исходного корня. Так, англ. *arm*, восходящее к преобразованному корню **ran-* с метатезой гласного, обозначает руку только от кисти до предплечья, что соответствует исходному образу ‘угол, дуга’. В славянском корне уже фонетически измененная форма преобразовывала первосмысл, ср. *prō* > *pra* с изменением перспективы с прямой на обратную: то, что впереди, находится сзади.

Ближайшее сопоставление, которое напрашивается, — символ Вавилонской башни, при построении которой «языки разошлись», ибо в долговременном и грандиозном строительстве работники были разобщены и не могли создавать одинаковым образом новые, необходимые для дела, слова.

Наполнение слова

Развитие концепта в «теле» слова можно показать на следующем примере. Концепт *Язык* исторически складывался из ряда морфем, всего их шесть:

* *j — en — ĝh — ū — k — ŭ, —*

что в старославянских текстах передавалось словом *ѡзыкъ*. Корень — носитель концептума — выделен полужирным, в соединении с формальным выражением основы *ŭ* он обозначал ‘то, что звучит’; в современном языке точно соответствует форме *зык* (а в преобразованном виде также *звук*) — уже с добавлением распространителя *k*, основным значением которого в это время была относительная **неопределенность** (сохранилась в местоимении *къ-то*). Как носитель первосмысла, корень принадлежит всем родственным языкам. Например, лат. *lingua* по составу морфем соответствует слав. *ѡзыкъ* (с сохранением корня в языке-кентум и при различии в протезах); то же относится к европейским языкам, заимствовавшим это слово (ср. англ. *language*).

Приставка *en* (*in*) добавляла значение ‘в’ (внутренний звук — еще одно производное того же корня). Исторически в результате нескольких метонимических соединений смысл слова расширялся, в современном русском языке сохраняются все промежуточные стадии «приращения смысла»: символические ‘словесное выражение мыслей’, ‘стиль’, ‘система знаков разного рода’ и понятийные ‘орган тела’ и ‘орган речи’, понятийное значение ближе всего выражает концептуальное зерно первосмысла; так и должно быть — ведь понятийное (логическое) мышление и заключается в том, чтобы максимально приблизиться к смыслу исходного концепту-

ма, «выразить невыразимое», **понять в понятии**. В Средние же века контекстных значений слова *язык* множество, и все они внутренним стержнем своим сохраняют связь с синкретически представленным смыслом 'звуко-мысль', 'осмысленный звук', ср. в исторических словарях отмеченные по текстам значения 'народ', 'вера', 'свой', 'завещание' и т. д.

При всех возможных преобразованиях формы слова концептум (первосмысл) сохраняется; это основной закон ментального действия.

«Идол истока»

Французские историки высказались против «идола истока», при толковании которого смешиваются **истоки** (происхождение феномена) и логические **причины** его появления. В нашем случае это особенно заметно. Истоком концептума является ментальный первосмысл (сущность), а причиной его — первообраз (явление), начинающий последовательный ряд преобразований в самостоятельных языках. Обнаруживается двойственность в проявлении концептума:

мысль — первосмысл, он же синкретизм идеи, или универсалия — **исток**;

слово — первообраз, он же внутренняя форма, или ближайшее значение — **причина** развития словесных масс.

Первые Лейбниц называл *идеями*, вторые — *понятиями* [Лейбниц 1982, т. 1: 152]. Слово отражает концептуальную категорию, которая, отсылая к концептуализации мира, зависит от самого пользователя языка.

Таким образом, на первом этапе организации индоевропейского корня проявился *первосмысл* в символическом знаке — *корне как основании*, но *первообраз* этого первосмысла, как достояние общеславянского языка, представлен в законченной лексической единице — в слове, — уже обросшем серией производных, которые совместно подкрепляют его смысловую суть. Именно о первообразе А. А. Потебня говорил как о «внутренней форме» слова, полностью отражающей типологическое соответствие концептума с его первым явлением в образе: «переложение... мысли вовне начинается, стало быть, обозначением ее тем, что *само невыразимо*, хотя и ближе всего к человеку» [Потебня 1976: 116]. А что может быть ближе собственных мыслей?

Концептум

Таким образом, уточняя понятие *концептума*, следует отметить, что в нашем сознании материально, в первом приближении, он есть то же, что и «внутренняя форма слова», открытая В. фон Гумбольдтом и разработанная А. А. Потебней как «ближайшее значение слова». Это — выраженное в устойчиво образном словесном корне представление о существенном признаке номинации. В. А. Звегинцев не без оснований понимал внутреннюю форму как **точку зрения** и особый **стиль языка** [Звегинцев 1962: 8]. Ю. С. Степанов считал, что, приблизительно, «внутренняя форма — ясная для говорящего этимология», «этимологический признак концепта» [Степанов 1997: 43]. На самом деле это не так: этимология есть **реконструкция** внутренней формы, а точка зрения есть **концепция**. Сложность определения

объясняется внутренней противоречивостью самой внутренней формы [Чикина 2005]: с одной стороны, она «необъективна» в отношении к **сущности** вещи, ибо содержится в слове, с другой же стороны, «само ее существование есть проявление потребности к познанию сущности вещей».

Теория ментальности предполагает постоянное возобновление концептума в новых его формах; исторически и системно **концептум есть инвариант всех возможных значений, данный как отношение смысла знака к обозначенной им вещи**. По суждению А. Ф. Лосева — «концепт есть единство смысла и вещи».

Каждый из них есть наводящий признак различения на фоне других образов мира. Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова, превращает его в **бытовой** знак. Это различие заметно на пословицах: создаваясь в эпоху действия символического мышления, пословицы сохранили свое символическое значение, предстая пред нами как образный жанр литературы. Их невозможно свести к понятию, они понимаются символически.

Таким образом, концептум есть соединение условного первосмысла в корне с первообразом — в сакральном удвоении словесных корней, что столь важным было в древние времена дуальной организации общества. Только такое **единство двух** порождало национальные формы ментальности. По-видимому, это типологическая особенность всех вообще языков.

Скрытый первосмысл

В прямом смысле слова каждый первосмысл является скрытым и проявляется только в первом образе корня. Но имеются случаи, когда и первообраз также отсутствует, а это значит, что у наличного слова **нет концептума**.

Представление об идеальной сущности *концептума* дают примеры употребления слов, которые не имеют своих производящих основ. Так, причастия типа *бандитствующие*, *фашиствующие* в современных публицистических текстах должны бы образовываться от глагольных основ, но соответствующих глаголов в русском языке нет; создающий определение признак «снят» непосредственно с имени (оно прямым образом выражает концепт), которое было **заимствовано** и потому **не имеет концептуального зерна в русском сознании** (*бандит, фашист*).

Неизбывный, неуголимый, несчастный и т. д. мы должны бы воспринимать в противоположность тому, что можно «избыть», «утолить» или «сделать счастливым» — но подобных этому положительных признаков также нет в русских словесных знаках; при всем том мы прекрасно понимаем, о каких оттенках печали идет речь.

Концептум в явном виде отсутствует и в следующих примерах.

Последовательность появления признаков *обаятельный* (1704) — *очаровательный* (1822) — *обворожительный* (1847) в общем для них значении ‘чарующий, пленительный’ показывает смену конкретного признака «чарования» при общности концептуального ядра, который в явном виде отсутствует, — «колдовские чары». Сначала колдовство словом, затем собственно колдовством, наконец — ворожкой. Хронологические границы появления слов условны: первое явилось до XVIII в., второе — факт XVIII в., третье распространилось в XIX в. Продолженная

смена признаков вплоть до *прелестный, чарующий, роковой* и т. п. прервала тонкую нить исчезающе неустойчивых ментальных соответствий, связанных с не выраженным концептумом; слова отошли на периферию бытовой речи.

Последовательная смена заимствованных терминов *максимальный — оптимальный — экстремальный* уже в наше время демонстрирует тот же путь «приближения к концептуму», в данном случае — стремление передать высшую степень качества. Но «внутренняя форма» каждого из прилагательных — своя самостоятельная, особая, отличная от остальных, что определяется источником заимствования, в котором и следует искать концептум.

Только по полной системе взаимных соответствий ключевых признаков культуры, скрытой в глубинах словесного знака, можно воссоздать *концептум* — **по следу, оставленному им** в текстах, по движению его смысла в преобразованиях содержательных форм через образ, понятие и символ. В основе описанного действия лежит древнейшая предметафорическая форма — *металепсис* как выражение попарного поиска семантически предполагаемого, скрытого третьего члена сравнения путем сопоставления наличных средств.

Скрытый первосмысл дает общее представление о сущности первосмысла вообще, он **есть** онтологически и **его нет** гносеологически (*мэон*).

Внутренняя форма

Представление А. А. Потебни о внутренней форме известно.

Внутренняя форма слова рождается вместе с **пониманием**, т. е. опирается на понятие: «*Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль*» [Потебня 1976: 115].

В слове **два** содержания — объективное (ближайшее этимологическое значение слова с единственным признаком различения) и субъективное со множеством значений. Первое содержание есть знак, символ, заменяющий второе [Потебня 1976: 114]. Согласно Потебне, «всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [Потебня 1976: 115] — возникает градация переходов с последовательной зависимостью от предыдущего. В развитии *мысль — сознание — слово* мысль, представленная как «стремление к сознанию», есть *концептум*, а сознание как «совокупность опытов мысли» — *концепт* в полном составе своих содержательных форм.

Уточняющие замечания А. М. Камчатнова основаны на логике А. Ф. Лосева («диалектическое единство идеи и материи»): «мир несет свой собственный смысл (идею)», которая находится в самой вещи (это концептуализм) и одновременно вне ее, направляя ее движение (это уже реализм). Смысл поправки в том, что внутренняя форма есть не отношение к содержанию собственной мысли **человека**, а отношение собственной идеи **вещи к мысли**. В таком случае «внутренняя форма слова, или *ноэма*, — это субъективное понимание объективного смысла вещи» [Камчатнов 1998: 98]. Потебня обвиняется в психологизме (но таково общее направление науки его времени), в солипсизме и сенсуализме — это уж очень тонкое понимание классика. Да и «психологизм» у Потебни странный, он ограничен **терминологически**, выражая объективные сущности. Так, противопоставляя мысль и чувство,

Потебня говорил о содержании мысли в прошлом (*мысль*) и в настоящем (*чувство*) [Потебня 1976: 107].

Основные признаки «внутренней формы» в традиционном ее понимании совпадают с функциональными свойствами концептума:

- **постоянство существования**, причем развитие происходит путем развертывания внутренней формы до логического (на данный исторический момент) предела, возможного в границах данной культуры; ср. известное развитие смысла в словах типа *жалованье* или *верста*;
- **художественная образность**, т.е. сохранение устойчивой связи с производными по корню словами (*верста* — *сверстник*, *верстать*, *верстовой*), в результате чего
- **сохраняется семантический синкретизм** корня, представленный как семантический инвариант всей словообразовательной парадигмы, и продолжается
- **встроенность в систему идеальных компонентов** данной культуры (показано Потебней именно на истории слова *верста*);
- **общеобязательность употребления** для всех сознающих свою принадлежность к данной культуре, поскольку
- проявление *концептумов* народной ментальности в общем и **составляет обыденное сознание** представителей данной культуры, которое редко проявляется вовне, у посторонних данной культуре субъектов.

Концептум — понятие больше ментальное, понятие *внутренняя форма* — чисто лингвистическое. Здесь единство логического и лингвистического по необходимости раздваивается, поскольку концептум — единица ментальная, обретшая форму в языковом первообразе.

Традиция

По-видимому, представление об исходной единице сознания в бессознательном было свойственно науке давно. Концептум в текстах XX в. определялся в метафорических выражениях неопределенного содержания, как это обычно и бывает в самом начале исследовательского пути, когда научная мысль еще находится в поисках самого предмета описания. Суммарно выделенные из контекстов предикаты (их 36) относительно этого члена ментальной матрицы можно представить в виде следующих денотатов (для удобства даны в следовании «четырёх причин» Аристотеля — формальная, материальная, действующая и целевая [Аристотель 1981: 87–88]).

1. **Основания — ЧТО?:** сущность смысла, вещь-в-себе, первоначало бытия, туманное нечто, неопределенное нечто, **нечто**, воплощающее **ничто**, огненное слово, просто зародыш — основания, зародыш самой актуальности, первоявление, бесформенная потенциальность, начало чистой бесосновности.
2. **Условия — КАК?:** первосмысл / первообраз, скрытая категория на глубинном уровне сознания, точка схождения полюсов, концепт в синкретизме, намек — условия, источник всего и связи со всем, благородный корень.

3. **Причины — ПОЧЕМУ?:** форма форм, лишен структуры, нематериальный нуль, последняя структура, искомый Абсолют, раскрывается понятийно — причина, творческий элемент, источник творческой активности и самотворения, познание живой глубины.
4. **Цели — ЗАЧЕМ?:** принципиальное значение, инвариант всех возможных значений, вневременное содержание, основа обыденного сознания, реальная сущность сознания в подсознательном — цели, национальная субъективность.

Все эти признаки выражают подсознательное приближение к познанию того, что является основанием и причиной.

Семантическая константа (постоянная связь каузальных отношений) строится путем определенного подбора текстов, жестко связанных соотношением вопросов: **что это?** — основание, **как** проявляется? — условие, **почему** действует? — причина, **зачем** создается? — цель. Выбор тех или иных предикатов определяется основанием. Основание устанавливает всю последовательность действий, ибо «эта аксиома, что *ничего не бывает без основания*, должна считаться одной из самых важных и плодотворных аксиом человеческого познания» [Лейбниц 1984, т. 3: 141]. Подобно тому, как смысл именительного падежа (падежа субъекта) содержится в любой форме склонения, точно так же основание сохраняется во всех «причинах», ибо «никогда ничто не случается без достаточного основания» [Лейбниц 1989, т. 4: 157]. С точки зрения когнитивной психологии весь массив текстов, привлеченных к описанию концепта, подпадает под определение *репрезентации* (лат. *repraesentatio* ‘наглядное представление’) — нестабильной «конструкции индивидуального исполнения для специфических целей, которая учитывает всю совокупность элементов ситуации или задачи» исполнения [Ришар 1998: 5]. Эти конструкции детализированы и непрочны, поскольку авторски переменчивы, и этим отличаются от постоянства и устойчивости **знания**, не связанного с реальной индивидуальной ситуацией. Тем самым совокупность репрезентаций дает «наглядное представление» о сущности коллективного бессознательного в ее общем виде.

Однако возможно и представление всех четырех «причин» у одного отдельного автора — когда он сознательно ставит перед собой такую задачу. Например, русский философ С. Л. Франк в своем толковании «концептума» в книге, посвященной «метафизике человеческого бытия» [Франк 1956], в разных местах дал несколько определений, четко выстраивающих каузальную цепочку:

- 1) **что** это? — зародыш самой актуальности (!);
- 2) **как** проявляется? — бесформенная потенциальность (!), начало чистой безосновности;
- 3) **почему** действует? — творческий элемент активности (!);
- 4) **зачем** создается? — познание живой глубины (!).

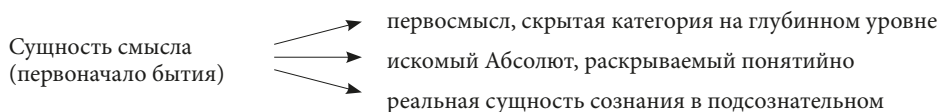
В построении семантической константы мы получаем, по существу, законченное **философское понятие** концептума:

Концептум есть **зародыш самой актуальности в (своей) бесформенной потенциальности и чистой безосновности как творческий элемент активности ради познания живой глубины.**

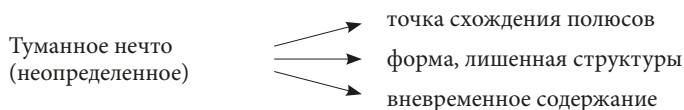
Философ в своем подсознании понял сущность того, что в его время и понятия не имело; он основывался на аристотелевских «причинах». В подобном **высветлении** подсознательных импульсов мышления и состоит задача концептологии как раздела когнитивистики.

Примеры семантических констант

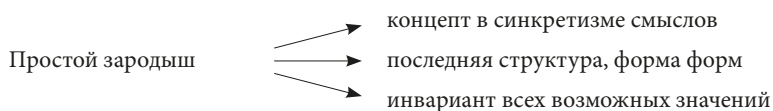
В зависимости от выбора основания возможны следующие семантические константы предложенных определений, выражающие систему каузального ряда:



Читается: «Концептум — это сущность первосмысла — скрытой категории на глубинном уровне сознания, т. е. искомый Абсолют, раскрываемый понятийно в целях понимания реальной сущности сознания в подсознательном — основы обыденного сознания».



Читается: «Концептум — это туманное нечто в точке схождения полюсов (смысла), форма, лишенная структуры с вневременным содержанием».



Читается: «Концептум — это простой “зародыш” концепта в синкретизме смыслов как конечная структура формы форм — принципиальное значение, инвариант всех возможных значений».

Последовательность оснований в инвариантах представлена как смысловое сгущение: *туманное нечто — простой зародыш — сущность смысла*. Последовательность условий дается в том же порядке: *точка схождения — концепт в синкретизме смыслов — категория на глубинном уровне сознания*. Последовательность причин такова же: *форма вне структуры — форма форм как последняя структура — искомый Абсолют*. Последовательность целей также устанавливается вполне адекватно: *вневременное содержание — как инвариант всех возможных значений — данное как реальная сущность сознания в подсознательном*.

Взаимное соответствие составов концепта подчеркивает точность выделенных денотатов и четкость их определений. И в авторских квалификациях концептума исследователи обычно отмечают только одну какую-то конкретную сторону этого феномена, так или иначе останавливаясь на причине как основном (все — составы каузального ряда суть проявления причины) — целое познается по части (синекдоха). Наша сводная схема в совместном действии всех «причин» способствует приближению к осознанию понятия «концептум», не достигая, впрочем, его окон-

чательных пределов — из-за описательного характера текстов, часто прибегающих к метафорам.

Алгоритм построения семантической константы в точности соответствует русскому типу мышления. Русский не просто индивидуально **мыслит**, он еще коллективно **думает**, последовательностью добавлений все новых фрагментов каузальности обогащая в **диалогах** полный состав причинности. При этом идеальное основание уже содержит свою реальную цель, которая материализует основание, уточняет его причинные содержания, замыкая его в полный состав семантической константы. В результате на фоне различных причин выстраивается законченная картина реального действия.

Внутреннюю сущность подобного собирания высказываний описал и М. М. Бахтин: это важно для **понимания**. «Всякое понимание диалогично» [Бахтин 1975: 112], «диалог — диалектический тип познания в высказывании» [Бахтин 1975: 57], его значение в том, что диалог в принципе поливалентен и **всеголосен**, распространяется в разные стороны и создает бифокальное зрение на объект, расширяя горизонт действием обоих полушарий мозга. При этом существенно, что «в диалоге важна не истина, а смысл» [Бахтин 1975: 57] (смысл коллективного бессознательного), который мы и получаем построением семантических констант (ментальных формул).

Построения семантических констант внешним образом напоминают популярные в прошлом веке феноменологические модели [Колесов 2007: 350 и сл.], которых могло быть очень много. Говорили даже о **неединственности** решения систем. Отличие семантических констант состоит в том, что это не субъективные конструкции, а представленное на основе объективных предикатов коллективное бессознательное, которое актуализировано в авторитетных текстах. Семантическая константа опирается на основание *корня*, который развивается («растет») в линейной последовательности, не имеющей ничего общего с ветвистой схемой ризомы (*корневища*) французских постструктуралистов.

Результаты

Соединяя все представленные понятия, отметим различие между их содержанием. *Этимон* есть конструкт сущности, тогда как *внутренняя форма* — явление этимона; *концепт* — формальный конструкт концептума, тогда как сам *концептум* — реальная сущность сознания в подсознательном. П. А. Флоренский специально отметил, что этимон всегда включает только **один** признак, следовательно, эквивалентен понятию в термине, в то время как внутренняя форма — образ, а сам концептум символичен [Флоренский 1990: 239].

В результате концептуальное поле сознания современного человека определяется постоянным и неустанным «освежением образа» слова при одновременном обогащении смыслом включенного контекста, но при обязательном сохранении национального своеобразия в коренном отношении — единство **концептума** держит и сохраняет единство национальной речемысли. Необходимый синтез коллективного **знания** и личного **сознания** происходит на основе **концептумов** данной культуры как способ и возможность дальнейшего **познания**.

Все сказанное приводит к выводу о том, что первосмысл обретается не в точке прошлого, где он возник и материализовался в своей форме, а в общем пространстве времен. Он соединяет народ в пространстве и времени, а общая совокупность национальных концептов служит для построения национальной культуры и цивилизации.

Литература

- Аристотель 1981 — Аристотель. *Сочинения*: в 4 т. Т. 3. Рожанский И. Д. (ред.); Брагинская Н. В., Миллер Т. А., Лебедев А. В., Карпов В. П. (пер.). М.: Мысль, 1981, 613 с. (Философское наследие).
- Аскольдов 1928 — Аскольдов С. А. “Концепт и слово”. *Русская речь. Новая серия*. Щерба Л. В. (ред.). Вып. 2. Л.: Academia, 1928, сс. 28–44.
- Бахтин 1975 — Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 1975, 502 с.
- Бенвенист 1955 — Бенвенист Э. *Индоевропейское именное словообразование*. Андреев Н. Д. (пер.). Горнунг Б. В. (ред.). М.: Изд-во иностр. литературы, 1955, 260 с.
- Гегель 1974 — Гегель Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук*: в 3 т. Т. 1: Наука логики. Столпнер Б. Г. (пер.); Ситковский Е. П. (отв. ред.). М.: Мысль, 1974, 451 с.
- Демидов 2011 — Демидов Д. Г. *Связанные и свободные функции местоименных основ в истории русского языка*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011, 339 с.
- Звегинцев 1962 — Звегинцев В. А. *Очерки по общему языкознанию*. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1962, 384 с.
- Камчатнов 1998 — Камчатнов А. М. “А. А. Потебня и А. Ф. Лосев о внутренней форме слова”. *Русский филологический вестник*. 83, 1/2, 1998: 56–63.
- Колесов 2007 — Колесов В. В. *Реализм и номинализм в русской философии языка*. СПб.: Logos, 2007. 382 с.
- Лейбниц 1982–1989 — Лейбниц Г. В. *Сочинения*: в 4 т. М.: Мысль, 1982–1989. (Философское наследие).
- Лихачев 1993 — Лихачев Д. С. “Концептосфера русского языка”. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 52, 1, 1993: 3–9.
- Потебня 1976 — Потебня А. А. *Эстетика и поэтика*. Иванько И. В., Колодная А. И. (вступ. ст.). М.: Искусство, 1976, 614 с.
- Ришар 1998 — Ришар Ж. Ф. *Ментальная активность: Понимание, рассуждение, нахождение решений*. Ребеко Т. А. (пер.). М.: Ин-т психологии РАН, 1998, 232 с.
- Степанов 1997 — Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. М.: Языки русской культуры, 1997, 824 с.
- Флоренский 1990 — Флоренский П. А. *Сочинения*: в 3 т. Т. 2: У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990, 447 с.
- Франк 1956 — Франк С. Л. *Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия*. Париж: YMCA-press, 1956, 415 с.
- Чикина 2005 — Чикина Е. Е. “Внутренняя форма в аспекте когнитивной лингвистики”. *INTER-CULTUR@L-NET4*, 2005. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/108/> (дата обращения: 19.05.2017).

Статья поступила в редакцию 19 мая 2017 г.
Статья рекомендована в печать 19 августа 2017 г.

“Pervosmysl” of the concept

For citation: Kolesov V. V. “Pervosmysl” of the concept. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309> (In Russian)

The article presents the results of the research in the field of historical conceptology. The ways of occurrence of *pervosmysl* (primary sense, primus movens) are shaped in the form of a *prototype* and collectively referred to as the *conceptum* (lat. *conceptum* ‘grain, embryo’), as the initial *concept* (lat. *conceptus* ‘contains’), consistently forming a new form of image, symbol and idea. The author distinguishes between three levels derived from the Latin: *concipio* ‘to collect, contain, occur’ on the basis of *pervosmysl* the original proto-Indo-European “three-letter roots” (E. Benveniste); *conceptum* identified as ‘grain’ of *pervosmesl*, *conceptus* as a concept (sense), *conceptio* as conception with the formation of the *meanings* of verbal signs, respectively *prō* > *pra* (*pervosmysl*), *pra-v* with the extension consonant distributor *-v-* (*prototype*), with the suffixes *pra-v-ьd-a* (*symbol*), *pra-v-ьd-ьn* with the final form *pra-v-ьd-ьn-ost-ь*, representing the conceptual structure of the concept, which thus completed its formation. In the result of phonetic transformations over the centuries, it is difficult to reveal the initial relationship, for example, English *man* and Russian *муж*, *language* and *язык*. *Pervosmysl* can already distort the perspective of understanding how this happened with the root *prō* > *pra* — change direct perspective on the back (*npaдeд* in the past). *Pervosmysl* of *conceptum* connects far divergent branches of the Indo-European languages, because only *pervosmysl* of *conceptum* is unchanging and eternal.

Keywords: concept, conceptum, conceptio, conceptual square, inner form, semantic constant.

References

- Аристотель 1981 — Aristotel'. *Sochineniia* [Works]: in 4 vols. Vol. 3. Rozhanskii I. D. (ed.). Braginskaia N. V., Miller T. A., Lebedev A. V., Karpov V. P. (transl.). Moscow: Mysl' Publ., 1981, 613 p. (Filosofskoe nasledie [Philosophical Heritage]). (In Russian, transl. from Ancient Greek)
- Аскольдов 1928 — Askoldov S. A. “Kontsept i slovo [Concept and Word]”. *Russkaia rech'. Novaia seriia* [Russian Speech. New Series]. Shcherba L. V. (ed.). Vol. 2. Leningrad: Academia Publ., 1928, pp. 28–44. (In Russian)
- Бахтин 1975 — Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, 502 p. (In Russian)
- Бенвенист 1955 — Benveniste E. *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris: S. p., 1935, 224 p. (Russ. ed.: Benvenist E. *Indoevropеiskoe imennoe slovoobrazovanie* [Indo-European Nominal Word Formation]. Andreev N. D. (transl.), Gornung B. V. (ed.). Moscow: Izd-vo inostr. literatury Publ., 1955, 260 p.) (In Russian, transl. from French)
- Гегель 1974 — Hegel G. W. F. *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften*. 2. Aufl. Heidelberg: A. Oswald, 1827. (Russ. ed.: Gegeľ G. V. F. *Entsiklopediia filosofskikh nauk* [The Encyclopedia of the Philosophical Sciences]: in 3 vols. Vol. 1: *Nauka logiki* [Science of Logic]. Stolpner B. G. (transl.). Sitkovskii E. P. (ed.). Moscow: Mysl' Publ., 1974, 451 p. (In Russian, transl. from German)
- Демидов 2011 — Demidov D. G. *Sviazannye i svobodnye funktsii mestoimennykh osnov v istorii russkogo iazyka* [Bound and Free Functions of Pronominal Bases in the History of the Russian Language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology Press, 2011, 339 p. (In Russian)
- Звегинцев 1962 — Zvegintsev V. A. *Ocherki po obshchemu iazykoznaniiu* [Essays on General Linguistics]. Moscow: Moscow State University Press, 1962, 384 p. (In Russian)

- Камчатнов 1998 — Kamchatnov A. M. "A. A. Potebnia i A. F. Losev o vnutrennei forme slova [Potebnia and Losev on the Internal Form of the Word]." *Russkii filologicheskii vestnik* [Russian Philological Bulletin]. 83, 1/2, 1998: 56–63. (In Russian)
- Колесов 2007 — Kolesov V. V. *Realizm i nominalizm v russkoi filosofii iazyka* [Realism and Nominalism in the Russian Philosophy of Language]. St. Petersburg: Logos Publ., 2007, 382 p. (In Russian)
- Лейбниц 1982–1989 — Leibnits G. V. *Sochineniia* [Works]: in 4 vols. Moscow: Mysl' Publ., 1982–1989. (Filosofskoe nasledie [Philosophical Heritage]). (In Russian, transl. from German, Latin, French)
- Лихачев 1993 — Likhachev D. S. "Kontseptosfera russkogo iazyka [Concepts of the Russian Language]". *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka* [Izvestiya of the RAS. Series of Literature and Language]. 52, 1, 1993: 3–9. (In Russian)
- Потебня 1976 — Potebnia A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Ivan'io I. V., Kolodnaia A. I. (introd.). Moscow: Iskustvo Publ., 1976, 614 p. (In Russian)
- Ришар 1998 — Richard J.-F. Les activités mentales : comprendre, raisonner, trouver des solutions. Paris: Armand Colin, 1990. 446 p. (Russ. ed.: Rishar Zh. F. *Mental'naia aktivnost': Ponimanie, rassuzhdenie, nakhozhdenie reshenii* [Mental Activity: Understanding, Reasoning, Finding Solutions]. Rebeke T. A. (transl.). Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 1998, 232 p. (In Russian, transl. from French)
- Степанов 1997 — Stepanov Iu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, 824 p. (In Russian)
- Флоренский 1990 — Florensky P. A. *Sochineniia* [Works]: in 3 vols. Vol. 2: U vodorazdelov mysli [At the Watersheds of Thought]. Moscow: Pravda Publ., 1990, 447 p. (In Russian)
- Франк 1956 — Frank S. L. *Real'nost' i chelovek: Metafizika chelovecheskogo bytiia* [Reality and Man: Metaphysics of Human Existence]. Paris: YMCA-press, 1956, 415 p. (In Russian)
- Чикина 2005 — Chikina E. E. "Vnutrenniaia forma v aspekte kognitivnoi lingvistiki [Internal Form in the Aspect of Cognitive Linguistics]". INTER-CULTUR@L-NET.4, 2005. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/108/> (accessed date: 19.05.2017). (In Russian)

Received: May 19, 2017

Accepted: August 19, 2017

Nosov Andrei Valerievich

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomol'sky av., Perm, 614990, Russia;
andrey.nosoff@gmail.com

Statistical analysis of near-synonymous words *list* and *catalog* in R

For citation: Nosov A. V. Statistical analysis of near-synonymous words *list* and *catalog* in R. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 453–464. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.310>

In this article, we present the results of the regression analysis of near-synonymous words *list* and *catalog*. The purpose of the case study is allocation of the most objective variant by modeling the grammatical interactions that make impact on updating of the considered words. Determination of *list* and *catalog* as objective and independent lexical units is performed within the system of distinctions and oppositions. By the probabilistic distribution, we allocate two most frequent interactions. The comparison of average values does not reveal regularly all aspects of the studied phenomenon (i.e. average values of models can be statistically identical). Therefore, we compare the models with predictors PRE.MOD and GENITIVE MEAN with the model without interactions to show distinction between them at the level of dispersion. Hence, three statistical hypotheses are compared in pairs. The main says that dispersions of three considered models are statistically equal and the alternative affirms that they are different. Model assessment without interactions is a predictive *logit* of *list*. Coefficients of logistic regression reflect the probability of changes within interactions. At the stage of normalization, we apply the model of the binary choice Hosmer—Lemeshow. Based on the obtained results we decide whether it is necessary further normalization or not. We define also the presence/absence of correlated samples among the considered predictors by *lrm* function, which determines reliability of the model and allows receiving confidential intervals of coefficients. This approach reflects novelty of work and allows revealing the factors defining the choice of one or another concept proceeding from objective semantic criteria. Interactions are considered at four levels: academic, spoken, fiction and news. Results of research allow to complete the content of the words *list* and *catalog* and to present their dynamics.

Keywords: computational linguistic, logistic regression, comparative analysis, semantics, synonym, *list*, *catalog*.

1. Introduction

In order to define the place of our approach in the modern statistical research we note the complexity in application of near-synonymous words that motivates researchers in the field of lexical semantics to focus their attention on this phenomenon. We pay attention on varying degrees of loose synonymy with the aim to differentiate the words *list* and *catalog*. Hence, we refer to G. A. Miller & G. Ch. Walter [Miller, Walter 1991] who identify not only a significant conjunction in meaning between two words, but also some contextual representation. This idea is supported by G. Leitner [Leitner 1993] in his work

on the meaning of the words in the 'real English' and developed by S. Hunston adopting corpus-based analyses of words within this problem [Hunston 2002]. Also, S. Th. Gries and others exemplified corpora based on naturally-occurring language samples [Gries 2001: 4; Gibbs 2006; Geeraerts 2010].

Nowadays the widespread application of R tools and the development of corpus semantics create a strong foundation in the study of near-synonymous words. Following the corpora K. W. Church, W. Gale, P. Hanks, D. Hindle and R. Moon [Church et al. 1994] study the synonyms *ask for*, *request* and *demand*. N. Levshina, D. Geeraerts and D. Speelman [Levshina et al. 2014] investigate the difference between the Dutch causative verbs *doen* and *laten*, G. Gilquin [Gilquin 2003] analyzes verbs *get* and *have*, S. Th. Gries [Gries 2001] compares English adjectives ending in *-ic* or *-ical*. D. Glynn [Glynn 2010] quantifies the similarity between *hassle*, *bother* and *annoy*. S. Phoocharoensil [Phoocharoensil 2010] examines *ask*, *beg*, *plead*, *request*, and *appeal*, concentrating on their lexical, syntactic, and stylistic information. S. Th. Gries and N. Otani [Gries, Otani 2010] test the near-synonyms *big*, *great* and *large* in R.

Mostly they support the behavioral approach to gain round insights in the analysis of semantic differences of near-synonymous words. In this case study, we will follow them to a certain extent.

2. Background¹

Firstly, we allocate criteria for synonyms. In the Modern Linguistics, we can differentiate synonyms by collocation analysis, definition of context register (style), grammatical pattern differentiation dialect usage referential analysis (connotations).

A glimpse at English dictionary definitions detects rather a few similarities in meaning between *list*, *catalog*, *register*, *schedule*, *nomenclature*, *roll* and *inventory*. In fact, in certain cases the definitions of these lexical items seem to be circular. Considering these notions within a computational approach and frequencies extracted from COCA (Corpus of Contemporary American English) reduces the collection to two most frequent samples. Hence, the most accurately allocated opposition is *list* (55 111 occurrences in COCA) and *catalog* (1813 occurrences in COCA)².

Once we consider the definitions of *list* taken from several dictionaries [The New Collins Thesaurus 1984; The New Shorter Oxford English Dictionary 1993; Collins English Dictionary 1994; Random House Webster's College Dictionary 1995; Longman Dictionary 2009] it becomes evident that *register*, *schedule*, *nomenclature*, *inventory*, *roll* almost infallibly occur as one of the variations of *list*; at the same time *catalog* also has a strong resemblance to *list*. Thus, we put a task to find out the main lines of these two concepts.

Firstly, we give their definitions below:

List [The Free Dictionary 2003–2018]

1. A series of names or other items written or printed together in a meaningful grouping or sequence so as to constitute a record.
2. Computing a linearly ordered data structure.
3. A database containing an ordered array of items (names or topics).

¹ Based on: [Nosov 2016].

² The examples are from Davies M. The Corpus of Contemporary American English (COCA): 425 million words, 1990 [Americancorpus.org S. a.].

4. Item, point.
5. An alphabetical index of names and topics along with page numbers where they are discussed.

Catalog [The Free Dictionary 2003–2018]

1. A list or itemized display, as of titles, course offerings, or articles for exhibition or sale, usually including descriptive information or illustrations, a publication, such as a book or pamphlet, containing such a list or display.
2. An enumeration.
3. A card of the contents of a library or a group of libraries, arranged according to any of various systems.
4. Any record.
5. A written work or composition that has been published (printed on pages bound together).
6. A complete list of things; usually arranged systematically.
7. A series, as of names or words, printed or written down.

By comparison of these dictionary definitions:

1. We note that the words *list* and *catalog* in modern English are poly-semantic (in the analysis I take into consideration only nucleus dictionary definitions which allow me to define their values in modern English; we do not consider obsolete definitions or others used for special purposes).
2. We appreciate the componential structure containing rather similar integrated and differential components. The Presence of integrated components in the structure of concepts under consideration is reflected by five groups of semantic elements:
 - 1) *series, set, sequence, grouping, array;*
 - 2) *things, names, numbers, items, members, words, topics, files, point;*
 - 3) *data structure, database, record;*
 - 4) *written, printed, imagined, ordered, contributed and stored;*
 - 5) *computing, containing, listing.*

These two near-synonymous words present difficulties in the semantic level. Our aim is to define the most appropriate for its usage in the further investigations on natural language. These units can be defined by distinctions and oppositions as well as by the analysis of grammatical constructions. Thus, we seek to identify the factors that determine the choice between *list* and *catalog* by objective and semantic criteria. The analysis is based on multiple logistic regression analysis developed in the program R, which «seems to have become the *de facto* standard tool in many areas of linguistics especially corpus based and computational studies» [Levshina 2015: 21]. In so doing we bring to the focus the testing of the hypotheses below:

1. The scope of the *catalog* is narrower than the *list* one;
2. The use of *catalog* is appropriate in more *academic* context whereas *list* is introduced in more universal way and equally represented in all mentioned registers;
3. The academic register like equally appropriate for both *list* and *catalog*;
4. *List* tends more than *catalog* to expanding semantics and not to narrowing;
5. *List* is more pre-modified than *catalog*;

6. *List* is more post-modified than *catalog* in all mentioned registers;
7. Both *list* and *catalog* being self-determinate are not frequently represented within genitive constructions;
8. *List* in genitive constructions favor less written registers (newspaper, fiction, and academic).

For the analysis and verification of hypotheses considered above, we use the **logit model**. In statistics, the logistic regression is a model used to predict the probability of events adapting the data to the logistic curve. Usually predictive variables either numeric or categorical can be used.

3. Statistical analysis of near-synonymous words *list* and *catalog*

For further analysis, we will use packages ‘effects’ and ‘logreg’, which can be freely downloaded from the online public platform CRAN [CRAN S. a.]. We activate them with commands:

library (effects)

library (rms)

These libraries enable to use not only *glm()* function [Cross-validated 2017], but activate *lrm()*, which allows us to present more clearly and accurately the results of the logit regression.

Thus, we will consider three models, one with main effects and the others with PRE. MOD and GENITIVE.MEAN interactions. The summaries of models are presented in Table 1, which is modeled after the one in «Corpus methods for semantics: Quantitative studies in polysemy and synonymy» [Levshina et al. 2014].

Table 1. Summary Statistics

Summary statistics	Model		
	with main effects only	with main effects and GENITIVE.MEAN interaction	with main effects and POST.MOD interaction
Number of observations	1600 (of which 62 catalog and 1538 list)		
Null deviance	524.64 (on 1599 df)	524.64 (on 1599 df)	524.64 (on 1599 df)
Residual deviance	486.29 (on 1592 df) [AIC is 502.29]	482.44 (on 1589 df) [AIC is 504.44]	474.72 (on 1589 df) [AIC is 496.72]
Model chi-squared	38.35 (on 7 df)	42.20 (on 10 df)	49.92 (on 10 df)
p-value (chi-squared)	p < 0.0001	p < 0.0001	p < 0.0001
R-squared	0.085	0.093	0.110
C (area under ROC curve)	0.714	0.723	0.761

The null deviance fixes the difference between the intercept model and the input data, and the deviance shows the difference between the fitted model and the input. That is to say, if we have a small deviance the model fits better the input data. In Table 1 we see that

the model with main effects and GENITIVE.MEAN interaction (RD 482.44) is better than the model with main effects only (RD 486.29). However, the model with main effects and POST.MOD interaction works much better (RD 474.72).

The degrees of freedom of the null deviance (sample size minus one) and the degrees of freedom of the deviance (sample size minus one minus number of regressors) are additional pieces of information that will be used in a log likelihood ratio test (LRT) that tests whether the reduction of deviance when moving from the intercept only model to the fitted model is significant or not (in other words, whether the difference between null deviance and deviance is significant). The AIC: value is a corrected version of the deviance that has the additional benefit that it can be compared across models (for the same data set and response variable) with different numbers of predictors. Finally the **Number of Fisher scoring iterations**: the section shows us how many iterations we need to converge upon the reported estimates for intercept and slope.

From the Table 1, we can read that in the model with main effects only, the p-value is less than 0.05 ($p < 0.0001$). This fact and associated **Chi-square** (38.35 with 7 degrees of freedom) give proof that the model explains variation better than the intercept only model, i. e. the model with no predictors at all. The simple proportion of success or correct predictions in the model is 0.9650 while the baseline is at 0.96125. The calculation of this baseline is simple: our intercept only model simply predicts all cases to have a probability of success of $1538/1600 = 96\%$ (which is the overall proportion of success in the data set). Since 96% is more than 50%, the intercept only model would, therefore (according to our simple classification rule) always predict success, which would be a correct prediction in 96% of the cases. Based on it we can state that simple classificatory success for our data goes up from the baseline of 96% for the intercept model to 99% for the fitted model.

The estimate for the intercept is 3.0556, and appears to indicate that concept *list* without predictors has an average logit of 3.0556 (corresponds to odds of 36 to 1 and a proportion of 97%).

The estimate for the intercept is 3.0556, which is the predictive logit [Minitab Inc. 2010] of *list* for the case with all the reference levels, that is, **academic register, no possessive meaning, post-modification, no genitive meaning, pre-modification**. In other words, the positive value of the intercept means that the so-called failure response, i.e. the variant *catalog* is less popular in the case of the academic register, no possessive meaning, no post-modification, no genitive meaning, pre-modification. If we turn this logit into odds and then in probability what we get are odds of 36 to 1 and a proportion of 97%, which is the predicted probability of *list* in the case of academic register, no possessive meaning, no post-modification, no genitive meaning, pre-modification. According to the significance test, it is different from a logit of zero (i. e. at odds of 1 to 1 and a proportion of 50%), hence the model is suitable.

The coefficients of the logistic regression reflect the probability changes of the concept according to the corresponding predictor. In any case that contains register = academic and that we want to switch from, to, say, register = fiction, the logit of *list*, and hence its probability increases by 0.6855³. Whatever the other circumstances, there is always the same effect of register = fiction.

³ When the logit goes up, the probability goes up as well and if the logit decreases so does the probability [Speelman 2014].

Then, it is possible to go from register = academic to register = news, and the logit in this case, would increase by 1.2747, or if we switch from register = academic to register = spoken, logit again increases, but this time by 2.3943. If there is a switch from PRE.MOD = no to PRE.MOD = yes the logit goes up by 0.1757. In the case of POST.MOD = no to POST.MOD = yes the logit goes down by -0.6892 , and the same picture we observe in the case of GENITIVE.MEANING = no to GENITIVE.MEANING = yes when the logit reduce to -0.7600 . Finally, the logit increases by 0.2572 if there is a switch from POSS.MEAN = no to POSS.MEAN = yes. It might be interesting to note that the model assigned the highest probability to *list* (99,4 %) in the case of register = spoken, POSS.MEANING = no, GENITIVE.MEAN = no, POST.MOD = yes, PRE.MOD = yes⁴. Figure 1 (below) can help us visualize the effects of all predictors according to this model.

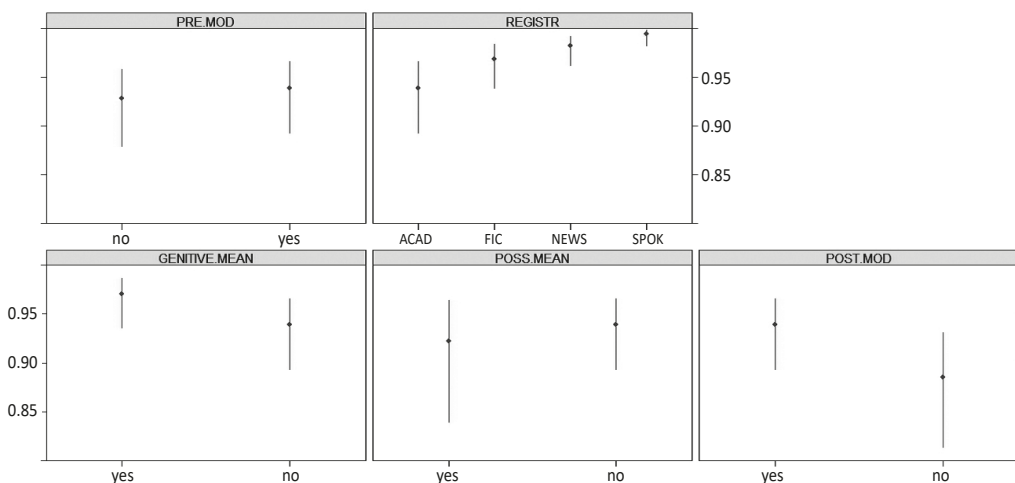


Figure 1. Predicted probabilities of *list*

Testing to see whether all the predictors are significant revealed that they were, with register being the most significant one and pre.mod the least significant of the five. When compared to other predictors, pre.mod has a small effect size in terms of unexplained variation (LRT = 0.396).

Acting on the assumption that emerged after inspecting the data that there might be some interaction between a register and genitive meaning, I decided to run a second model, which would consider this interaction. Simply put, the interaction occurs whenever the effect of one predictor is conditioned by another predictor. It was expected that genitive meaning would mostly favor *list* in the academic register.

First, we can look at the frequency table of the register by genitive meaning by the variant in Figure 2. What we can see is that there are more observations of *list* than *catalog* in the data. *List* is popular across all registers. It seems that compared to *catalog* genitive

⁴ Regarding the confidence interval around the estimates, there is 95% confidence about intercept logit being between 0.8928548 and 0.9656735; REGISTR = FIC between 0.9382686 and 0.9838080; REGISTR = NEWS between 0.9616903 and 0.9917038; REGISTR = SPOK between 0.9819396 and 0.9980730; POSS.MEAN = no between 0.8392593 and 0.9640849; PRE.MOD = yes between 0.8793471 and 0.9576874; POST.MOD = yes between 0.8928548 and 0.9656735; GENITIVE.MEAN = no between 0.9360397 and 0.9865293.

meaning favors it more. The question is whether the distance is considerable or marginal [Speelman 2014]. However, since this is just a frequency table that takes into account register and genitive meaning and not the other predictors, i. e. post.mod, which was also proven to have an influence, it is not very good at telling us where the effect comes from, which the model with interaction and all the other predictors should be able to.

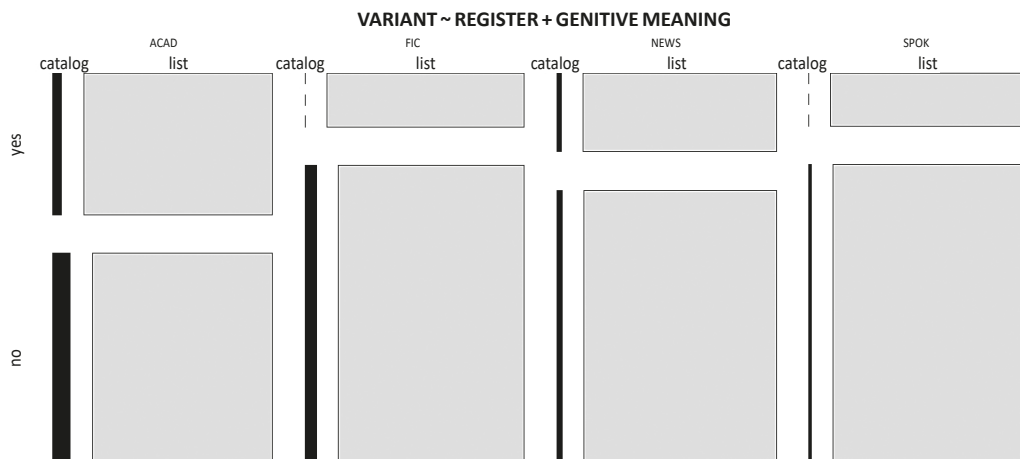


Figure 2. Mosaic frequency plot of register + genitive meaning

What can be read in the summary statistics Table 1 (above) is that the model with interaction is significant (p -value < 0.0001). The estimate for the intercept is 2.9684, which again is the predictive logit for the case with all the reference levels, academic register, no possessive meaning, no post-modification, no genitive meaning, pre-modification. The test to see whether the interaction was significant showed that it was not, with p -value < 0.0001 . The amount of unexplained variation in the model with all predictors including the interaction is slightly bigger (AIC is 504.44) than in the model without interaction (AIC is 502.29).

The results of logistic regression showed here that no genitive meaning is appropriate to *list* throughout the registers, but mostly in spoken register (84%) a bit less, but still considerable in fiction register (79,8%), and finally, in news (75,8%) and academic register (54,5%), respectively.

The post.mod predictor is also significant, $3.37e-10$ ***, in fact, much more so than the previous interaction ($7.62e-08$ ***). However, since dropping the interaction from the model would lead to the significant increase of unexplained variation, it was decided to keep the previous one in the model. All indexes (AIC is 496.72; R squared = 0.110; C (area under ROC curve) = 0.761) showed that this model works best.

In the mosaic plot, we see that *list* is more post-modified than the *catalog* in all the registers.

After the analysis with post-modification interaction, we can conclude that in support of the data presented in Table 1 post-modification is appropriate to *list* throughout all the registers, except spoken one (58,2% of no post-modification cases). Mostly this effect is observed in the academic register (66%), in the register of fiction, there are only 49% instances of *list* with post-modification, while in news it is 60%.

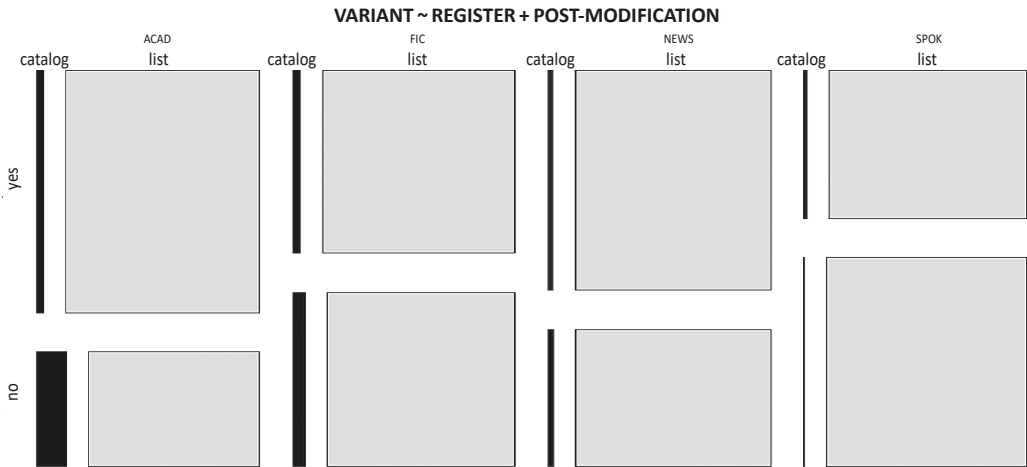


Figure 3. Mosaic frequency plot of register and post-modification

Further, we perform the Hosmer–Lemeshow goodness of fit test. [Shah, Barnwell 2003; Hosmer, Lemeshow 1989].

A significant result in that test would indicate a significant lack of fit. We do not obtain a significant lack of fit here ($p = 0.05970231$), but the rather low p -value does indicate that the fit is a bit far from good.

Another thing that should be tested routinely is whether there are no correlation patterns among the predictors that are so outspoken that this makes the model less reliable. We test it running on the *lrm* model without interactions. Thus we get the confidence intervals of calculated coefficients. See Table 2.

Table 2. Coefficients of ‘Odds Ratio’ via Function *exp(coef(d.glm))*

REGISTR = FIC	REGISTR = NEWS	REGISTR = SPOK	POSS.MEAN = no	PRE.MOD = yes	POST.MOD = no	GENITIVE. MEAN = no
1.311409	1.203975	1.117437	1.140100	1.126551	1.096815	1.114420

In the results, we do not have values higher than **four** that means we should not remove any variable from the model and test it again.

And last but not least, considering the odds are 36 (i. e. 36 to 1) at the slope of intercept we request the 95% confidence intervals for the estimates as follows. See Table 3.

Table 3. Confidence Intervals for Model Parameters via Function *confint(d.glm)*

Model Parameters	2.5%	97.5%
(Intercept)	2.08945336	4.12170716
REGISTRFIC	0.06184795	1.32701710
REGISTRNEWS	0.54906435	2.07802479
REGISTRSPOK	1.42015910	3.63509215
POSS.MEAN = no	-0.47672834	0.92817534
PRE.MOD = yes	-0.37413155	0.72492486
POST.MOD = no	-1.24227974	-0.14884359
GENITIVE.MEAN = no	-1.58105048	-0.03975219

4. Results

The aim of this case study was to find the most appropriate between *list* and *catalog* to use in the further investigations. We consider them as near-synonymous words seeking to identify some of the factors that determine our choice.

Realization of this purpose demanded to solve the following problems:

- 1) to present semantic classification of these nouns which are used in the form of plural;
- 2) to reveal the semantic conditions promoting a specification of *list* and *catalog* and their use in the form of plural, having shown primacy of semantic factors in relation to the formal;
- 3) to define a circle of contexts in which *list* and *catalog* are most often used;
- 4) to track interaction of semantic quantified POST.MOD and GENITIVE.MEAN the factors reflecting the functioning of these words.

The method that we used for this purpose was multiple logistic regression analysis. The focus of the investigation was on the identification of the contents and dynamics of the concept verbalized by *list* and *catalog* across four registers of the language (academic, spoken, fiction, newspaper), the semantic features of possessive meaning, genitive meaning, plural modification, post-modification, and pre-modification.

5. Conclusions

1. The investigation showed that the semantic field of *catalog* is much narrower than those of *list*.

2. We find *catalog* mostly in specialized, professional and academic contexts whereas *list* is inherent for a freer contextual environment of a spoken language. In spite of the fact that the percent of use of *list* at spoken register is rather high (11 181 occurrences), the newspaper register (17 812 occurrences) remains still the most peculiar for it. Hence, the hypothesis that the word *list* is inherent for freer contextual environment of a spoken language came true partly.

3. In the dataset of 1600 observations, there are 281 cases of POSS.MEAN = yes and 1319 cases of POSS.MEAN = no. It should be recognized that the present case study did not look at the possessive meaning, which could have certainly added another dimension to the investigation of differences between *list* and *catalog*. Furthermore, it might be the case that some more fine-grained distinctions emerge from a much larger dataset. Therefore, it would not be wrong to take this case study as a stepping-stone towards a more comprehensive research.

4. There are only six cases of plural modification in a random sample taken from the corpus COCA that allows concluding that the plural form with resumptive and separative semantic features is marginally represented or mostly omitted within *list* and *catalog*. The assumption that *list* is not frequently represented within genitive meaning could be said to be confirmed in the dataset if we consider its distribution in the academic register compared to the other registers, especially spoken (84% no genitive meaning). However, it can also be contended that it is indeed a more general word than *catalog* bearing in mind its overall frequency across the registers of the English language. Another assumption that genitive constructions favor written registers seems also to be borne out. This does not

come as a surprise since even some dictionaries, most notably, the “New Shorter Oxford English Dictionary...” [The New Shorter Oxford English Dictionary 1993] draw the users’ attention to this reading of the word as usually accompanied by genitive constructions. However, taking it a step further and observing the semantics of the word from the perspective of the conceptual metaphor theory, it was possible to adopt a broader take on this particular meaning of *list*.

5. Pre-modification seems to be irrelevant with 868 cases of PRE.MOD = yes and 732 cases of PRE.MOD = no.

6. Post-modification of a lexical item might come in different forms, but in this case study, its general manifestation was taken into account. The prediction that post-modification favors *list* in all the registers and mostly in academic was confirmed in my dataset. Additionally taking the interaction between register and post-modification into consideration revealed that even though post-modification can be expected after *list* in all registers, this most frequently happens to be the case in academic English, which is excellent since pre-modifiers and post-modifiers are expected to be “rare in conversation, and very common in informational writing” [Longman Grammar 1999]. Finally, the lowest realization of *list* is indeed in the register of spoken English right after the register of fiction English.

Based on the obtained results within statistical analysis, it is possible to draw a conclusion that the concept of *list* favors the application in further research.

Dictionaries and guides

- Americancorpus.org S.a. — *Americancorpus.org*. S.a. URL: <http://www.americancorpus.org> (accessed date: 29.05.2017).
- Collins English Dictionary 1994 — *Collins English Dictionary*. Glasgow: HarperCollins, 1994, 1791 p.
- CRAN S.a. — “CRAN”. *The Comprehensive R Archive Network*. S.a. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/effects/index.html>. (accessed date: 29.05.2017).
- Cross-validated 2017 — “Cross-validated”. *Stack Exchange Inc. Educational portal: Interpretation of Multiple Logistic Regression with Interactions in R*. 2017. URL: <http://stats.stackexchange.com/questions/115188/interpretation-of-multiple-logistic-regression-with-interactions-in-r> (accessed date: 29.05.2017).
- Longman Dictionary 2009 — *Longman Dictionary of Contemporary English*. 5th ed. Harlow: Pearson Longman, 2009. 2081 p.
- Longman grammar 1999 — *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Biber D., Johansson S., Leech G. et al. (eds.). Harlow: Longman, 1999, 1204 p.
- Random House Webster’s College Dictionary 1995 — *Random House Webster’s College Dictionary*. New York: Random House, 1995, 1567 p.
- The Free Dictionary 2003–2018 — *The Free Dictionary by Farlex*. 2003–2018. URL: www.thefreedictionary.com (accessed date: 29.05.2017).
- The New Collins Thesaurus 1984 — *The New Collins Thesaurus*. McLeod W.T. (ed.). London: Collins, 1984, 759 p.
- The New Shorter Oxford English Dictionary 1993 — *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*: in 2 vols. Brown L. (ed.). Oxford: Clarendon, 1993, 3801 p.

References

- Church et al. 1994 — Church K.W., Gale W., Hanks P., Hindle D., Moon R. “Lexical substitutability”. *Computational Approaches to the Lexicon*. Atkins B.T.S., Zampolli A. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1994, pp. 153–177.

- Geeraerts 2010 — Geeraerts D. *Theories of Lexical Semantics*. Oxford: Oxford University Press, 2010, 341 p.
- Gibbs 2006 — Gibbs R. W. “Metaphor Interpretation as Embodied Simulation”. *Mind & Language*. 21 (3), 2006: 434–458.
- Gilquin 2003 — Gilquin G. “Causative ‘Get’ and ‘Have’: So Close, So Different”. *Journal of English Linguistics*. 31 (2), 2003: 125–148.
- Glynn 2010 — Glynn D. “Synonymy, Lexical Fields, and Grammatical Constructions. Developing Usage-based Methodology for Cognitive Semantics”. *Cognitive Foundations of Linguistic Usage Patterns*. Schmid H.-J., Handl S. (eds.). [Berlin; New York]: De Gruyter Mouton, 2010, pp.89–118.
- Gries 2001 — Gries S.Th. “A Corpus-linguistic Analysis of -ic and -ical Adjectives”. *ICAME Journal*. 25, 2001: 65–108.
- Gries, Otani 2010 — Gries S. Th., Otani N. “Behavioral Profiles: A Corpus-based Perspective on Synonymy and Antonymy”. *ICAME Journal*. 34, 2010: 121–150.
- Hosmer, Lemeshow 1989 — Hosmer D. W., Lemeshow S. *Applied Logistic Regression*. New York: Wiley, 1989, XIII, 307 p.
- Hunston 2002 — Hunston S. *Corpora in Applied Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 241 p.
- Leitner 1993 — Leitner G. “Where to ‘Begin’ or ‘Start’? Aspectual Verbs in Dictionaries”. *Data, Description, Discourse: Papers on the English Language in Honour of J. McH Sinclair on His 60th Birthday*. Hoey M. (ed.). London: Harper Collins, 1993, pp.50–63.
- Levshina 2015 — Levshina N. *How to Do Linguistics with R: Data Exploration and Statistical Analysis*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015, 443 p.
- Levshina et al. 2014 — Levshina N., Geeraerts D., Speelman D. “Dutch Causative Constructions with Doen and Laten: Quantification of Meaning and Meaning of Quantification”. *Corpus Methods for Semantics: Quantitative Studies in Polysemy and Synonymy*. Glynn D., Robinson J. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2014, pp.205–221.
- Miller, Walter 1991 — Miller G. A., Walter G. Ch. “Contextual Correlates of Semantic Similarity”. *Language and Cognitive Processes*. 6 (1), 1991: 1–28.
- Minitab Inc. 2010 — “Minitab Inc”. *Softline Ltd. Educational portal*. 2010. URL: <http://support.minitab.com/en-us/minitab/17/topic-library/modeling-statistics/regression-and-correlation/regression-models/what-are-response-and-predictor-variables/> (accessed date: 29.05.2017).
- Nosov 2016 — Nosov A. V. “Lingvisticheskie parametry kontseptov «list» i «catalog»: Variant obrabotki iazyka dlia komp’iuternykh system [Linguistic Parameters of the Concepts “LIST” and “CATALOG”: Language Processing Version for Computer Systems]”. *Vestnik Permskogo un-ta: Rossiskaia i zarubezhnaia filologija* [Bulletin of Perm University: Russian and Foreign Philology]. 4 (36), 2016: 75–82. (In Russian)
- Phoocharoensil 2010 — Phoocharoensil S. A. “Corpus-Based Study of English Synonyms”. *International Journal of Arts and Sciences*. 3 (10), 2010: 227–245.
- Shah, Barnwell 2003 — Shah B. V., Barnwell B. G. “Hosmer-Lemeshow Goodness of Fit Test for Survey Data Research”. *2003 ASA Proceedings: Papers Presented at the Annual Meeting of the American Statistical Association: Joint Statistical Meetings, San Francisco, California, August 3–7, 2003, and Other ASA-sponsored Conferences*. S.l.: American Statistical Association, 2003, pp.3778–3781.
- Speelman 2014 — Speelman D. “Logistic Regression: A Confirmatory Technique for Comparisons in Corpus Linguistics”. *Corpus Methods for Semantics: Quantitative Studies in Polysemy and Synonymy*. Glynn D., Robinson J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2014, pp.487–533.

Received: November 9, 2016

Accepted: August 9, 2017

Статистический анализ близких по значению слов *list* и *catalog* в программе R

Для цитирования: Nosov A. V. Statistical analysis of near-synonymous words *list* and *catalog* in R // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 453–464. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.310>

В данной статье приводятся результаты регрессионного анализа двух близких по значению слов *list* и *catalog*. Целью анализа является выделение наиболее объективного варианта на основе моделирования грамматических интеракций, оказывающих влияние на актуализацию рассматриваемых слов в языке. Определение *list* и *catalog* в качестве объективных и независимых лексических единиц осуществляется в системе различий и противопоставлений. На начальном этапе согласно вероятностному распределению выделяются два наиболее частотных типа интеракций при употреблении слов *list* и *catalog*. Затем модели с предикторами PRE.MOD и GENITIVE.MEAN сопоставляются с моделью без интеракций, что продиктовано необходимостью показать различие между моделями на уровне дисперсии, так как сопоставление средних значений не всегда выявляет все аспекты изучаемого явления (ср.: средние значения моделей могут быть статистически одинаковыми). Таким образом, три статистические гипотезы сопоставляются попарно. Основная, нулевая гипотеза состоит в том, что дисперсии трех рассматриваемых моделей статистически одинаковы, и альтернативная — в том, что эти дисперсии статистически различны. Оценка модели без интеракций является предсказательным логитом *list* для вышеуказанных уровней отсчета. Коэффициенты логистической регрессии отражают вероятность изменений при взаимодействии с тем или иным предиктором. На этапе нормализации применяется модель бинарного выбора Хосмера—Лемешоу, по результатам применения которой принимается решение о необходимости выравнивания полученных результатов или ее отсутствии. Также выявляется присутствие / отсутствие образцов корреляции среди рассмотренных предикторов на основе функции *lrm*, что определяет меру надежности используемой модели и позволяет получить доверительные интервалы расчетных коэффициентов. Данный подход отражает новизну работы и позволяет выявить факторы, определяющие выбор того или иного понятия, исходя из объективных семантических критериев. Интеракции рассматриваются на 4 уровнях: научный, литературный, новостной и разговорный. Итоги работы позволяют дополнить содержание слов *list* и *catalog* и выявить их динамику.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, логистическая регрессия, сравнительный анализ, семантика, синоним, список, каталог.

Скребцова Татьяна Георгиевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
t.skrebtsova@spbu.ru

Когнитивная лингвистика тридцать лет спустя

Для цитирования: *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика тридцать лет спустя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 465–480. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.311>

Статья представляет собой обзор последних достижений когнитивной лингвистики, пока не нашедших широкого отражения в отечественных публикациях. Наряду с формальными моментами, связанными с дальнейшей институционализацией данного направления и за рубежом, и в России, автор отмечает ряд содержательных аспектов, касающихся как развития заявленных ранее теорий, так и возникновения новых областей исследования. Так, рассматриваются современные работы в области изучения концептуальной метафоры и метонимии, а также лексической полисемии. Из новых тенденций подчеркивается сдвиг от фундаментальных теоретических построений к практическим работам, ознаменованный зарождением так называемой прикладной когнитивной лингвистики. Основные сферы ее приложения — это педагогика (вопросы усвоения родного и иностранного языков), а также переводоведение. Помимо этого, заметен поворот в сторону эмпирических методов исследования и сближение когнитивной и корпусной лингвистики. Однако наиболее важной чертой последних 10–15 лет развития когнитивной лингвистики автор считает стремление данного направления встроиться в существующую научную парадигму, найти точки соприкосновения и взаимовыгодного сотрудничества с другими областями филологических исследований: лексикографией, стилистикой, поэтикой, анализом дискурса, социолингвистикой, этнолингвистикой и пр., что приводит к расширению традиционных областей знания, их переосмыслению под новым углом зрения. В связи с этим автор задается вопросом, сохранится ли когнитивная лингвистика как самостоятельное направление или растворится в других областях, обогатив их новыми идеями и подходами. Учитывая изначальную внутреннюю неоднородность когнитивной лингвистики, уверенно ответить на этот вопрос сейчас едва ли возможно. С одной стороны, фундаментальные принципы, разделяемые всеми приверженцами когнитивной лингвистики, способствуют ее консолидации, с другой — растущая интеграция с широким кругом научных областей ведет к расщеплению единства, причем вектор противопоставления, возможно, вскоре будет направлен уже не вовне, как на начальном этапе, а вовнутрь, от одного кружка исследователей к другому. Как бы то ни было, произошедшие изменения представляются важными, поскольку в известной мере предопределяют дальнейшее развитие когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, лексическая семантика, прикладная лингвистика, корпусная лингвистика.

Введение

Заголовок настоящей статьи, как кажется, нуждается в некоторых комментариях. Любая оценка того, как давно существует в науке то или иное течение, неизбежно носит приблизительный характер. Научное направление не возникает вдруг, в определенный день: его официальному признанию всегда предшествует период становления, истоки которого, как правило, теряются в прошлом. Так и с когнитивной лингвистикой. Как известно, официальное «рождение» когнитивной лингвистики приурочивают к Международному лингвистическому симпозиуму, состоявшему весной 1989 г. в Дуйсбурге (Германия) и ставшему одновременно Первой международной конференцией по когнитивной лингвистике. Однако, по существу, когнитивная лингвистика возникла раньше, и конец 1980-х — это период не ее зарождения, а расцвета, время публикации многочисленных работ, выполненных в духе новой идеологии. Что же касается исследований, заложивших фундамент данного направления и впоследствии признанных его классикой, они появились раньше [Lakoff, Johnson 1980; Johnson-Laird 1983; Fauconnier 1985; Lakoff 1987; Langacker 1987]¹. Как бы то ни было, о тридцати годах существования когнитивной лингвистики можно говорить с уверенностью.

Поскольку главные успехи первых двух десятилетий развития когнитивной лингвистики нашли отражение в нашем курсе лекций [Скребцова 2011], в настоящей статье хотелось бы обратиться к современному положению дел в этой области и обозначить новые тенденции, которые за последние годы стали достаточно явными.

Институционализация

Вполне закономерной выглядит дальнейшая институционализация рассматриваемого направления, связанная с созданием соответствующих объединений и ассоциаций, учреждением периодических изданий, выходом в свет учебной литературы. К настоящему моменту существует уже целый ряд англоязычных учебных пособий по когнитивной лингвистике [Ungerer, Schmid 1996; Lee 2001; Croft, Cruse 2004; Evans, Green 2006; The Oxford Handbook 2010; The Bloomsbury Companion 2014; Handbook 2015], в том числе хрестоматии [Cognitive Linguistics; The Cognitive Linguistics Reader 2008].

Список специализированных изданий тоже пополнился: к зарекомендовавшим себя «Cognitive Linguistics» и «Cognitive Linguistics Research» добавились (из наиболее заметного) журналы «Cognitive Linguistic Studies» и «Constructions and Frames», а также серии монографий «Advances in Cognitive Linguistics», «Applications of Cognitive Linguistics», «Human Cognitive Processing». В России была основана Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, стали выходить в свет журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» и научная серия «Когнитивные исследования языка».

¹ Возникновение когнитивной лингвистики иногда относят к еще более раннему времени, связывая его с выходом в свет знаменитой книги [Miller, Johnson-Laird 1976], которая, как принято считать, существенно повлияла на становление когнитивных исследований языка.

Концептуальная метафора и метонимия

Из тех тем, что находились в центре внимания когнитивной лингвистики с самого начала, наиболее востребованной в наши дни остается теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980]. Количество публикаций, посвященных концептуальным метафорам в различных языках и культурах, просто необозримо. Ряд авторов пытаются не только расширять материал исследования, но и далее развивать саму теорию, что приводит иногда к критике, ставящей под сомнение некоторые ее положения.

Переосмысление философских предпосылок затрагивает, в частности, выраженный акцент на теле человека как базовой сфере-источнике. Выдвигается тезис, что ситуационные, дискурсивные и концептуально-когнитивные аспекты также могут служить контекстами, порождающими метафору: воплощенность — лишь один из способов, при помощи которых когниция закреплена в опыте [Kövecses 2015]. Заметное внимание уделяется методологическим вопросам сбора материала и его достоверности [Csatár 2014], которые в книге Лакоффа и Джонсона вообще не поднимались. Тщательный анализ реального функционирования метафор в дискурсе вскрывает расхождение отдельных теоретических постулатов с эмпирическими данными [Metaphor and Discourse 2015].

Излюбленная тема когнитивной лингвистики — баланс между универсальностью и вариативностью — реализуется в сравнительном анализе метафор в разных языках, тем самым внося вклад в исследования межкультурной коммуникации [Metaphor and Intercultural Communication 2014]. В связи с этим представляется важным зафиксировать метафоры в малых, исчезающих языках [Endangered Metaphors 2012]. Примечательно, что вариативность метафор может быть обнаружена даже внутри одного языка — в разных регионах, этнических и социальных группах [Kövecses 2005], что имеет непосредственное отношение к такой дочерней области, как когнитивная социолингвистика (подробнее см. ниже).

Очевидный интерес для изучения когнитивных механизмов порождения и понимания языка представляют случаи гибридизации метафор [Mixing Metaphors 2016], для анализа которых с успехом привлекается теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Вообще, современная лингвистическая литература, посвященная метафорам, демонстрирует широкое взаимодействие различных теорий и подходов к анализу этого феномена [Steen 2007; Sullivan 2013]. Можно заметить, например, растущий интерес специалистов в области компьютерной обработки естественного языка к автоматическому распознаванию и анализу метафорических выражений на основе специально разработанного инструментария — размеченных корпусов текстов. Применение методов корпусной лингвистики к анализу метафор описано, в частности, А. Дейгнаном и Дж. Мишлером [Deignan 2005; Mischler 2013].

Под влиянием явных успехов когнитивной лингвистики в изучении метафоры научное сообщество обратилось к исследованию другого вида проекций между понятийными областями — концептуальной метонимии [Kövecses, Radden 1998; Metonymy and Pragmatic Inferencing 2003; Bierwiazzonek 2013; Denroche 2014]². Заслуживают внимания работы, поднимающие вопросы теоретического порядка,

² Впрочем, начало этому также было положено в книге Лакоффа и Джонсона.

а именно: какие типы смысловых связей охватываются данным понятием?; является ли метонимия отношением между понятийными областями или отдельными сущностями?; служит ли она исключительно целям референции?; является ли она по своей сути отображением?; можно ли рассматривать ее как прототипически организованную категорию?; следует ли стремиться к строгому разграничению метонимии и метафоры? и пр. [Peirsman, Geeraerts 2006; Barnden 2010; Defining Metonymy 2011].

Все больше исследований посвящено сопоставительному анализу механизмов метафорического и метонимического переносов и их взаимодействию (из заметных публикаций отметим: [Metaphor and Metonymy 2000; Metaphor and Metonymy 2002; Metonymy and Metaphor 2009; Windows to the Mind 2011; Metaphor and Metonymy 2014]). Основываясь на эмпирических данных психо- и нейролингвистики, исследователи пытаются в целом разобраться, каким образом люди понимают фигуральные выражения в дискурсе [Gibbs, Colston 2012]. Высказывается предположение о концептуальной обусловленности метонимических переносов метафорическими (ср., например, статьи А. Барселона и Г. Раддена в коллективной монографии [Metaphor and Metonymy 2000]). Другие авторы, впрочем, пишут о первичности метонимии по сравнению с метафорой в онтогенезе и филогенезе, причем последнее позволяет говорить о предметафорической стадии развития языка [Елова и др. 2014].

Когнитивные исследования в области лексической семантики

Когнитивная лингвистика продолжает проявлять заметный интерес к вопросам лексической семантики, тем самым компенсируя недостаток внимания к ней в зарубежном (в особенности американском) языкознании на протяжении большей части XX в. Основные направления исследований, заявленные еще в 1990-е годы, сохраняют свою значимость. В частности, много работ посвящено анализу лексической многозначности и попыткам ее сетевого представления.

Из отечественных исследований следует отметить монографию Г. И. Кустовой, в которой предлагается понятие семантического потенциала слова, позволяющего на основе исходного значения в некоторой степени предсказывать возникновение новых значений [Кустова 2004]. Схожее стремление — предсказывать семантическое развитие слова — отчетливо видно и в книге Л. М. Лещёвой, где делается попытка, опираясь на закономерности семантической деривации у английских существительных, выстроить потенциальную структуру многозначного существительного *kettle* и сопоставить ее с реально существующей [Лещёва 2014].

Характерная для когнитивной лингвистики установка на экспланаторность проявляется в подобных исследованиях очень ярко: авторы склонны задаваться не только вопросом *как?*, но и вопросом *почему?* Исходный тезис состоит в том, что количество способов образования значений «не может быть бесконечным, и эти способы не могут быть „любимыми“, какими угодно» [Кустова 2004: 21]. Соответственно, большое внимание уделяется обусловленности производных значений слова спецификой его основного значения.

Лексико-семантические исследования затрагивают и диахроническую, и типологическую перспективы. Начало этому также было положено еще в 1990-е годы,

когда зарубежные когнитивисты обратились к изучению закономерностей семантических изменений. На сегодняшний день можно констатировать, что первоначальный энтузиазм, связанный с предположительной универсальностью ряда семантических переходов, сменился более взвешенной и осторожной позицией. Так, привлечение данных неиндоевропейских языков (языков Африки, Австралии, Океании, Южной Америки и др.) выявило широкую вариативность в том, как может реализовываться связь между перцептивными и когнитивными значениями (см., например: [Плунгян 1991; Evans, Wilkins 1998; Арутюнова 1999: 415–416; Perception and Cognition 2013]), что опровергает более ранние гипотезы И. Свитсер [Sweetser 1990].

В этом контексте заслуживает внимания проект «Каталог семантических переходов» [Зализняк 2001], который предполагает прежде всего фиксацию регулярно воспроизводимых лексико-семантических изменений, наблюдаемых в языках мира. Первоначальная цель «Каталога...» видится его авторам в том, чтобы инвентаризировать и систематизировать языковые факты. Что касается построения типологии, то это дело будущего, причем ситуация осложняется тем, что направление семантического развития со временем может стереться и даже начать осознаваться наоборот. Как указывают создатели «Каталога...», на материале 319 языков мира им удалось выявить около 3000 семантических переходов [Zalizniak et al. 2012].

Несмотря на то что исследования в области лексико-семантической типологии пока охватили сравнительно небольшое число языков и полученные результаты не позволяют осуществлять широкомасштабные сравнения [Kortjevskaja-Tamm 2016: 3], уже очевидно, что модели полисемии подвержены гораздо большему межкультурным вариациям, чем это ранее предполагалось.

Огромная заслуга когнитивной лингвистики состоит в том, что она отдает должное ономазиологическим исследованиям, которых в языкознании всегда было несравненно меньше, чем семасиологических. По-видимому, сказывается то, что проще иметь в качестве отправной точки материальную сущность, чем идеальную: ведь и число толковых словарей существенно превышает число идеографических. Когнитивистов в подобных исследованиях привлекает не столько выявление особенностей национального мировидения, сколько возможность анализировать, как те или иные признаки вещей (признаков, процессов и т. д.) обуславливают выбор способа номинации среди членов соответствующей лексико-семантической парадигмы.

Из заметных публикаций следует отметить продолжение обсуждения семантики позиционных предикатов на страницах специального выпуска журнала «Linguistics» [Linguistics 2007], а также в книге А. Д. Кошелева [Кошелев 2015]. Сравнительные ономазиологические исследования на материале неродственных, разноструктурных и неконтактных языков проводятся также усилиями сотрудников Института психолингвистики Общества Макса Планка. Из конкретных проектов отметим работы, посвященные изучению и сопоставлению наименований частей человеческого тела в языках мира [Enfield et al. 2006]. Помимо самостоятельной ценности, полученные результаты имеют значение для изучения того, как в том или ином языке концептуализируются пространственные отношения: ведь нередко за основу берутся названия некоторых частей тела.

Новые тенденции: сдвиг в сторону прикладных исследований

Если говорить о новых путях развития когнитивной лингвистики, обращает на себя внимание переход от построения теорий к практическим исследованиям: возникло даже особое направление — прикладная когнитивная лингвистика [Applied Cognitive Linguistics 2001], а в 2006 г. был дан старт новой серии монографий «Applications of Cognitive Linguistics». Сдвиг в сторону прикладных работ проявляется, в частности, в том, что существенно возросло число авторов, относящих себя к когнитивной лингвистике, подавляющее большинство публикаций последних лет представляют собой коллективные монографии, а наиболее распространенным жанром стали исследования отдельных случаев (case studies). Судя по всему, время фундаментальных построений сменилось временем их верификации и корректировки на широком эмпирическом материале. Из новых теорий, возникших в последние годы, можно вспомнить разве что теорию дискурсивного пространства (discourse space theory) П. Чилтона [Chilton 2014] и теорию метафорического воздействия (metaphor power theory) К. Де Ландсхер (см., например: [De Landtsheer 2010]); последняя, впрочем, непосредственно связана с традициями анализа концептуальных метафор и политического дискурса и развивает их не столько в теоретическом, сколько методологическом отношении. В отечественной науке заслуживает внимания эволюционно-синтетическая теория языка А. Д. Кошелева [Кошелев 2015; 2017].

Поскольку в западной традиции прикладная лингвистика охватывает преимущественно сферы преподавания и усвоения языка (родного или иностранного), речь идет, в частности, о новых подходах, которые когнитивная лингвистика может предложить для решения педагогических задач. Число публикаций по этой тематике неуклонно растет, отражая как популярность обеих областей по отдельности, так и стремление к их сближению (ср., например: [Applied Cognitive Linguistics 2001; Cognitive Linguistics 2004; Cognitive Approaches 2008; Applied Cognitive Linguistics 2010; Fostering Language 2010; Tyler 2012; Cognitive Linguistics 2015]). Среди прочих прикладных направлений, пытающихся применять достижения когнитивной лингвистики, упомянем переводоведение [Deckert 2013; Cognitive Linguistics 2013] и исследования би- и мультилингвизма [Cognitive Perspectives 2016; Cognitive Control 2016].

Свидетельством тяготения когнитивной лингвистики к прикладным областям является и наметившееся в последние годы взаимодействие двух влиятельных подходов в области гуманитарных наук — когнитивного и критического. Речь идет об использовании понятийного аппарата когнитивной лингвистики (концептуальной метафоры, бленда, фрейма и пр.) для целей критического анализа дискурса, направленного на выявление неравенства и дискриминации тех или иных социальных групп посредством языкового употребления (ср.: [Hart 2010; Cognitive Linguistics 2010]).

Еще одно проявление указанной тенденции — поворот когнитивной лингвистики к эмпирическим методам исследования. В настоящее время можно наблюдать внедрение количественных методов и широкое применение возможностей корпусной лингвистики в когнитивных исследованиях языка [Corpus-based Approaches 2006; Quantitative Methods 2010].

Интеграция с традиционными областями лингвистических исследований

Заметной тенденцией последних 10–15 лет можно считать стремление когнитивистов встроиться в существующую научную парадигму: на смену желанию выделиться, привлечь внимание приходит поиск точек соприкосновения и взаимовыгодного сотрудничества с другими областями филологических исследований. В связи с этим многие ученые пытаются переосмыслить содержание уже сложившихся областей знания под новым углом зрения. Так на стыке когнитивной лингвистики и литературоведения возникают когнитивная стилистика [Cognitive Stylistics 2002; Genre in Language 2016], когнитивная поэтика [Stockwell 2002; Cognitive Poetics 2009; Cognitive Grammar 2014], когнитивные исследования нарратива [Blending 2012; Dancygier 2015], и даже выходит в свет общий учебник по когнитивному литературоведению [The Oxford Handbook 2015]. На глазах обретает реальность предсказанная Е. С. Кубряковой (см., например: [Кубрякова 2000: 8]) когнитивно-дискурсивная парадигма, предполагающая применение когнитивных теорий к широкому спектру текстов — устных, письменных, электронных, мультимодальных [Textual Choices 2012]. В продолжение начинаний Фоконье и Тернера, происходит взаимодействие когнитивной лингвистики с мультимодальными исследованиями, где в качестве материала исследования выступают образцы невербальной или смешанной коммуникации в виде рисунков, карикатур, комиксов и пр. [Multimodality 2015].

Усилиями Д. Герартса и коллег формируется когнитивная социолингвистика, рассматривающая проблемы межъязыковой и внутриязыковой вариативности в когнитологическом аспекте, прежде всего с точки зрения теории прототипов [Cognitive Sociolinguistics 2008; Advances 2010; Cognitive Sociolinguistics 2014]. Провозглашается когнитивная этнолингвистика [Bartmínski 2009; From Conceptual 2014], — впрочем, остается не вполне ясным, какие вопросы относятся к ее ведению и чем она отличается от традиционной этнолингвистики. Под влиянием исследований Свитсер продолжается осмысление семантических изменений в свете когнитивных теорий языка и намечаются контуры исторической когнитивной лингвистики [Historical Cognitive Linguistics 2010]. Уместность рассмотрения вариативности и языковых изменений с позиций когнитивной лингвистики обосновывается ссылкой на то, что когнитивная лингвистика позиционирует себя как подход, основанный на употреблении языка (ср.: [Usage-based Approaches 2014]). Когнитивные исследования в области лексической семантики способствуют становлению когнитивной лексикографии, в рамках которой исследователи пытаются усовершенствовать структуру словарной статьи толкового словаря за счет усиления антропоцентрического компонента [Ostermann 2015]. Восполняя известную ограниченность, присущую начальному этапу становления когнитивной лингвистики, ее понятийный аппарат применяется теперь не только при анализе индоевропейских языков [Cognitive Linguistics 2003; Thiering 2014]. В целом трудно представить себе такую область языкознания, где невозможно было бы получить свежий взгляд и интересные результаты благодаря новой, когнитивной, перспективе.

Заключение

На фоне отмеченного разнообразия возникает закономерный вопрос: сохранится ли когнитивная лингвистика как самостоятельное направление или растворится в других областях, обогатив их новыми идеями и подходами (ср.: [Cognitive Linguistics 2011])? Учитывая ее изначальную внутреннюю неоднородность, уверенно ответить на этот вопрос едва ли возможно. С одной стороны, фундаментальные принципы, разделяемые всеми приверженцами когнитивной лингвистики, служат ее консолидации, с другой — растущая интеграция с широким кругом научных областей способствуют расщеплению единства, причем вектор противопоставления, возможно, вскоре будет направлен уже не вовне, как на начальном этапе, а вовнутрь, от одного кружка исследователей к другому.

Литература

- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999, 896 с.
- Елоева и др. 2014 — Елоева Ф. А., Перехвальская Е. В., Саусверде Э. “Метафора и эвристическая функция языка: (Бывает ли язык без метафор)”. *Вопросы языкознания*. 1, 2014: 78–89.
- Зализняк 2001 — Зализняк А. А. “Семантическая деривация в синхронии и диахронии: Проект «Каталога семантических переходов»”. *Вопросы языкознания*. 2, 2001: 13–25.
- Кошелев 2015 — Кошелев А. Д. *Когнитивный анализ общечеловеческих концептов*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015, 280 с.
- Кошелев 2017 — Кошелев А. Д. *Очерки эволюционно-синтетической теории языка*. М.: Языки славянской культуры, 2017, 527 с.
- Кубрякова 2000 — Кубрякова Е. С. “О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике”. *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров*. Ромашко С. А. (ред.). М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2000, сс. 7–25.
- Кустова 2004 — Кустова Г. И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры, 2004, 472 с.
- Лещёва 2014 — Лещёва Л. М. *Лексическая полисемия в когнитивном аспекте*. М.: Языки славянской культуры, 2014, 256 с.
- Плунгян 1991 — Плунгян В. А. “К описанию африканской «наивной картины мира»: (Локализация ощущений и понимание в языке догон)”. *Логический анализ языка: Культурные концепты*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Наука, 1991, сс. 155–160.
- Скребцова 2011 — Скребцова Т. Г. *Когнитивная лингвистика: курс лекций*. СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011, 256 с.
- Advances 2010 — *Advances in Cognitive Sociolinguistics*. Geeraerts D., Kristiansen G., Peirsman Y. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2010, 321 p.
- Applied Cognitive Linguistics 2001 — *Applied Cognitive Linguistics*. Pütz M., Niemeier S., Dirven R. (eds.). Vol. 1, 2. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001, XXIV, 273 p. (vol. 1) + XXV, 263 p. (vol. 2).
- Applied Cognitive Linguistics 2010 — *Applied Cognitive Linguistics in Second Language Learning and Teaching*. Littlemore J., Juchem-Grundmann C. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010, 178 p.
- Barnden 2010 — Barnden J. A. “Metaphor and Metonymy: Making Their Connections More Slippery”. *Cognitive Linguistics*. 21 (1), 2010: 1–34.
- Bartmínski 2009 — Bartmínski J. *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*. London: Equinox, 2009, 250 p.
- Bierwiazzonek 2013 — Bierwiazzonek B. *Metonymy in Language, Thought and Brain*. London: Equinox, 2013, 300 p.
- Blending 2012 — *Blending and the Study of Narrative: Approaches and Applications*. Schneider R., Hartner M. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2012, 253 p.

- Chilton 2014 — Chilton P. *Language, Space and Mind: The Conceptual Geometry of Linguistic Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, 325 p.
- Cognitive Approaches 2008 — *Cognitive Approaches to Pedagogical Grammar*. De Knop S., De Rycker A. T. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008, 444 p.
- Cognitive Control 2016 — *Cognitive Control and Consequences of Multilingualism*. Schwieter J. W. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016, 453 p.
- Cognitive Grammar 2014 — *Cognitive Grammar in Literature*. Harrison C., Nuttall L., Stockwell P., Yuan W. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014, 255 p.
- Cognitive Linguistics 2003 — *Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages*. Casad E. H., Palmer G. B. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003, 453 p.
- Cognitive Linguistics 2004 — *Cognitive Linguistics, Second Language Acquisition, and Foreign Language Teaching*. Achard M., Niemeier S. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004, 283 p.
- Cognitive Linguistics 2006 — *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Geeraerts D. (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006, 485 p.
- Cognitive Linguistics 2010 — *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory*. Hart C., Lukeš D. (eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars, 2010, 275 p.
- Cognitive Linguistics 2011 — *Cognitive Linguistics: Convergence and Expansion*. Brdar M., Gries S. Th., Žic Fuchs M. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011, 362 p.
- Cognitive Linguistics 2013 — *Cognitive Linguistics and Translation: Advances in Some Theoretical Models and Applications*. Rojo A., Ibarretxe-Antuñano I. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2013, 421 p.
- Cognitive Linguistics 2015 — *Cognitive Linguistics and Sociocultural Theory: Applications for Second and Foreign Language Teaching*. Masuda K., Arnett C., Labarca A. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2015, 283 p.
- Cognitive Perspectives 2016 — *Cognitive Perspectives on Bilingualism*. Reif M., Robinson J. A. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2016, 241 p.
- Cognitive Poetics 2009 — *Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps*. Brône G., Vandaele J. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009, 560 p.
- Cognitive Sociolinguistics 2008 — *Cognitive Sociolinguistics: Language Variation, Cultural Models, Social Systems*. Kristiansen G., Dirven R. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008, 545 p.
- Cognitive Sociolinguistics 2014 — *Cognitive Sociolinguistics: Social and Cultural Variation in Cognition and Language Use*. Pütz M., Robinson J. A., Reif M. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2014, 214 p.
- Cognitive Stylistics 2002 — *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*. Semino E., Culpeper J. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002, 333 p.
- Corpus-based Approaches 2006 — *Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy*. Gries S. Th., Stefanowitsch A. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006, 352 p.
- Croft, Cruse 2004 — Croft W., Cruse D. A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 356 p.
- Csatár 2014 — Csatár P. *Data Structure in Cognitive Metaphor Research*. Frankfurt-am-Main et al.: Peter Lang, 2014, 154 p.
- Dancygier 2015 — Dancygier B. *The Language of Stories: A Cognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 242 p.
- De Landtsheer 2010 — De Landtsheer C. “Crisis Style or Radical Rhetoric?: The Speech by Diab Abou Jahjah, Leader of the Arab European League (AEL)”. *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory*. Hart C., Lukeš D. (eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars, 2010, pp. 57–80.
- Deckert 2013 — Deckert M. *Meaning in Subtitling: Toward a Contrasting Cognitive Semantic Model*. Frankfurt-am-Main et al.: Peter Lang, 2013, 274 p.
- Defining Metonymy 2011 — *Defining Metonymy in Cognitive Linguistics: Towards a Consensus View*. Ben-czes R., Barcelona A., Ruiz de Mendoza F. J. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011, 284 p.
- Deignan 2005 — Deignan A. *Metaphor and Corpus Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005, 236 p.

- Denroche 2014 — Denroche C. *Metonymy and Language: A New Theory of Linguistic Processing*. London: Routledge, 2014, 218 p.
- Endangered Metaphors 2012 — *Endangered Metaphors*. Idström A., Piirainen E. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012, 376 p.
- Enfield et al. 2006 — Enfield N. J., Majid A., Staden M. van “Cross-linguistic Categorization of the Body: Introduction”. *Language Sciences*. 28, 2–3, 2006: 137–147.
- Evans, Green 2006 — Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 2006, 830 p.
- Evans, Wilkins 1998 — Evans N., Wilkins D. *The Knowing Ear: An Australian Test of Universal Claims about the Semantic Structure of Sensory Verbs and Their Extension into the Domain of Cognition*. Köln: Institut für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln, 1998, 63 p. (Institut für Sprachwissenschaft Universität zu Köln. Arbeitspapier № 32).
- Fauconnier 1985 — Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. Cambridge (MA): M. I. T. Press, 1985, 240 p.
- Fostering Language 2010 — *Fostering Language Teaching Efficiency through Cognitive Linguistics*. De Knop S., Boers F., De Rycker A. T. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2010, 410 p.
- From Conceptual 2014 — *From Conceptual Metaphor Theory to Cognitive Ethnolinguistics*. Kuzniak M., Libura A., Szawerna M. (eds.). Frankfurt-am-Main et al.: Peter Lang, 2014, 288 p.
- Genre in Language 2016 — *Genre in Language, Discourse and Cognition*. Stukker N., Spooren W., Steen G. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2016, 429 p.
- Gibbs, Colston 2012 — Gibbs R. W., Colston H. L. *Interpreting Figurative Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 384 p.
- Handbook 2015 — *Handbook of Cognitive Linguistics*. Dabrowska E., Divjak D. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2015, 640 p.
- Hart 2010 — Hart C. *Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010, 219 p.
- Historical Cognitive Linguistics 2010 — *Historical Cognitive Linguistics*. Winters M. E., Tissari H., Allan K. L. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2010, 360 p.
- Johnson-Laird 1983 — Johnson-Laird P. N. *Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 528 p.
- Koptjevskaja-Tamm 2016 — Koptjevskaja-Tamm M. “The Lexical Typology of Semantic Shifts: An Introduction”. *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2016, pp. 1–20.
- Kövecses 2005 — Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 314 p.
- Kövecses 2015 — Kövecses Z. *Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor*. Oxford: Oxford University Press, 2015, 232 p.
- Kövecses, Radden 1998 — Kövecses Z., Radden G. “Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View”. *Cognitive Linguistics*. 9, 1, 1998: 37–78.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 632 p.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 256 p.
- Langacker 1987 — Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987, 540 p.
- Lee 2001 — Lee D. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2001, 240 p.
- Linguistics 2007 — *Linguistics: An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences*. 45, 5–6, 2007: 847–1163.
- Metaphor and Discourse 2015 — *Metaphor and Discourse*. Musolff A., Zinken J. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015, 269 p.
- Metaphor and Intercultural Communication 2014 — *Metaphor and Intercultural Communication*. Musolff A., MacArthur F., Pagani G. (eds.). London: Bloomsbury, 2014, 248 p.
- Metaphor and Metonymy 2000 — *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Barcelona A. (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000, 356 p.

- Metaphor and Metonymy 2002 — *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Dirven R., Pörings R. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002, 605 p.
- Metaphor and Metonymy 2014 — *Metaphor and Metonymy across Time and Cultures: Perspectives on the Sociohistorical Linguistics of Figurative Language*. Díaz-Vera J.E. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2014, 350 p.
- Metonymy and Metaphor 2009 — *Metonymy and Metaphor in Grammar*. Panther K.-U., Thornburg L.L., Barcelona A. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009, 423 p.
- Metonymy and Pragmatic Inferencing 2003 — *Metonymy and Pragmatic Inferencing*. Panther K.-U., Thornburg L.L. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003, 280 p.
- Miller, Johnson-Laird 1976 — Miller G., Johnson-Laird P. *Language and Perception*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1976, 760 p.
- Mischler 2013 — Mischler J. J., III. *Metaphor across Time and Conceptual Space: The Interplay of Embodiment and Cultural Models*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013, 237 p.
- Mixing Metaphors 2016 — *Mixing Metaphors*. Gibbs R.W., Jr. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016, 269 p.
- Multimodality 2015 — *Multimodality and Cognitive Linguistics*. Pinar Sanz M.J. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015, 212 p.
- Ostermann 2015 — Ostermann C. *Cognitive Lexicography: A New Approach to Lexicography Making Use of Cognitive Semantics*. Berlin: de Gruyter, 2015, XII, 380 p. (Lexicographica. Series Maior. Vol. 149).
- Peirsman, Geeraerts 2006 — Peirsman Y., Geeraerts D. “Metonymy as a prototypical category”. *Cognitive Linguistics*. 17, 3, 2006: 269–316.
- Perception and Cognition 2013 — *Perception and Cognition in Language and Culture*. Aikhenvald A. Y., Storch A. (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2013, 279 p.
- Quantitative Methods 2010 — *Quantitative Methods in Cognitive Semantics: Corpus-Driven Approaches*. Glynn D., Fischer K. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2010, 395 p.
- Steen 2007 — Steen G. J. *Finding Metaphor in Grammar and Usage: A Methodological Analysis of Theory and Research*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007, 430 p.
- Stockwell 2002 — Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge, 2002, 208 p.
- Sullivan 2013 — Sullivan K. *Frames and Constructions in Metaphoric Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013, 184 p.
- Sweetser 1990 — Sweetser E. *From Etymology to Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, 174 p.
- Textual Choices 2012 — *Textual Choices in Discourse: A View from Cognitive Linguistics*. Dancygier B., Sanders J., Vandelanotte L. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012, 198 p.
- The Bloomsbury Companion 2014 — *The Bloomsbury Companion to Cognitive Linguistics*. Littlemore J., Taylor J.R. (eds.). London et al.: Bloomsbury, 2014, 384 p.
- The Cognitive Linguistics Reader 2008 — *The Cognitive Linguistics Reader*. Evans V., Bergen B.K., Zinken J. (eds.). London: Equinox, 2008, 992 p.
- The Oxford Handbook 2010 — *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2010, 1368 p.
- The Oxford Handbook 2015 — *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. Zunshine L. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2015, 680 p.
- Thiering 2014 — Thiering M. *Spatial Semiotics and Spatial Mental Models: Figure-Ground Asymmetries in Language*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2014, 291 p.
- Tyler 2012 — Tyler A. *Cognitive Linguistics and Second Language Learning: Theoretical Basis and Experimental Evidence*. London: Routledge, 2012, 264 p.
- Ungerer, Schmid 1996 — Ungerer F., Schmid H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London: Longman, 1996, 400 p.
- Usage-based Approaches 2014 — *Usage-based Approaches to Language Change*. Coussé E., Mengden F. von (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014, 275 p.
- Windows to the Mind 2011 — *Windows to the Mind: Metaphor, Metonymy and Conceptual Blending*. Handl S., Schmid H.-J. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2011, 314 p.

Zalizniak et al. 2012 — Zalizniak A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. “The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology”. *Linguistics*. 50, 3, 2012: 633–669.

Статья поступила в редакцию 29 мая 2017 г.
Статья рекомендована в печать 27 ноября 2017 г.

Skrebtsova Tatiana Georgievna

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
t.skrebtsova@spbu.ru

Contemporary cognitive linguistics: Thirty years after

For citation: Skrebtsova T.G. Contemporary cognitive linguistics: Thirty years after. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 465–480. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.311> (In Russian)

The paper reviews recent developments in cognitive linguistics now that three decades, give or take, separate us from the time it was born. The author claims that these developments have not yet been brought together, nor contemplated at length. Both formal and substantial aspects are identified, the former manifested by cognitive linguistics becoming yet more deeply grounded in academic life and curricula across different countries. The latter are represented, first, by further elaborations of classical works, which can be exemplified by manifold studies in conceptual metaphor and metonymy, or lexical polysemy. Second, new trends have become noticeable in recent years, in particular, a definite shift from theoretical concerns to practical applications. This has given rise to the so-called applied cognitive linguistics concerned mostly with second language acquisition and translation studies. Besides, cognitive linguistics can be seen to have gone empirical, making close contacts with corpus linguistics. However, the central development of contemporary cognitive linguistics, as posited by the author, is its integration tendency. Rather than go on opposing itself to other schools and branches, cognitive linguistics today seeks to become entrenched in traditional philological fields, such as lexicography, stylistics, poetics, discourse analysis, sociolinguistics, ethnolinguistics, etc., enriching them with new ideas and approaches. The key intrigue is whether cognitive linguistics will remain as such or get absorbed by other fields of study. Common theoretical foundations shared by major classical cognitive works are certainly a uniting factor, but the inherent heterogeneity of cognitive linguistics may tip the balance in favour of breaking down into a number of smaller fields and groups of scholars. Be that as it may, cognitive linguistics is undergoing changes that may be indicative of its further development.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual metaphor, lexical semantics, applied linguistics, corpus linguistics.

References

- Арутюнова 1999 — Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and world of man]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russian)
- Елоева и др. 2014 — Eloeva F. A., Perekhval'skaia E. V., Sausverde E. “Metafora i evristicheskaia funktsiia iazyka: (Byvaet li iazyk bez metafor) [Metaphor and Heuristic Function of Language: (Is a Language without Metaphor Possible?)]”. *Voprosy iazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1, 2014: 78–89. (In Russian)
- Зализняк 2001 — Zalizniak A. A. “Semanticheskaia derivatsiia v sinkhronii i diakhronii: proekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov» [Semantic Derivation in Synchrony and Diachrony: The “Catalog of

- Semantic Transitions” Project]”. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the Study of Language]. 2, 2001: 13–25. (In Russian)
- Кошелев 2015 — Koshelev A. D. *Kognitivnyi analiz obshchechelovecheskikh kontseptov* [Cognitive Analysis of Universal Concepts]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2015, 280 p. (In Russian)
- Кошелев 2017 — Koshelev A. D. *Ocherki evoliutsionno-sinteticheskoi teorii iazyka* [Essays on the Evolutionary-synthetic Theory of Language]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2017, 527 p. (In Russian)
- Кубрякова 2000 — Kubriakova E. S. “O poniatiakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike [On the Concepts of Discourse and Discursive Analysis in Modern Linguistics]”. *Diskurs, rech', rechevaia deiatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty* [Discourse, Speech, Speech Activity: Functional and Structural Aspects]. Romashko S. A. (ed.). Moscow: Institute of Scientific Information in Social Sciences RAS Publ., 2000, pp. 7–25. (In Russian)
- Кустова 2004 — Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia* [The Types of Derived Meanings and the Mechanisms of Language Expansion]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, 472 p. (In Russian)
- Лешёва 2014 — Leshcheva L. M. *Leksicheskaia polisemiia v kognitivnom aspekte* [Lexical Polysemy in the Cognitive Aspect]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014, 256 p. (In Russian)
- Плунгян 1991 — Plungian V. A. “K opisaniiu afrikanskoi «naivnoi kartiny mira»: (Lokalizatsiia oshchushchenii i ponimanie v iazyke dogon) [To the Description of the African “Naive Picture of the World”: (Localization of Sensations and Understanding in the Dogon Language)]”. *Logicheskii analiz iazyka: Kul'turnye kontsepty* [Logical Analysis of the Language: Cultural Concepts]. Arutiunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 155–160. (In Russian)
- Скребцова 2011 — Skrebtsova T. G. *Kognitivnaia lingvistika: kurs lektsiy* [Cognitive Linguistics: Lecture Course]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology Press, 2011, 256 p. (In Russian)
- Advances 2010 — *Advances in Cognitive Sociolinguistics*. Geeraerts D., Kristiansen G., Peirsman Y. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2010, 321 p.
- Applied Cognitive Linguistics 2001 — *Applied Cognitive Linguistics*. Pütz M., Niemeier S., Dirven R. (eds.). Vol. 1, 2. Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2001, XXIV, 273 p. (vol. 1) + XXV, 263 p. (vol. 2).
- Applied Cognitive Linguistics 2010 — *Applied Cognitive Linguistics in Second Language Learning and Teaching*. Littlemore J., Juchem-Grundmann C. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2010, 178 p.
- Barnden 2010 — Barnden J. A. “Metaphor and Metonymy: Making Their Connections More Slippery”. *Cognitive Linguistics*. 21 (1), 2010: 1–34.
- Bartmiński 2009 — Bartmiński J. *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*. London: Equinox Publ., 2009, 250 p.
- Bierwiazzonek 2013 — Bierwiazzonek B. *Metonymy in Language, Thought and Brain*. London: Equinox Publ., 2013, 300 p.
- Blending 2012 — *Blending and the Study of Narrative: Approaches and Applications*. Schneider R., Hartner M. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2012, 253 p.
- Chilton 2014 — Chilton P. *Language, Space and Mind: The Conceptual Geometry of Linguistic Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, 325 p.
- Cognitive Approaches 2008 — *Cognitive Approaches to Pedagogical Grammar*. De Knop S., De Rycker A. T. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2008, 444 p.
- Cognitive Control 2016 — *Cognitive Control and Consequences of Multilingualism*. Schwieter J. W. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2016, 453 p.
- Cognitive Grammar 2014 — *Cognitive Grammar in Literature*. Harrison C., Nuttall L., Stockwell P., Yuan W. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2014, 255 p.
- Cognitive Linguistics 2003 — *Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages*. Casad E. H., Palmer G. B. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2003, 453 p.
- Cognitive Linguistics 2004 — *Cognitive Linguistics, Second Language Acquisition, and Foreign Language Teaching*. Achard M., Niemeier S. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2004, 283 p.
- Cognitive Linguistics 2006 — *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Geeraerts D. (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2006, 485 p.

- Cognitive Linguistics 2010 — *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory*. Hart C., Lukeš D. (eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2010, 275 p.
- Cognitive Linguistics 2011 — *Cognitive Linguistics: Convergence and Expansion*. Brdar M., Gries S. Th., Žic Fuchs M. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2011, 362 p.
- Cognitive Linguistics 2013 — *Cognitive Linguistics and Translation: Advances in Some Theoretical Models and Applications*. Rojo A., Ibarretxe-Antuñano I. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2013, 421 p.
- Cognitive Linguistics 2015 — *Cognitive Linguistics and Sociocultural Theory: Applications for Second and Foreign Language Teaching*. Masuda K., Arnett C., Labarca A. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2015, 283 p.
- Cognitive Perspectives 2016 — *Cognitive Perspectives on Bilingualism*. Reif M., Robinson J. A. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2016, 241 p.
- Cognitive Poetics 2009 — *Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps*. Brône G., Vandaele J. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2009, 560 p.
- Cognitive Sociolinguistics 2008 — *Cognitive Sociolinguistics: Language Variation, Cultural Models, Social Systems*. Kristiansen G., Dirven R. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2008, 545 p.
- Cognitive Sociolinguistics 2014 — *Cognitive Sociolinguistics: Social and Cultural Variation in Cognition and Language Use*. Pütz M., Robinson J. A., Reif M. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ., 2014, 214 p.
- Cognitive Stylistics 2002 — *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*. Semino E., Culpeper J. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2002, 333 p.
- Corpus-based Approaches 2006 — *Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy*. Gries S. Th., Stefanowitsch A. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2006, 352 p.
- Croft, Cruse 2004 — Croft W., Cruse D. A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 356 p.
- Csatár 2014 — Csatár P. *Data Structure in Cognitive Metaphor Research*. Frankfurt-am-Main et al.: Peter Lang Publ., 2014, 154 p.
- Dancygier 2015 — Dancygier B. *The Language of Stories: A Cognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 242 p.
- De Landtsheer 2010 — De Landtsheer C. “Crisis Style or Radical Rhetoric?: The Speech by Diab Abou Jahjah, Leader of the Arab European League (AEL)”. *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory*. Hart C., Lukeš D. (eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2010, pp. 57–80.
- Deckert 2013 — Deckert M. *Meaning in Subtitling: Toward a Contrasting Cognitive Semantic Model*. Frankfurt-am-Main et al.: Peter Lang Publ., 2013, 274 p.
- Defining Metonymy 2011 — *Defining Metonymy in Cognitive Linguistics: Towards a Consensus View*. Benczes R., Barcelona A., Ruiz de Mendoza F. J. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2011, 284 p.
- Deignan 2005 — Deignan A. *Metaphor and Corpus Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2005, 236 p.
- Denroche 2014 — Denroche C. *Metonymy and Language: A New Theory of Linguistic Processing*. London: Routledge Publ., 2014, 218 p.
- Endangered Metaphors 2012 — *Endangered Metaphors*. Idström A., Piirainen E. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2012, 376 p.
- Enfield et al. 2006 — Enfield N. J., Majid A., Staden M. van “Cross-linguistic Categorization of the Body: Introduction”. *Language Sciences*. 28, 2–3, 2006: 137–147.
- Evans, Green 2006 — Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publ., 2006, 830 p.
- Evans, Wilkins 1998 — Evans N., Wilkins D. *The Knowing Ear: An Australian Test of Universal Claims about the Semantic Structure of Sensory Verbs and Their Extension into the Domain of Cognition*. Köln: Institut für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln Publ., 1998, 63 p. (Institut für Sprachwissenschaft Universität zu Köln. Arbeitspapier № 32).
- Fauconnier 1985 — Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. Cambridge (MA): M. I. T. Press, 1985, 240 p.

- Fostering Language 2010 — *Fostering Language Teaching Efficiency through Cognitive Linguistics*. De Knop S., Boers F., De Rycker A. T. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2010, 410 p.
- From Conceptual 2014 — *From Conceptual Metaphor Theory to Cognitive Ethnolinguistics*. Kuzniak M., Libura A., Szawerna M. (eds.). Frankfurt-am-Main et al.: Peter Lang Publ., 2014, 288 p.
- Genre in Language 2016 — *Genre in Language, Discourse and Cognition*. Stukker N., Spooren W., Steen G. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2016, 429 p.
- Gibbs, Colston 2012 — Gibbs R. W., Colston H. L. *Interpreting Figurative Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 384 p.
- Handbook 2015 — *Handbook of Cognitive Linguistics*. Dabrowska E., Divjak D. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2015, 640 p.
- Hart 2010 — Hart C. *Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse*. Basingstoke: Palgrave Macmillan Publ., 2010, 219 p.
- Historical Cognitive Linguistics 2010 — *Historical Cognitive Linguistics*. Winters M. E., Tissari H., Allan K. L. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2010, 360 p.
- Johnson-Laird 1983 — Johnson-Laird P. N. *Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 528 p.
- Koptjevskaja-Tamm 2016 — Koptjevskaja-Tamm M. “The Lexical Typology of Semantic Shifts: An Introduction”. *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2016, pp. 1–20.
- Kövecses 2005 — Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 314 p.
- Kövecses 2015 — Kövecses Z. *Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor*. Oxford: Oxford University Press, 2015, 232 p.
- Kövecses, Radden 1998 — Kövecses Z., Radden G. “Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View”. *Cognitive Linguistics*. 9, 1, 1998: 37–78.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 632 p.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 256 p.
- Langacker 1987 — Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987, 540 p.
- Lee 2001 — Lee D. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2001, 240 p.
- Linguistics 2007 — *Linguistics: An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences*. 45, 5–6, 2007: 847–1163.
- Metaphor and Discourse 2015 — *Metaphor and Discourse*. Musolff A., Zinken J. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan Publ., 2015, 269 p.
- Metaphor and Intercultural Communication 2014 — *Metaphor and Intercultural Communication*. Musolff A., MacArthur F., Pagani G. (eds.). London: Bloomsbury Publ., 2014, 248 p.
- Metaphor and Metonymy 2000 — *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Barcelona A. (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2000, 356 p.
- Metaphor and Metonymy 2002 — *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Dirven R., Pörings R. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2002, 605 p.
- Metaphor and Metonymy 2014 — *Metaphor and Metonymy across Time and Cultures: Perspectives on the Sociohistorical Linguistics of Figurative Language*. Díaz-Vera J. E. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter Publ., 2014, 350 p.
- Metonymy and Metaphor 2009 — *Metonymy and Metaphor in Grammar*. Panther K.-U., Thornburg L. L., Barcelona A. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2009, 423 p.
- Metonymy and Pragmatic Inferencing 2003 — *Metonymy and Pragmatic Inferencing*. Panther K.-U., Thornburg L. L. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2003, 280 p.
- Miller, Johnson-Laird 1976 — Miller G., Johnson-Laird P. *Language and Perception*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1976, 760 p.
- Mischler 2013 — Mischler J. J., III. *Metaphor across Time and Conceptual Space: The Interplay of Embodiment and Cultural Models*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2013, 237 p.

- Mixing Metaphors 2016 — *Mixing Metaphors*. Gibbs R. W., Jr. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2016, 269 p.
- Multimodality 2015 — *Multimodality and Cognitive Linguistics*. Pinar Sanz M. J. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2015, 212 p.
- Ostermann 2015 — Ostermann C. *Cognitive Lexicography: A New Approach to Lexicography Making Use of Cognitive Semantics*. Berlin: de Gruyter Publ., 2015, XII, 380 p. (Lexicographica. Series Maior. Vol. 149).
- Peirsman, Geeraerts 2006 — Peirsman Y., Geeraerts D. "Metonymy as a prototypical category". *Cognitive Linguistics*. 17, 3, 2006: 269–316.
- Perception and Cognition 2013 — *Perception and Cognition in Language and Culture*. Aikhenvald A. Y., Storch A. (eds.). Leiden; Boston: Brill Publ., 2013, 279 p.
- Quantitative Methods 2010 — *Quantitative Methods in Cognitive Semantics: Corpus-Driven Approaches*. Glynn D., Fischer K. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2010, 395 p.
- Steen 2007 — Steen G. J. *Finding Metaphor in Grammar and Usage: A Methodological Analysis of Theory and Research*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2007, 430 p.
- Stockwell 2002 — Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge Publ., 2002, 208 p.
- Sullivan 2013 — Sullivan K. *Frames and Constructions in Metaphoric Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2013, 184 p.
- Sweetser 1990 — Sweetser E. *From Etymology to Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, 174 p.
- Textual Choices 2012 — *Textual Choices in Discourse: A View from Cognitive Linguistics*. Dancygier B., Sanders J., Vandelanotte L. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2012, 198 p.
- The Bloomsbury Companion 2014 — *The Bloomsbury Companion to Cognitive Linguistics*. Littlemore J., Taylor J. R. (eds.). London et al.: Bloomsbury Publ., 2014, 384 p.
- The Cognitive Linguistics Reader 2008 — *The Cognitive Linguistics Reader*. Evans V., Bergen B. K., Zinken J. (eds.). London: Equinox Publ., 2008, 992 p.
- The Oxford Handbook 2010 — *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2010, 1368 p.
- The Oxford Handbook 2015 — *The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies*. Zunshine L. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2015, 680 p.
- Thiering 2014 — Thiering M. *Spatial Semiotics and Spatial Mental Models: Figure-Ground Asymmetries in Language*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2014, 291 p.
- Tyler 2012 — Tyler A. *Cognitive Linguistics and Second Language Learning: Theoretical Basis and Experimental Evidence*. London: Routledge Publ., 2012, 264 p.
- Ungerer, Schmid 1996 — Ungerer F., Schmid H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London: Longman Publ., 1996, 400 p.
- Usage-based Approaches 2014 — *Usage-based Approaches to Language Change*. Coussé E., Mengden F. von (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2014, 275 p.
- Windows to the Mind 2011 — *Windows to the Mind: Metaphor, Metonymy and Conceptual Blending*. Handl S., Schmid H.-J. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2011, 314 p.
- Zalizniak et al. 2012 — Zalizniak A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. "The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology". *Linguistics*. 50, 3, 2012: 633–669.

Received: May 29, 2017

Accepted: November 27, 2017

Солнцева Елена Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11;
shelestelena@yandex.ru

Виды связности в медиадискурсе

Для цитирования: Солнцева Е. С. Виды связности в медиадискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 481–491. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.312>

В статье рассматриваются виды связности в медиадискурсе, анализируется, с чем и как связан современный медиатекст, прослеживаются характер и глубина этих связей, а также взаимовлияние таких свойств медиадискурса, как связность, гипертекстуальность и поликодовость. Материалом исследования послужили 100 немецко- и англоязычных публицистических текстов из электронных версий изданий «The New York Times» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung», которые на сегодняшний день считаются одними из самых авторитетных и читаемых СМИ по всему миру. Кроме того, в связи с выборами в США в ноябре 2016 г. рассматривается то, как знаковое событие отразилось в текстах, с одной стороны, американских изданий, а с другой — европейских, неанглоязычных. Внимание уделяется прежде всего сходству двух изданий в изучаемом аспекте. Выделяются четыре основных вида связности в медиадискурсе: локальная, глобальная, поликодовая и гипертекстуальная. Локальная связность исследуемых текстов в медиадискурсе маркируется в языке на лексико-семантическом уровне, в частности в характере номинаций. В случае со знаковыми событиями цепочки одинаковых или схожих номинаций охватывают уже не только ряд статей, но также и целые издания и, выходя за рамки отдельных предложений или текстов, начинают формировать глобальную, тематическую связность в медиадискурсе. Кроме того, медиатексты обнаруживают связность экстралингвистического характера. Она проявляется в наличии релевантных ссылок на новостные сообщения, а также нерелевантных ссылок на рекламу и социальные сети, которые позволяют делиться новостью и обсуждать ее с другими участниками веб-пространства. Медиатекст соединяется с другими ресурсами как в самом издании, так и за его пределами, поэтому можно говорить о наличии в медиадискурсе также гипертекстовой и поликодовой связности. Комплексный анализ разных видов связности на материале двух языков составляет новизну проведенного исследования. Таким образом, современный медиадискурс — многоплановое и очень пестрое образование, выполняющее функцию не только информирования, но и постоянной, прочной и во многом глобальной и бесконечной связи между всеми сферами человеческой жизни.

Ключевые слова: медиадискурс, связность, гипертекстуальность, поликодовость, английский язык, немецкий язык.

Медиадискурс, понятие, на сегодняшний день определяемое как все множество текстов СМИ, средства их создания и условия существования, «совокупность созданных профессиональными журналистами текстов, функционирующих в ме-

диапространстве» [Желтухина 2007], тем не менее остается достаточно широким и предоставляет определенную свободу для новых исследований [Кожемякин 2010].

В данной статье рассматриваются виды связности в медиадискурсе, анализируется, с чем и как связан современный медиатекст, прослеживаются характер и глубина этих связей, а также взаимовлияние таких свойств медиадискурса, как связность, гипертекстуальность и поликодовость. Материалом исследования послужили 100 немецко- и англоязычных публицистических текстов из электронных версий изданий «The New York Times» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung», которые на сегодняшний день считаются одними из самых авторитетных и читаемых СМИ по всему миру. Кроме того, в связи с выборами в США в ноябре 2016 г. представляется интересным проследить то, как такое знаковое событие отразилось в текстах, с одной стороны, американских изданий, а с другой — европейских, неанглоязычных. Внимание уделяется прежде всего сходству двух изданий в изучаемом аспекте.

В различных отечественных и зарубежных публикациях встречается множество характеристик медиадискурса, но в качестве важнейшего свойства всеми исследователями признается связность [Чернявская 2009; Милевская 2003; Коновалова 2015]. Ее основу формируют смысловые отношения в тексте, которые проявляются на двух уровнях: локальном и глобальном [Суховалова 2010]. В рамках данной статьи понятие «связность» трактуется обобщенно, в целом как способность медиатекстов обнаруживать не только лексико-грамматическую локальную связность на уровне предложений (когезия) [Rickheit, Schade 2000], но и более общую, смысловую, тематическую, или глобальную, связь (когерентность [Dijk 2013], или цельность) [Жучкова 2014]. В случае с электронными изданиями эта связь выходит за рамки отдельных текстов, рубрик или изданий и стремится далее, в бесконечное пространство сети Интернет [Лутовина 2009]. При выходе на уровень дискурса обнаруживаются связи другого рода, основанные на таких свойствах современных СМИ, как поликодовость и гипертекстуальность [Storrer 2008]. Поликодовость — свойство, реализуемое при добавлении в текст фото или видео, т. е. в текстах современных СМИ, публикующихся в сети Интернет, представлены самые разные виды информации — текстовая, аудиальная, визуальная [Чернявская 2009]. Гипертекстуальность — это способ организации интернет-пространства, при котором огромное множество документов, или, шире, единиц информации, соединяются и образуют уже не линейную, а многомерную структуру медиадискурса [Соболева 2014]. В современном медиадискурсе, который в значительной степени существует в электронном виде, эти два свойства обусловлены наличием экстралингвистической связности медиатекстов, поэтому возможно различать поликодовые и гипертекстуальные виды связности отдельно. Комплексный анализ разных видов связности на материале двух языков составляет новизну проведенного исследования.

Локальная связность исследуемых текстов в медиадискурсе маркируется в языке на лексико-семантическом уровне, в частности в характере номинаций. В случае со знаковыми событиями цепочки одинаковых или схожих номинаций охватывают уже не только ряд статей, но также и целые издания и, выходя за рамки отдельных предложений или текстов, начинают формировать **глобальную, тематическую связность** в медиадискурсе.

Удачным примером этому может служить феномен «трампизма», появившийся в СМИ в связи с прошедшими выборами в США, когда статьи всех рубрик и тематик так или иначе содержали упоминание нового лидера США. Например, передовица «The New York Times» содержала ссылки на следующие статьи:

- (1) **Vice President-Elect** Tapped for Contacts in Washington
Vice President-elect Mike Pence will take over the job of **leading Donald J. Trump's** transition effort from **Gov. Chris Christie** [NYT 08.11.2016].
«Избранный вице-президент налаживает контакты в Вашингтоне
Избранный вице-президент Майк Пенс возглавит переход к правлению Дональда Дж. Трампа, сменив губернатора Криса Кристи»¹;
- (2) **Trump** Turns to His Right Flank to Fill National Security Posts
President-elect **Donald J. Trump** moved quickly on Friday to begin filling national security posts at the top echelons of his administration, selecting a group of hawks and campaign loyalists who reflect the hard-line views that defined his run for president [NYT 18.11.2016];
«Трамп обращается к правым, чтобы назначить на посты в национальной службе безопасности
В пятницу избранный президент Дональд Дж. Трамп начал быстро назначать на посты национальной службы безопасности в верхних эшелонах своей администрации, выбрав группу милитаристов и лоялистов, которые придерживаются того же жесткого курса, что был характерен для президентской кампании»;
- (3) For Partners of **Trump** in India: '**President-Elect** Branded' Bump
Developers who have built two **Trump**-branded towers in India met with **President-elect Donald J. Trump** last week, and one of them confirmed that they discussed future deals with the Trump family [NYT 20.11.2016].
«Партнерам Трампа в Индии: Бум по имени „Избранный президент“
Застройщики, воздвигшие два небоскреба для семьи Трампов в Индии, встретились с избранным президентом Дональдом Дж. Трампом на прошлой неделе, один из них подтвердил, что речь шла о будущих сделках с семьей Трамп».

На передовице каждая из этих ссылок представлена в виде заголовка-гиперссылки, подзаголовка, или первого абзаца статьи, а также дополнительно еще в виде одной-двух ссылок на статьи похожей тематики. Как видно из примеров, основные номинации связаны с фигурой нового президента США (*leading Donald J. Trump, Trump, President-elect Donald J. Trump*), и цепочки этих номинаций составляют основу повествования.

Упоминание *Mr. Trump* встречается среди других номинаций из области политики: *Vice President-Elect, Gov. Chris Christie* (пример 1), *Right Flank, National Security Posts, hawks and campaign loyalists* (пример 2), *Trump University Settlement* (пример 3), относящихся к различным сферам деятельности главного действующего лица повествования. Они создают цепочки номинаций, в которых прослеживаются основные факты новостного сообщения.

То же находим на страницах немецкого издания «Frankfurter Allgemeine Zeitung»:

¹ Здесь и далее перевод примеров на русский язык принадлежит автору статьи.

(4) Wieder **Proteste gegen Trump**

Am dritten Tag in Folge gehen in mehreren amerikanischen Städten einige Tausend Menschen auf die Straße, um gegen **Donald Trump** zu protestieren. Für Sonntag ist eine große Demonstration in New York geplant [FAZ, 12.11.2016].

«Снова протесты против Трампа

Третий день подряд в нескольких американских городах тысячи людей выходят на улицы, чтобы протестовать против Дональда Трампа. На воскресенье запланирована большая демонстрация в Нью-Йорке»;

(5) **Donald Trump** ernennt **Pence** zum **Teamleiter**

Donald Trump trifft wichtige Personalentscheidungen. Erster Akt: Mike Pence übernimmt die Leitung des Übergangsteams. Sein Vorgänger ist ein zu großes Risiko für **Trump** [FAZ, 12.11.2016].

«Дональд Трамп назначает Пенса главой команды

Дональд Трамп принимает важные кадровые решения. Первое: Майк Пенс принимает руководство переходной командой. Его предшественник для Трампа — слишком большой риск»;

(6) Ist **Clinton** doch **die heimliche Präsidentin**?

Hillary Clinton hat landesweit mehr **Stimmen** bekommen als **Donald Trump**. Müsste deswegen sie und nicht er **Präsident** werden? [FAZ, 11.11.2016].

«Клинтон все же тайный президент?

Хиллари Клинтон получила в целом по стране больше голосов, чем Дональд Трамп. Может, поэтому она, а не он, должна стать президентом?»

Имя собственное *Trump* используется как самостоятельно, так и включенным в другие номинации: *Proteste gegen Trump* (пример 4). При этом само имя не содержит в заголовках и подзаголовках никаких дополнительных компонентов, таких как характеристики через прилагательные, причастия и т.п., т.е. в самой номинации лица сохраняется нейтральная оценка главного персонажа. Некоторую долю оценки приносят такие номинации, как *eine große Demonstration in New York* (пример 4), *Mike Pence, Teamleiter* (пример 5), *Hillary Clinton, die heimliche Präsidentin* (пример 6). Они окружают номинацию *Trump* и связаны с реакцией на результаты выборов. Эти номинации также относятся к сфере политики и маркируют круг вопросов, обсуждаемых именно в той или иной статье, при этом общим остаются постоянные отсылки к имени нового президента.

Он упоминается также в статьях из разделов, посвященных другим темам, в частности медицине, бизнесу, культуре и др., — таким образом, присутствует глобальная связность многих рубрик и тем издания с основной актуальной темой. Например, это видно в заголовке и подзаголовке статьи о здравоохранении из «The New York Times» (пример 7), а также в статье из рубрики «Business» («Бизнес») (пример 8):

(7) **Trump** Says He May Keep Parts of Obama **Health Care Act**

Mr. Trump indicated he would like to keep a provision that forces **insurers** to cover people with pre-existing conditions and another that allows parents to cover children into their mid-20s [NYT, 20.11.2016].

«Трамп утверждает, что может частично сохранить закон Обамы о здравоохранении

Мистер Трамп сообщил, что хотел бы оставить в силе то положение, которое вынуждает страховщиков покрывать расходы людей с уже имеющимися заболеваниями, и то, которое позволяет родителям покрывать расходы детей до их 25-летия»;

(8) **Businesses, Legal Fights and the Presidency**

Mr. Trump's financial dealings and vast web of businesses pose a number of potential conflicts as he prepares to lead the country [NYT, 20.11.2016].

«Бизнес, правовые споры и президентство

Финансовые дела и обширная бизнес-сеть мистера Трампа могут спровоцировать ряд конфликтов в связи с его подготовкой к вступлению в должность президента».

Лингвистически связь маркируется в цепочках номинаций главного действующего лица (*Trump*), а также в номинациях, относящихся к лексико-семантическим полям данной рубрики. Так, в частности, для статьи из области медицины упоминается *Health Care Act, insurers* (пример 7), а для статьи о бизнесе *Businesses, financial dealings, vast web of businesses* (пример 8).

Упоминания нового президента присутствуют и в части статей, не связанных с политикой напрямую, например на тему современных технологий (пример 9) или спорта (пример 10):

(9) **Technology**

Daily Report: Online Media That Helped Make **Trump**

Partisan news sites that were clever with social media had a strong effect on the **presidential campaign**. What does that mean for the news business? [NYT, 08.11.2016].

«Технология

Ежедневный отчет: Онлайн-пресса, которая помогла становлению Трампа

Партийные новостные сайты, которые догадались сотрудничать с социальными СМИ, сильно повлияли на президентскую кампанию. Что это значит для новостного бизнеса?»;

(10) **Sport**

Emboldened N. B. A. Coaches Rip **Donald J. Trump's** Rhetoric

Gregg Popovich, Stan Van Gundy and Steve Kerr have openly criticized **Mr. Trump** since he won **the presidential election** [NYT, 08.11.2016].

«Спорт

Смелые тренеры НБА рвут риторику Дональда Дж. Трампа

Грегг Попович, Стэн Ван Ганди и Стив Керр открыто критикуют мистера Трампа с того момента, как он выиграл президентские выборы».

Номинации лица *Trump, Donald J. Trump, Mr. Trump* и президентской кампании *the presidential campaign, the presidential election* в соседстве с такими номинациями, как *Online Media, Partisan news sites, social media, the news business* (пример 9) или *N. B. A. Gregg Popovich, Stan Van Gundy and Steve Kerr* (пример 10), связывают темы, на первый взгляд не имеющие ничего общего.

В немецком издании «Frankfurter Allgemeine Zeitung» также встречается подобный удаленный характер связности:

(11) Finanzen

Er hat nach **Trumps Sieg Hunderte Millionen mit Aktien** gewonnen

Viele Fachleute sagten starke **Kurseinbrüche** infolge einer **Wahl Trumps** voraus. Passiert ist das Gegenteil. **Einer seiner Unterstützer** verließ die **Wahlparty**, um groß einzusteigen [FAZ, 11.11.2016].

«Финансы

Он выиграл сотни миллионов на акциях после победы Трампа

Многие эксперты предсказывали сильные падения курсов после выборов Трампа. Но произошло противоположное. Один из его сторонников покинул вечеринку в честь выборов, чтобы разбогатеть»;

(12) Menschen

Mexikanerin in Amerika: „Mein Herz ist voller Angst“

Wie fühlt es sich an, jetzt als Mexikanerin in **Trumps Amerika** zu leben? Eine Mutter fürchtet den Tag, an dem ihr Sohn in den Kindergarten kommt. Hier spricht sie über ihre Ängste [FAZ, 11.11.2016].

«Люди

Мексиканка в Америке: „Мое сердце полно страха“

Как чувствуешь себя сейчас, если ты мексиканка и живешь в Америке при Трампе? Мать боится того дня, когда ее сын пойдет в детский сад. Она говорит здесь о своих страхах»;

(13) Feuilleton

Hillary Clintons Rhetorik: Wie gratuliert man **Donald Trump**?

Monatelang hieß es, **Amerikas politische Kultur** sei am Ende und mit **Trump** drohe der **Weltuntergang**. Warum also jetzt tapfer die rhetorische Form wahren, als sei alles nicht so gemeint gewesen? [FAZ, 11.11.2016].

«Фельетон

Риторика Хиллари Клинтон: Как поздравляют Дональда Трампа

На протяжении месяцев утверждалось, что политической культуре в Америке пришел конец и с Трампом им угрожает апокалипсис. Зачем даже сейчас смело придерживаться этого риторической формы, если речь шла о другом?»

В представленных трех примерах (11–13) видно, что номинация *Trump* сама по себе уже не встречается, вместо этого она все чаще включается в другие номинации, относящиеся, как и в англоязычном издании, к теме финансов, общества, культуры (в немецкоязычной рубрике «Feuilleton» («Фельетон»)). Если выстроить цепочку номинаций, видно, как автор постепенно уходит от собственно политической темы к другим новостям:

- пример 11: *Trumps Sieg — Hunderte Millionen — Aktien — Wahl Trumps — Kurseinbrüche — Einer seiner Unterstützer — Wahlparty*;
- пример 12: *Mexikanerin in Amerika — Herz... voller Angst — Mexikanerin in Trumps Amerika — Eine Mutter — ihr Sohn — Kindergarten — ihre Ängste*;
- пример 13: *Hillary Clintons Rhetorik — Donald Trump — Amerikas politische Kultur — Trump — Weltuntergang — die rhetorische Form*.

В этом случае имя Трампа становится своеобразным толчком для освещения новых происшествий. Знаковое событие придает связности медиатекстов черты глобальности и бесконечности.

В отношении **гипертекстовых связей** в анализируемых изданиях можно отметить, например, релевантные ссылки — переходы на другие статьи по теме. Так, в «The New York Times» правее основного текста статьи добавляется раздел «Related Coverage» («Еще по теме»), содержащий названия похожих по тематике статей. Для статьи, посвященной футболу, это следующие ссылки:

- (14) Before **U. S. and Mexico Play, Fans Push for Respect** in a Charged Atmosphere [NYT, 11.11.2016].
«Перед игрой США против Мексики фанаты настаивают на взаимоуважении в накаленной обстановке»;
- (15) 'It Is America. But I Want to **Play in Mexico**.' [NYT, 11.11.2016].
«Это Америка. Но я хочу играть в Мексике»;
- (16) **U. S. Is Hosting Mexico** Again? Road Trip to Columbus! [NYT, 11.11.2016].
«США опять принимает Мексику? Путешествие в Колумбус!»

Такие статьи представлены только заголовками, но даже в небольшом текстовом фрагменте присутствуют номинации заданной тематики (*Play, Fans*). Имена собственные *U. S. u Mexico* употребляются как субъекты предложения в сочетании с глагольными формами *play, is hosting*, это позволяет идентифицировать такие имена собственные как названия футбольных клубов, а не как названия государств.

Статьи из «Frankfurter Allgemeine Zeitung» также содержат раздел «Mehr zum Thema» («Еще по теме») или «Weitere Empfehlungen» («Рекомендуем также»), включающий перечень других статей похожей тематики. Так, в конце статьи, посвященной новому роману о беженцах, можно встретить следующие ссылки:

- (17) CSU-Politiker warnt
Familiennachzug größeres Problem als neue Flüchtlinge [FAZ, 29.12.2016].
«Политик Христианско-социального союза предупреждает
Воссоединение семей — проблема серьезнее, чем новые беженцы»;
- (18) Berlin-Attentäter
Amri bekannte sich per Video zum IS [FAZ, 29.12.2016].
«Берлинские террористы
Амри делает признание в видео Исламского государства»;
- (19) Oguz Atys Roman Die Haltlosen
Was habe ich in dieser Wohnung noch verloren? [FAZ, 29.12.2016].
«Роман Огуза Атиса „Беспринципные“
Что еще я оставил в этой квартире?»

Интересно отметить, что аналогичные элементы различаются по структуре в англо- и немецкоязычном издании. В «The New York Times» ссылка представляет собой только название релевантной статьи и дату ее выхода, в то время как во «Frankfurter Allgemeine Zeitung» печатается название раздела (*CSU-Politiker warnt, Berlin-Attentäter, Oguz Atys Roman Die Haltlosen*), далее название статьи, а также включаются подзаголовок, дата выхода и иногда имя автора. Кроме того, релевантность таких статей относительна: новые ссылки содержат номинации из области политики (*CSU-Politiker*) или общества (*Flüchtlinge, Berlin-Attentäter*), а не только из области культуры (*Oguz Atys Roman*).

Среди дополнительных сведений, отображающихся в статье, могут присутствовать как релевантные блоки, описанные выше, так и менее релевантные. Например, анализируемые издания предлагают подписку на новости (пример 20) или более подробное знакомство с изданием (пример 21):

(20) **Sign Up** for the Sports Newsletter

Get the big sports news, highlights and analysis from Times journalists, with distinctive takes on games and some behind-the-scenes surprises, delivered to your inbox every week [NYT, 12.11.2016].

«Подписывайтесь на спортивные новости

Узнавайте главные новости спорта, тренды и комментарии журналистов „Таймс“, всё об играх и закадровых сюрпризах, каждую неделю по электронной почте»;

(21) Nichts mehr verpassen

Frankfurter Allgemeine Stil auf Facebook [FAZ, 29.12.2016].

«Больше ничего не пропускать

Стиль Франкфуртер Альгемайне на „Фейсбук“».

Кроме того, статьи часто содержат ссылки на видео-, аудио- и фотофрагменты. В этом случае в медиатексте проявляются **поликодовые связи** путем включения релевантных фрагментов аудио-, фото- и видеорядов по теме сообщения, а также и нерелевантных блоков рекламы, которая не относится непосредственно к обсуждаемому в статье. Например, в разделе «From Our Advertisers» («От наших рекламодателей») даются реклама изумрудов в статье о футболе (пример 22) или реклама Федерального министерства по труду и социальным вопросам Германии в статье о стиле жизни (пример 23):

(22) MUZO Curious about **Emeralds**? Find out more about Colombia's gem-cutting tradition [NYT 12.11.2016].

«МУЗО Интересуют изумруды? Узнайте больше о колумбийских традициях огранки»;

(23) Mehr möglich machen. Weniger behindern [FAZ 01.12.2016].

«Сделать возможным больше. Меньше мешать».

Имеются также широчайшие возможности коммуникации и практически мгновенной реакции на события, их немедленного обсуждения в социальных сетях. Каждая статья «The New York Times» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung» независимо от тематики имеет иконки-ссылки на «Facebook», «Instagram», а также ссылки, позволяющие отправить статью по электронной почте или распечатать:

(24) Share Tweet Email More Save [NYT, 29.12.2016].

«Поделиться Твитнуть Отправить по электронной почте Еще Сохранить»;

(25) Teilen Twittern E-mailen Merken Empfehlen [FAZ, 29.12.2016].

«Поделиться Твитнуть Отправить по электронной почте Отметить Рекомендовать».

Эти возможности вообще не относятся к основной теме сообщения, т. е. нерелевантны по сути, однако же очень актуальны в эпоху онлайн-общения и также формируют практически бесконечные связи в медиадискурсном пространстве.

Подводя итог, можно отметить, что локальная связность в медиадискурсе, выражаемая номинациями, относящимися к теме сообщения, становится основой для глобальной связности, когда знаковые события проникают во многие сферы жизни общества. Лингвистически это находит отражение в постоянном повторении номинаций, связанных с главным событием, на протяжении нескольких статей, в разных изданиях и в статьях на самые разные темы.

Медиатексты также обнаруживают связность экстралингвистического характера. Она проявляется в наличии релевантных ссылок на новостные сообщения, а также нерелевантных ссылок на рекламу и социальные сети, которые позволяют делиться новостью и обсуждать ее с другими участниками веб-пространства. Медиатекст соединяется с другими ресурсами как в самом издании, так и за его пределами, поэтому можно говорить о наличии в медиадискурсе также гипертекстовой и поликодовой связности.

Таким образом, современный медиадискурс — многоплановое и очень пестрое образование, выполняющее не только функцию информирования, но и постоянной, прочной и во многом глобальной и бесконечной связи между всеми сферами человеческой жизни. В этом случае собственно лингвистический компонент, хотя и остается фундаментальным условием связности, но уже не является ее единственным маркером. Медиадискурс выходит за рамки собственно языкового явления и включает в себя элементы более широкого порядка.

Источники

- FAZ — *Frankfurter Allgemeine [Zeitung]*. URL: <http://www.faz.net/> (даты обращения: 11.11.2016, 12.11.2016, 01.12.2016, 29.12.2016).
NYT — *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/> (даты обращения: 08.11.2016, 11.11.2016, 18.11.2016, 20.11.2016, 29.12.2016).

Литература

- Желтухина 2007 — Желтухина М. Р. “О содержании дискурса масс-медиа”. *Вісник Луганського пед. ун-ту ім. Т. Шевченка. Серія «Філологічні науки»*. 11 (128), ч. 1, 2007: 27–40.
Жучкова 2014 — Жучкова И. И. “О сущности и специфике использования терминов «cohesion» (связность) и «coherence» (цельность) в англоязычном и русском языкознании”. *Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та*. 3 (29), 2014: 155–159.
Кожемякин 2010 — Кожемякин Е. А. “Массовая коммуникация и медиадискурс: К методологии исследования”. *Научные ведомости Белгородского гос. ун-та*. Серия «Гуманитарные науки». 6 (12), 2010: 13–21.
Коновалова 2015 — Коновалова М. В. “Медиадискурс и подходы к его изучению”. *Вестник Челябинского гос. ун-та: Филологические науки*. 27 (382), 2015: 101–108.
Лутовинова 2009 — Лутовинова О. В. *Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса*. Волгоград: Перемена, 2009, 476 с.
Милевская 2003 — Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты). Ростов н/Д.: Ростовский гос. пед. ун-т, 2003, 386 с.
Соболева 2014 — Соболева О. В. “К проблеме определения понятия «гипертекстуальность»”. *Вестник Челябинского гос. ун-та: Филология. Искусствоведение*. 7 (336), 2014: 72–75.
Суховалова 2010 — Суховалова Е. А. “Категории когезии и когерентности в контексте англоязычного политического дискурса”. *Вестник Московского гос. лингвистич. ун-та: Языкознание*. 8 (587), 2010: 40–49.

- Чернявская 2009 — Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие*. М.: Либро-Ком, 2009, 284 с.
- Dijk 2013 — Dijk T. A. van. *News as Discourse*. S.l.: Routledge, 2013, 208 p.
- Rickheit, Schade 2000 — Rickheit G., Schade U. “Kohärenz und Kohäsion”. *Text- und Gesprächslinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Brinker K. et al. (Hrsg.). Vol. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000, SS. 275–283.
- Storrer 2008 — Storrer A. “Hypertextlinguistik”. *Textlinguistik: 15 Einführungen*. Janich N. (Hrsg.). Tübingen: Gunter Narr, 2008, SS. 315–332. (Narr Studienbücher).

Статья поступила в редакцию 8 января 2017 г.
Статья рекомендована в печать 14 апреля 2017 г.

Solntseva Elena Sergeevna

St. Petersburg State University,
11, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
shelestelena@yandex.ru

Types of coherence in media discourse

For citation: Solntseva E.S. Types of coherence in media discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 481–491. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.312> (In Russian)

The article touches upon the types of coherence in media discourse that mean how modern media texts are connected with each other. The main attention is paid to the correlation between coherence, hypertextuality and multimodality. The examples are taken from 100 articles of English and German online issues, “The New York Times” and “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, as they are among the most reputable and popular mass media around the world. Moreover, regarding the elections in the USA in 2016 it becomes of interest to follow how this remarkable event found its reflection in American texts, on the one hand, and in the European non-English ones, on the other. The coherence between the media texts is provided mainly by four types of coherence, such as local, global, hypertextual and multimodal coherence. Local coherence is based on the consistency of subject and naming units, in this case the naming units of the most important event become the base of the text and create the correlation between media texts of different subjects and different issues, turning the local coherence into the global one. Furthermore, the media texts are connected by extralinguistic means, the hyperlinks and multimodal elements in particular. The hyperlinks and the multimodal structure in a modern media text form the coherence of media with other network resources. These can be relevant links to other news articles or irrelevant ones to adverts or social networks providing greater possibilities to discuss an event within the online space. The new and original approach presented in the article is in the integrated analysis of different types of coherence in mass media on examples taken from two languages. Regarding this we deal with media discourse as a widespread, multistructural and infinite phenomenon establishing solid global coherence between all spheres of people’s life.

Keywords: media discourse, coherence, hypertextuality, multimodal text, English, German.

Sources

- FAZ — *Frankfurter Allgemeine [Zeitung]*. URL: <http://www.faz.net/> (accessed dates: 11.11.2016, 12.11.2016, 01.12.2016, 29.12.2016).
- NYT — *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/> (accessed dates: 08.11.2016, 11.11.2016, 18.11.2016, 20.11.2016, 29.12.2016).

References

- Желтухина 2007 — Zheltukhina M. R. “O sodержanii diskursa mass-media [On the Content of the Discourse of the Media]”. *Visnik Lugans'kogo ped. un-tu im. T. Shevchenka* [Bulletin of Lugansk Pedagogical University named after T. Shevchenko]. Seriiia «Filologichni nauki» [Series “Philological Sciences”]. 11 (128), part 1, 2007: 27–40. (In Russian)
- Жучкова 2014 — Zhuchkova I. I. “O sushchnosti i spetsifike ispol'zovaniia terminov «cohesion» (sviaznost') i «coherence» (tsel'nost') v angloiazychnom i russkom iazykoznanii [On the Implications and Characteristic Aspects of the Terms “Cohesion” and “Coherence” in the English and Russian Linguistics]”. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gos. un-ta* [Science Vektor of Togliatti State University]. 3 (29), 2014: 155–159. (In Russian)
- Кожемякин 2010 — Kozhemiakin E. A. “Massovaia kommunikatsiia i mediadiskurs: K metodologii issledovaniia [Mass Communication and Media Discourse: To the Methodology of Research]”. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta* [Bulletin of Belgorod State University]. Seriiia «Gumanitarnye nauki» [Series “Scientific Humanities”]. 6 (12), 2010: 13–21. (In Russian)
- Коновалова 2015 — Konovalova M. V. “Mediadiskurs i podkhody k ego izucheniiu [Media Discourse and Approaches to Its Study]”. *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta: Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University: Philology Sciences]. 27 (382), 2015: 101–108. (In Russian)
- Лутовинова 2009 — Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguistic and Cultural Characteristics of Virtual Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2009, 476 p. (In Russian)
- Милевская 2003 — Milevskaia T. V. *Sviaznost' kak kategoriia diskursa i teksta (kognitivno-funktsional'nyi i kommunikativno-pragmaticheskii aspekty)* [Coherence as a Category of Discourse and Text (Cognitive-functional and Communicative-pragmatic Aspects)]. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University Press, 2003, 386 p. (In Russian)
- Соболева 2014 — Soboleva O. V. “K probleme opredeleniia poniatiiia «gipertekstual'nost'» [Towards Defining the Concept of “Hypertextuality”]”. *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta: Filologiiia. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University: Philology. Art Theory]. 7 (336), 2014: 72–75. (In Russian)
- Суховалова 2010 — Sukhvalova E. A. “Kategorii kogezi i kogerentnosti v kontekste angloiazynogo politicheskogo diskursa [Categories of Cohesion and Coherence in the Context of English-language Political Discourse]”. *Vestnik Moskovskogo gos. lingvistich. un-ta: Iazykoznanie* [Bulletin of Moscow State Linguistic University: Humanities]. 8 (587), 2010: 40–49. (In Russian)
- Чернявская 2009 — Cherniavskaia V. E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the Text: Polycodicity, Intertextuality, Interdiscursivity]. Moscow: Libro-Kom Publ., 2009, 284 p. (In Russian)
- Dijk 2013 — Dijk T. A. van. *News as Discourse*. [S.l.]: Routledge, 2013, 208 p. (In English)
- Rickheit, Schade 2000 — Rickheit G., Schade U. “Kohärenz und Kohäsion”. *Text- und Gesprächslinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Brinker K. et al. (Hrsg.). Vol. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000, SS. 275–283.
- Storrer 2008 — Storrer A. “Hypertextlinguistik”. *Textlinguistik: 15 Einführungen*. Janich N. (Hrsg.). Tübingen: Gunter Narr, 2008, SS. 315–332. (Narr Studienbücher).

Received: January 8, 2017

Accepted: April 14, 2017

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 32.019.5;81.161.1

Балахонская Людмила Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
l.balakhonskaya@spbu.ru

Быков Илья Анатольевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
i.bykov@spbu.ru

Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы»

Для цитирования: Балахонская Л. В., Быков И. А. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 492–506. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.313>

Статья посвящена исследованию видов речевой агрессии в политических блогах, а также изучению влияния речевой агрессии в постах на интенсивность читательской реакции. Основной целью эмпирической части исследования стало описание видов речевой агрессии в политических блогах на интернет-сайте радиостанции «Эхо Москвы» в период активной фазы военного конфликта на востоке Украины в октябре 2014 г. Всего было проанализировано 164 поста, относящихся к этой теме, и учтено почти 40 тыс. комментариев. В результате проведенного контент-анализа был сделан вывод о значительном преобладании постов с использованием речевой агрессии (более 80%) и установлена зависимость уровня интереса к содержанию поста (по количеству ответных комментариев) от наличия речевой агрессии. Исследование показало, что бинарное противопоставление «мы — они» стало фундаментальным принципом организации анализируемых текстов, а вербальная агрессия выступает в качестве доминирующей коммуникативной стратегии. Коммуникативная стратегия речевой агрессии реализуется с помощью тактики дискредитации политических оппонентов, тактики оскорбления (в том числе по этническим признакам), тактики обвинения (в том числе в непрофессионализме), тактики унижения, тактики угрозы или предостережения, тактики негативного прогноза развития событий и др. Среди средств речевой агрессии авторы выделили две основные группы: эксплицитные, выраженные в явной, открытой форме,

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

и имплицитные, неявные, но опознаваемые в результате некоторых логических процедур. К эксплицитным средствам речевой агрессии в статье отнесены прежде всего лексические средства (в том числе окказионализмы), выражающие негативную оценку, стилистически сниженные лексические единицы (разговорная, просторечная лексика, жаргонизмы, инвективы). Имплицитно средства речевой агрессии проявляются в виде пресуппозиций, иронии, сарказма, языковой демагогии, метафор, несобственно-прямых вопросов и других.

Ключевые слова: речевая агрессия, дискредитация оппонентов, политический блогинг, политическая коммуникация, политический конфликт, журналистика.

Введение

В современной российской политике все более значимую роль играет политическая коммуникация в интернете [Быков 2013]. Эта тенденция сформировалась в конце 1990-х годов и особенно усилилась в последнее десятилетие. При этом следует отметить, что Интернет используется самыми разными политическими игроками. С одной стороны, представителей доминирующей в России политической партии «Единая Россия» можно отнести к лидерам в этой области [Yagodin 2012]. С другой стороны, другие политические акторы также стремятся использовать Интернет для достижения собственных политических целей [Bode, Makarychev 2013]. Накал политических дискуссий в Иинтернете зачастую приводит к значительному распространению такого явления, как речевая агрессия.

В свою очередь, демонстрация агрессивного поведения в любых видах СМИ, как правило, имеет негативные последствия для социума. Известный специалист в области социальной коммуникации Л. Берковиц приводил многочисленные свидетельства того, что «частое и массированное воздействие насилия, демонстрируемого по телевидению, не является общественным благом и даже может способствовать формированию антисоциальных моделей поведения» [Берковиц 2001: 274]. Этот же эффект имеет место и в случае с другими каналами коммуникации, прежде всего с Интернетом. Вполне очевидно, что вербальная агрессия в Интернете повышает общий уровень агрессивности в обществе, а вербальная агрессия в сетевой политической коммуникации повышает риски неконвенционального политического поведения.

Следует отметить, что политическая сфера сама по себе имеет конфликтный характер, поскольку чаще всего участники политического процесса рассматривают своих политических оппонентов сквозь призму «свой — чужой» или «мы — они» [Шмитт 1992]. Как указывают отечественные исследователи, «онтологическим свойством политического дискурса является агональность. <...> Данный факт детерминирует использование словесной агрессии» [Шамне, Карякин 2011: 205]. Даже в демократических странах от политических лидеров требуется активная, атакующая и даже агрессивная риторика, иначе электорат будет считать их слабыми политиками. Это приводит к тому, что, например, в электоральных кампаниях доминирует доля негативных материалов над позитивными [Garramone et al. 1990].

Речевая агрессия: основные подходы к определению и классификации

Проблематика речевой агрессии в Интернете уже подвергалась научным исследованиям. Мы можем отметить работы В.В. Антроповой [Антропова 2015] и Т.И. Стексовой [Стексова 2013], посвященные описанию видов и средств речевой агрессии в жанре комментария в социальных сетях, а также работы Р.А. Внебрачных, Т.А. Воронцовой, И.В. Ксенофонтовой, Ф.О. Смирнова, в которых рассматривались такие специфические формы речевой агрессии в интернет-среде, как троллинг, флуд и флейминг [Внебрачных 2012; Воронцова 2016; Ксенофонтова 2009; Смирнов 2004]. Однако исследований форм и средств речевой агрессии в текстах (постах) политических блогов нами обнаружено не было.

Наряду с термином «речевая агрессия» в научном дискурсе активно используются и другие терминологические сочетания, например «вербальная агрессия», «языковая агрессия», «словесная агрессия», «коммуникативная агрессия». Несмотря на некоторые отличия в значениях приведенных терминов, у них есть общий семантический компонент — ‘конфликтогенное речевое поведение субъекта (адресанта) коммуникации’, поэтому в данной статье они будут употребляться в качестве синонимичных. Речевая агрессия — это особая разновидность деструктивного поведения человека, ее цель заключается в причинении психологического вреда отдельной личности или группе людей в процессе речевой коммуникации. Проявляя речевую агрессию, субъект (адресант) демонстрирует негативное отношение к кому- или чему-либо (к собеседнику или стороннему человеку / людям, к предметам материального мира, к социальным явлениям и т. п.), резкую оппозицию в отношении чьих-либо мнений или суждений, желание доминировать над другими участниками коммуникативного акта и навязывать им свою точку зрения.

В научной литературе выделяется несколько подходов к исследованию и определению феномена речевой агрессии. Такие ученые, как Н.В. Быкова (Завьялова), К.Ф. Седов, В.И. Жельвис, рассматривают вербальную агрессию с позиции психологии — как проявление в речи негативных эмоций по отношению к кому- или чему-либо. Близкий к рассмотренному психолингвистический (лингвопсихологический) подход представлен в работах Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, в которых «описывается механизм возникновения агрессии как преобразование внешних реакций на негативные раздражители во внутренние, связанные с речемыслительной деятельностью и находящие выражение в речевых реакциях, которые, являясь сложной нервно-психической деятельностью, опираются, в свою очередь, на интеллектуальные процессы. В результате такого преобразования появляются знаки, репрезентирующие эмоции, происходит перестройка структуры высказывания и возникает эмоциональная окраска языковых единиц» [Шамне, Карякин 2011: 205–206]. При лингвоэтическом подходе (Н.Д. Голев, Б.Я. Шарифуллин, Н.В. Муравьева, Е.Ю. Булыгина, Т.И. Стексова, И.А. Шаронов, В.И. Жельвис), включающем в себя социолингвистический, стилистический, лингвоэкологический и юрислингвистический аспекты, «основным показателем речевой агрессии выступают стилистически маркированные языковые и речевые средства (экспрессивно окрашенная лексика, инвективы, грубо-просторечные слова и т.д.), рассматриваемые с точки зрения этичности их употребления» [Воронцова 2006: 83], с точ-

ки зрения соответствия или несоответствия нормам, сложившимся в том или ином обществе.

Удачно совместить все указанные подходы в определении речевой агрессии удалось Ю. В. Щербининой, которая понимает данный феномен как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2008: 15]. В этой дефиниции проявляются психологический («негативные чувства, эмоции, намерения»), психолингвистический («словесное выражение чувств, эмоций, намерений»), социолингвистический («в данной речевой ситуации») и лингвоэкологический («неприемлемая форма выражения») аспекты речевой агрессии как сложного (многоаспектного) лингвокоммуникативного феномена.

Основа для классификации речевой агрессии была заложена в работах американского исследователя А. Басса, который предложил среди проявлений вербальной агрессии выделять дихотомические пары: активная — пассивная, прямая — не прямая. «В основе выделения активной и пассивной агрессии лежит поведенческая установка субъекта. Первый тип агрессии предполагает активное поведение субъекта, который намеренно осуществляет действие, направленное на причинение вреда объекту. Второй — предполагает пассивное поведение субъекта, намеренный отказ от каких-либо действий, которые могли бы предотвратить причинение ущерба объекту. Прямая и не прямая агрессия выделяются в зависимости от того, на кого она направлена. Объектом прямой агрессии является второй коммуникант, собеседник, непосредственно участвующий в акте коммуникации, а объектом не прямой агрессии — референт, т. е. какой-либо сторонний человек (один или несколько) или неодушевленный объект, о котором ведут речь участники коммуникативного акта» [Балахонская 2014: 93–94].

В соответствии с указанными дихотомическими парами А. Басс выделяет следующие типы вербальной агрессии: 1) активная прямая; 2) активная не прямая; 3) пассивная прямая; 4) пассивная не прямая [Buss 1961].

К активной прямой вербальной агрессии можно отнести словесное оскорбление, унижение, обвинение, порицание собеседника, выражение угроз или злопожеланий в его адрес, грубое требование. К активной не прямой — распространение клеветы о каком-либо третьем лице, не участвующем в коммуникации, донос на кого-либо, обвинение, оскорбление, призыв к совершению агрессивных действий в отношении третьего лица. К пассивной прямой — грубый демонстративный отказ разговаривать с собеседником, отвечать на его вопросы. К пассивной не прямой — отказ высказаться в защиту третьего лица, человека, незаслуженно критикуемого или обвиненного кем-то.

Ю. В. Щербинина выделяет еще несколько видов вербальной агрессии на основании следующих признаков:

- по степени интенсивности проявления: слабая (стертая, размытая) и сильная (максимальная, предельная);
- по способу выраженности: открытая (явная) и скрытая (неявная);
- по степени осознанности цели: целенаправленная (преднамеренная, инициативная, осознанная) и нецеленаправленная (оборонительная, реактивная);
- по отношению к объекту, на который направлена вербальная агрессия: переходная и непереходная (смещенная);

— по количеству участников коммуникации: массовая и социально замкнутая (групповая, межличностная) [Щербинина 2008: 133–205].

Наиболее перспективным направлением исследования речевой агрессии нам представляется предложенный Т. А. Воронцовой коммуникативно-прагматический подход, который «предусматривает исследование коммуникативных взаимодействий на оси адресант речи — адресат, их зависимость от речевой ситуации и дискурсного контекста, исходной прагматической установки говорящего...» [Воронцова 2006: 84]. Данный подход базируется на необходимости выявления коммуникативно-прагматических функций речевой агрессии, поскольку важно не только то, как сказано, но и для чего. Коммуникативно-прагматический подход весьма плодотворен для исследования речевой агрессии в политическом дискурсе, так как позволяет определить коммуникативные намерения политических субъектов.

Методы исследования

В начале нашего эмпирического исследования, учитывая высокий накал политических дискуссий в обществе и неустоявшуюся практику судебных решений в этой области, мы предполагали, что в политических блогах должны иметь место посты с элементами речевой агрессии и что их доля должна быть значительной. Также было выдвинуто предположение, что посты с элементами речевой агрессии должны вызвать более сильную реакцию со стороны читателей. Это может выражаться в том, что среднее количество комментариев в постах с элементами речевой агрессии должно превышать среднее количество комментариев в постах с корректной подачей информации.

Таким образом, цели эмпирического исследования сводились к следующему:

- 1) выявить основные коммуникативные стратегии, тактики и средства речевой агрессии, реализуемые в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» при обсуждении политической ситуации на Украине;
- 2) определить в политических блогах долю постов с использованием речевой агрессии и провести анализ зависимости уровня интереса к информационным материалам (по количеству комментариев) от наличия речевой агрессии.

Для достижения поставленных целей в качестве эмпирической базы мы выбрали политические блоги на интернет-сайте радиостанции «Эхо Москвы» [Эхо Москвы 2014]. При выборе эмпирической базы исследования мы руководствовались следующими соображениями. Во-первых, радиостанция «Эхо Москвы» является одним из самых популярных коммерческих СМИ в России, при этом интернет-сайт «Эхо Москвы» является самостоятельным, официально зарегистрированным СМИ и обладает высокой посещаемостью. Во-вторых, руководство радиостанции «Эхо Москвы» позиционирует ее в качестве дискуссионной площадки, на которой осуществляется обмен различными мнениями по широкому спектру общественно-политической тематики. Редакционная политика этих СМИ предполагает разнообразие политических позиций в эфире и на интернет-сайте. В-третьих, «Эхо Москвы» сегодня фактически является гибридным СМИ, которое не только вещает

в FM-диапазоне, но и размещает аудио- и видеоконтент на сайте, а также имеет специальный раздел для блогеров. Раздел «Блоги» содержит большое количество материалов, которые не присутствуют в основной сетке вещания. Посты в этом разделе либо пишутся самими авторами, либо являются перепечатками постов из других источников. Редакция интернет-сайта заботится о поддержании разнообразия политических позиций. К примеру, на сайте в разделе «Блоги» регулярно появляются посты известной интернет-активистки Кристины Потупчик, а также других авторов, которых нельзя отнести к числу представителей либерального фланга политического спектра.

Основными методами исследования стали, с одной стороны, традиционный лингвистический анализ текста на всех языковых уровнях, ограниченный преимущественно рамками коммуникативно-прагматического подхода, применяемый нами при описании видов и средств речевой агрессии; с другой стороны, количественный контент-анализ, используемый для определения степени влияния речевой агрессии в блогах на коммуникативную активность пользователей. Единицей счета при контент-анализе выступили посты в блогах радиостанции «Эхо Москвы» за октябрь 2014 г., в которых затрагивалась тема событий на Украине, в Крыму и Донбассе. В результате были отобраны и проанализированы 164 поста, которые оценивались по простому параметру наличия или отсутствия речевой агрессии в них (в заголовках и в тексте). Далее проводился статистический подсчет комментариев к данным постам, в результате было учтено почти 40 тыс. ответных реакций (сами комментарии на этом этапе не анализировались).

Агрессивность как доминирующая коммуникативная стратегия в блог-постах радиостанции «Эхо Москвы»

Анализ эмпирического материала, представленного в блог-постах радиостанции «Эхо Москвы» при обсуждении политической ситуации на Украине, продемонстрировал высокий уровень речевой агрессии, который, вероятно, был спровоцирован конфликтом интересов враждующих сторон. В качестве конфликтующих в анализируемых постах представлены, во-первых, официальные киевские власти, провозглашающие Украину как самостоятельное неделимое государство, — с одной стороны, и представители непризнанных Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), объявившие об особом статусе своих территорий из-за невозможности общения на родном для большинства жителей русском языке, — с другой. Во-вторых, к сторонам конфликта в постах относятся также российские и украинские граждане (блогеры), поддерживающие или не поддерживающие официальную политику России или Украины, демонстрирующие пророссийские или проукраинские настроения и взгляды. Причем и среди российских, и среди украинских граждан-блогеров немало тех, кто высказывает оппозиционные мнения. Как отметила Е. И. Горошко, «блогеры могут выбирать для обсуждения и те новости, которые не публикуются традиционными СМИ, и освещают те истории, которые традиционные СМИ предпочитают обходить молчанием, руководствуясь иными критериями значимости» [Горошко 2009: 340].

В большинстве исследованных постов, затрагивающих тему нестабильности политической ситуации на Украине, доминирующей коммуникативной стратегией

является стратегия агрессивности. Под коммуникативной стратегией будем понимать совокупность речевых действий, заранее спланированных субъектом (адресантом) для достижения определенных коммуникативных целей. Коммуникативная стратегия реализуется посредством использования различных тактик, приемов и средств в процессе коммуникации. Лингвистический анализ текстов указанных блогов показал, что основной тактикой реализации стратегии агрессивности в них является тактика дискредитации политических оппонентов. Под дискредитацией обычно понимается один из приемов недобросовестной конкуренции, заключающийся в совершении преднамеренных действий, целью которых является подрыв доверия к конкуренту (оппоненту), умаление его авторитета и разрушение имиджа. Стремление субъекта политической коммуникации дискредитировать оппонента может воплощаться в намеренном преувеличении каких-либо его недостатков, в негативных характеристиках его профессиональных компетенций, в неприятии совершенных или планируемых действий, в критике высказанных мнений и суждений, в оскорблениях, обвинениях и т. п.

Например, пост киевского журналиста Юрия Шеляженко от 27 октября 2014 г. под названием «Много обещающая коалиция» содержит приемы и средства речевой агрессии, реализующие тактику дискредитации политического лидера Украины — президента Порошенко и его ближайшего окружения. Дискредитация заложена уже в заголовке поста: написание слова *многообещающая* не слитно, а раздельно, в два слова (*много обещающая*), полностью меняет смысл высказывания. Слово *многообещающий* имеет в языке два значения: 1) 'имеющий много ценных задатков и поэтому подающий большие надежды'; 2) 'закрывающий в себе намек на что-л., обещание чего-л.' [Словарь русского языка 1983: 282], первое из которых обладает позитивной эмоционально-оценочной окраской, а второе выражает нейтральную оценку. При раздельном же написании словосочетание *много обещающая коалиция* приобретает негативный смысл на основе пресуппозиции — логических предпосылок высказывания, которые адресат, воспринимающий сообщение, восстанавливает в соответствии с законами логического мышления. Пресуппозиция в данном случае: «много обещающая, но ничего не делающая, не выполняющая обещаний» коалиция. При раздельном написании данное понятие утрачивает значение признаковости и приобретает значение признака предмета по действию, которое он производит, т. е. воспринимается не как прилагательное, а как причастие, обладающее пресуппозиционной негативной оценочностью.

Тактика дискредитации президента Порошенко и его коалиции реализуется в данном тексте совместно с другими тактиками, такими как обвинение, унижение и негативный прогноз. Проанализируем указанные тактики.

«Уже сейчас очевиден имитационный характер квази-реформаторской программы Порошенко „Стратегия 2020“, разрекламированные цели которой не подкреплены никакими планами мероприятий по реализации этих целей» [Шеляженко 2014].

В приведенном фрагменте тактика дискредитации базируется на тактике обвинения в непрофессионализме, в неумении воплотить заявленные в программе «Стратегия 2020» цели и реализуется с помощью субстантивно-адъективных словосочетаний с негативными оценочными коннотациями: *имитационный характер, квази-реформаторская программа, разрекламированные цели*, а также с помо-

щью предикативной единицы, выражающей семантику отрицания: *разрекламированные цели не подкреплены никакими планами*.

«Порошенко продолжает уверенно копировать Путина в выстраивании своего авторитаризма, давая несбыточные обещания (например, удвоить ВВП до 2020 года) и умело спекулируя на страхах украинского и европейского общества. <...> Доминирующий альянс олигархов успешно отжимает активы у групп Фирташа, Курташа и Ахметова» [Шеляженко 2014].

Дискредитация украинского президента и его окружения в данном фрагменте осуществляется с помощью тактик обвинения и унижения. Автор обвиняет Порошенко в выстраивании авторитаризма, в несбыточных обещаниях, в спекуляции на страхах общества. В некоторых случаях тактика обвинения сопряжена с тактикой унижения, реализуемой, например, с помощью лексем *копировать* и *отжимать*. В первом случае обвинение в копировании чужой стратегии и, следовательно, в неумении разработать свою собственную призвано оскорбить достоинство оппонента, поставить его в унижительное положение, разрушить имидж. Во втором случае, употребив жаргонное слово *отжимать*, автор дает негативную характеристику действиям коалиции Порошенко и имплицитно, на ассоциативном уровне, сравнивает «доминирующий альянс олигархов» с представителями криминального мира, с уголовниками, что, безусловно, выглядит оскорбительным.

«Судя по однообразию ура-патриотической риторики победителей на выборах, украинский парламент уже никогда не будет местом для дискуссий (он перестал служить площадкой для общественного диалога еще при Януковиче) и исправно проштампуется любые законы, согласованные в Администрации Президента Украины. <...> Тон зададут многочисленные „комбаты“ и „сотники“. Они же будут загибать рот немногим возмутителям спокойствия вроде Ляшко или самовыдвиженцев <...>. Эти ребята вместе с комбатами помогут президенту Порошенко глушить любую самодетельность парламентариев» [Шеляженко 2014].

Дискредитация политического оппонента в данном фрагменте осуществляется прежде всего с помощью тактики негативного прогноза развития событий. В отличие от предыдущих примеров, в которых глаголы употреблялись в форме настоящего или прошедшего времени, в последнем примере почти все глаголы приведены в форме будущего времени, что вполне естественно для жанра (и тактики) прогноза. Однако прогноз развития событий при президенте Порошенко автор рисует исключительно черными красками, используя с этой целью отрицательные синтаксические конструкции (*украинский парламент уже никогда не будет местом для дискуссий*), слова и фразеологизмы с негативной оценочностью. Тактика негативного прогноза событий часто сопряжена с тактикой предостережения: давая негативный прогноз будущих событий, автор тем самым как бы предостерегает оппонентов от негативных действий в настоящем.

В анализируемом посте Ю. Шеляженко средствами и приемами речевой агрессии в целом и тактики дискредитации в частности выступают слова и словосочетания с негативной семантикой (*страх, авторитаризм, аморальность, шантаж, подкуп, несбыточные обещания, силовые и хулиганские акции запугивания, коррупционные вольности*), стилистически сниженные фразеологизмы (*подмять под себя*

власть, козел отпущения, темная лошадка, затыкать рот, проштамповать законы), жаргонная лексика из уголовной сферы (*отжимает активы, слив компромата*), навешивание ярлыков (*ура-патриотическая риторика*), метафоры с негативной образностью (*глушит самостоятельность, шантажом и подкупом цементируются крепостные стены единоличной власти главы государства*).

Нередко завуалированной (имплицитной) целью дискредитации политических оппонентов является не столько подрыв доверия и разрушение их имиджа, сколько самопрезентация субъекта (адресанта) коммуникативного акта. Такая тактика самопрезентации на фоне дискредитации оппонента используется для того, чтобы более наглядно продемонстрировать собственные преимущества на фоне недостатков конкурентов. Тактика дискредитации оппонентов, в том числе особая ее разновидность — тактика дискредитации-самопрезентации, проявляется прежде всего в бинарной оппозиции «мы — они» («свой — чужой»), которая воплощается с помощью одного из основополагающих принципов организации политического текста — принципа контраста, заключающегося не только в противопоставлении разных взглядов и мнений в отношении конфликтующих политических субъектов, но и в противоположной оценке одного и того же явления, события или ситуации. Как справедливо заметил Т. ван Дейк, особенностью бинарных оппозиций в условиях речевого конфликта является «поляризованная репрезентативность», т.е. наделение *Мы*-группы и *Они*-группы прямо противоположными признаками. Элементарным примером такой оппозиционности выступает дихотомия «Мы хорошие — Они плохие» [Dijk 1997: 3]. Подобный прием Е. В. Сергеева называет «созданием дихотомической картины мира» и относит к приемам, воплощающим манипулятивную тактику демагогии [Сергеева 2012: 52].

Примером использования тактики дискредитации-самопрезентации на основе «создания дихотомической картины мира» может служить пост Юрия Шулипы от 6 октября 2014 г. под названием «Законодательство Украины „О гражданстве“ должно быть пересмотрено»:

«Россия медленно и уверенно движется к полной политической, правовой, социальной изоляции от всего цивилизованного мира. Одновременно с этим после победы революции достоинства Украина совершает переход от колониальной страны с внешним российским управлением к независимому, сильному, цивилизованному европейскому государству. <...> Люди стремятся жить в нормальной, стабильной, правовой и цивилизованной стране, лишенной амбиций фашизма, пожизненного диктата и запредельной коррупции. <...> В то же время в Украине пока еще сохраняется влияние пятой путинской колонны, куда входят национал-предатели, так называемые ватники и колорады, — сторонники распада Украины на всякие фейковые непризнанные республики под внешним управлением России и противники всего украинского. Сейчас именно пятая колонна несет в себе наибольшую угрозу всему украинскому обществу и государству» [Шулипа 2014].

В анализируемом тексте четко противопоставлены «Мы» (Украина) и «Они» (Россия). Противоборствующие стороны показаны в динамике: Россия, по мнению автора поста, движется к полной изоляции (эмоциональная оценочность меняется с позитивной на негативную), Украина, наоборот, переходит от колониальной страны к цивилизованному европейскому государству (негативная эмоциональ-

ная оценка меняется на позитивную). Тактика дискредитации реализуется в тексте с помощью активной не прямой речевой агрессии, выраженной в отношении референта высказывания — политического оппонента такими языковыми средствами и приемами, как лексика с негативной семантикой (*диктат, фашизм, коррупция, изоляция, национал-предатели, угроза*), стилистически сниженная, разговорная и просторечная лексика с негативными коннотативными оттенками в переносных значениях (*ватники и колорады, фейковые республики*), наклеивание ярлыков (*пятая путинская колонна*). На фоне средств речевой агрессии, характеризующих негативное отношение к оппоненту, контрастно выделяется позитивно окрашенная лексика, используемая как средство самопрезентации (*независимое, сильное, цивилизованное европейское государство, нормальная, стабильная, правовая и цивилизованная страна*).

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что речевая агрессия в политическом дискурсе нередко становится средством речевого воздействия и манипулирования, так как нацелена в первую очередь на установление доминирующей позиции адресанта в коммуникативном акте и на внедрение его собственных идеологических представлений (идей, образов, смыслов, ценностей) в сознание адресата. «Основанием для трактовки вербальной агрессии как способа речевого воздействия является тот факт, что в основе речевой агрессии, с точки зрения прагматики, лежит однонаправленное эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата (суггестия). При использовании речевой агрессии отправитель высказывания делает ставку на эмоциональное воздействие» [Шамне, Карякин 2011: 206].

Еще одной тактикой реализации стратегии агрессивности можно считать такое присущее интернет-коммуникации явление, как троллинг. Как правило, троллинг проявляется в комментариях пользователей к сообщениям в соцсетях или блогах, но возможен и в постах. Троллинг — это форма реализации речевой агрессии, «речевая провокация с целью эскалации коммуникативного конфликта» [Воронцова 2016: 112]. Особенностью троллинга является агрессивное опровержение (в явной или скрытой форме) общепринятого мнения, резкое расхождение с оценкой большинства. Подобное провокационное речевое поведение адресанта (тролля) вызывает негативную эмоциональную реакцию адресата. В качестве примера приведем фрагменты поста А.Зеличенко от 1 октября 2014 г. под названием «С кем воюет Россия?». Начинается пост сразу с опровержения предполагаемого ответа на поставленный в заголовке вопрос:

«Вы думаете с Украиной? Ни в коем случае. На Украине — да, конечно, мы воюем. Мы же не идиоты — верить телевизору. Конечно, воюем. Только не С Украиной. Мы ЗА Украину воюем.

С США. США на нас напали. Хотят нас завоевать. А в качестве первого шага — забрать Украину. <...> Да, воюем. Потому что США на нас напали, и мы теперь освобождаем от них нашу украинскую землю.

Это не мы агрессор. Это США агрессор, а у нас просто вскипела ярость благородная. <...> США сначала заставили украинцев избрать Януковича, а после этого заставили Януковича узурпировать власть. Вынудили Януковича посадить Тимошенко. С пистолетом у виска потребовали, чтобы Янукович отказался подписывать соглашение с ЕС. <...> Потом, угрожая засунуть в Януковича бутылку, потребовали, что-

бы Янукович разогнал Майдан. И, наконец, прислали своих морпехов расстреливать Майдан. Американцы — они такие. Они все могут. Доведут сначала Украину до края, разозлят народ, а потом бац — и на тебе переворотик. Сущие звери эти американцы. Ну, ничего, мы их насквозь видим. У нас они со своим Шендеровичем ничего сделать не смогут. Потому что мы не украинцы. Мы своего президента свергать не будем. Мы его любим. Потому что он хороший.

Смешно? Было бы смешно, когда бы...» [Зеличенко 2014].

Весь текст построен на иронии, доведенной до абсурда, на сарказме и прямой насмешке, на провокационных утверждениях о том, что Россия воюет с США за Украину, «за нашу украинскую землю», потому что «США на нас напали». Разумеется, подобные провокационные высказывания вызовут ответную агрессивную реакцию у читателей. Едкий сарказм автора поста может спровоцировать язвительные комментарии пользователей сети. Троллинг в данном случае базируется не только на иронии, сарказме и провокационных утверждениях, но и на языковой демагогии, проявляющейся в навязывании адресату определенной точки зрения с помощью ложных рассуждений, основанных на логических несоответствиях.

Выводы

В проанализированных политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» используется преимущественно активная непрямая речевая агрессия, предполагающая активное поведение субъекта (адресанта), который намеренно осуществляет действие, направленное на причинение вреда не прямому коммуниканту (адресату, читателю блога), а референту — человеку (группе людей) или неодушевленному объекту, о которых идет речь в тексте. При этом степень проявления агрессии может быть разной — сильной, выраженной чаще всего с помощью грубой, стилистически сниженной и экспрессивно окрашенной лексики и фразеологии, в том числе инвективной, находящейся за пределами литературной нормы; и слабой, выраженной средствами литературного языка, обычно характеризующимися негативной оценочностью.

Агрессивность как доминирующая стратегия в политических блогах «Эха Москвы», в которых обсуждалась сложная ситуация на Украине, реализована с помощью таких коммуникативных тактик, как дискредитация политических оппонентов, самопрезентация на фоне дискредитации оппонентов, оскорбление (в том числе по этническим признакам), обвинение (в том числе в непрофессионализме), унижение, угроза или предостережение, негативный прогноз развития событий, безаргументативное негативизирующее воздействие на сознание адресата (манипулирование), троллинг.

Среди средств речевой агрессии нами были выделены две основные группы: эксплицитные, выраженные в явной, открытой форме, и имплицитные, неявные, но опознаваемые адресатом в результате некоторых логических процедур. К эксплицитным средствам речевой агрессии мы относим прежде всего лексические средства (в том числе окказионализмы), выражающие негативную оценку, стилистически сниженные лексические и фразеологические единицы (разговорную, грубо-просторечную лексику, разговорные фразеологизмы, жаргонизмы, инвективы). Имплицитно средства речевой агрессии проявляются в виде presuppositions,

иронии, сарказма, языковой демагогии, метафор, несобственно-прямых вопросов и др.

Контент-анализ эмпирического материала показал, что речевая агрессия получила широкое распространение в блогах радиостанции «Эхо Москвы», затрагивающих тему политической нестабильности на Украине. Оказалось, что всего 17,07 % постов не содержат речевой агрессии. В остальных 82,93 % постов речевая агрессия присутствует либо в тексте, либо в заголовке, либо в тексте в его целостности. При подсчете количества комментариев к постам, в которых воплощалась или не воплощалась коммуникативная стратегия агрессивности, была обнаружена зависимость уровня интереса читателей к тексту (по количеству ответных реакций) от наличия или отсутствия речевой агрессии: в среднем пост без речевой агрессии получал почти на 100 комментариев меньше (156 комментариев в среднем), чем пост с речевой агрессией (256,12 комментариев в среднем).

Источники

- Зеличенко 2014 — Зеличенко А. “С кем воюет Россия?”. *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 01.10.2014. URL: https://echo.msk.ru/blog/russkiysvet_dot_narod_dot_ru/1410300-echo/ (дата обращения: 03.02.2015).
- Шулипа 2014 — Шулипа Ю. “Законодательство Украины «О гражданстве» должно быть пересмотрено”. *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 06.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/yshulipa/1413404-echo/> (дата обращения: 03.02.2015).
- Шеляженко 2014 — Шеляженко Ю. “Много обещающая коалиция”. *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 27.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/shelya/1426386-echo/> (дата обращения: 03.02.2015).
- Эхо Москвы 2014 — *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 1–31.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/> (дата обращения: 03.02.2015).

Словари и справочники

- Словарь русского языка 1983 — *Словарь русского языка*: в 4 т. Евгеньева А. П. (ред.). Т. 2. М.: Русский язык, 1983, 736 с.

Литература

- Антропова 2015 — Антропова В. В. “Речевая агрессия в текстах социальных сетей: коммуникативный аспект”. *Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Филология. Журналистика»*. 3, 2015: 123–127.
- Балахонская 2014 — Балахонская Л. В. “Типы агрессии в рекламной коммуникации: социально-философский аспект”. *Геополитика и безопасность*. 2 (26), 2014: 91–97.
- Берковиц 2001 — Берковиц Л. *Агрессия: причины, следствия и контроль*. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001, 512 с.
- Быков 2013 — Быков И. А. *Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования*. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т технологии и дизайна, 2013, 200 с.
- Внебрачных 2012 — Внебрачных Р. А. “Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах”. *Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Философия. Социология. Психология. Педагогика»*. 1, 2012: 48–51.
- Воронцова 2006 — Воронцова Т. А. “Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме”. *Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 1, 2006: 83–86.
- Воронцова 2016 — Воронцова Т. А. “Троллинг и флейминг: Речевая агрессия в интернет-коммуникации”. *Вестник Удмуртского ун-та. Серия «История и филология»*. 26, 2, 2016: 109–116.

- Горошко 2009 — Горошко Е. И. “Политический блоггинг в глобальной и локальной перспективах”. *Вісник Одеського нац. ун-ту. Серія «Соціологія і політичні науки»*. 14, 13, 2009: 335–345.
- Ксенофонтова 2009 — Ксенофонтова И. В. “Специфика коммуникации в условиях анонимности: метаметика, имиджборды, троллинг”. *Интернет и фольклор: сб. статей*. Каргин А. С. (ред.). М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2009, сс. 285–294.
- Сергеева 2012 — Сергеева Е. В. “К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.)”. *Политическая лингвистика*. 2 (40), 2012: 46–52.
- Смирнов 2004 — Смирнов Ф. О. “Языковая и коммуникативная агрессия в Рунете”. *Риторика в модернизации образования: материалы докладов Восьмой междунар. науч. конф. по риторике (Москва, 2–4 февраля 2004 г.)*. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2004, сс. 219–221.
- Стексова 2013 — Стексова Т. И. “Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности”. *Политическая лингвистика*. 3 (45), 2013: 77–81.
- Шамне, Карякин 2011 — Шамне Н. Л., Карякин А. В. “Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса”. *Вестник Волгоградского гос. ун-та: Серия 2: Языковедение*. 1 (13), 2011: 204–208.
- Шмитт 1992 — Шмитт К. “Понятие политического”. *Вопросы социологии*. 1, 1992: 35–67.
- Щербинина 2008 — Щербинина Ю. В. *Речевая агрессия: территория вражды*. М.: Форум, 2008, 360 с.
- Bode, Makarychev 2013 — Bode N., Makarychev A. “The New Social Media in Russia: Political Blogging by the Government and the Opposition”. *Problems of Post-Communism*. 60, 2: 2013: 53–62.
- Buss 1961 — Buss A. H. *The Psychology of Aggression*. New York; London: John Wiley & Sons, 1961, 307 p.
- Dijk 1997 — Dijk T. A. van. “Discourse as Interaction in Society”. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*: in 2 vols. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. Dijk T. A. van (ed.). London: Sage, 1997, pp. 1–37.
- Garramone et al. 1990 — Garramone G. M., Atkin C. K., Pinkleton B. E. et al. “Effects of Negative Political Advertising on the Political Process”. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*. 34, 3, 1990: 299–311.
- Yagodin 2012 — Yagodin D. “Blog Medvedev: Aiming for Public Consent”. *Europe-Asia Studies*. 64, 8, 2012: 1415–1434.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2017 г.

Статья рекомендована в печать 28 сентября 2017 г.

Balakhonskaya Liudmila Vladimirovna

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
l.balakhonskaya@spbu.ru

Bykov Il'ia Anatolevich

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia;
i.bykov@spbu.ru

Verbal aggression in political blogs: A case of the “Echo of Moscow”

For citation: Balakhonskaya L. V., Bykov I. A. Verbal aggression in political blogs: A case of the “Echo of Moscow”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 492–506. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.313> (In Russian)

Extensive research has been done on verbal aggression and its effects in mass media, public opinion and public policy. Growing verbal aggression in mass media usually corresponds with deepening political confrontation. However, there is a lack of such studies in the context of the Russian mass media, especially assessing verbal aggression in on-line media with quan-

titative or qualitative content-analysis. This study addresses this gap in research literature. The authors have collected data of 164 posts and almost 40 000 comments from the “Echo of Moscow” web-site in October, 2014 on the topic of the armed conflict in Eastern Ukraine. This conflict was reflected in the posts by binary opposition “we” versus “they” and was realized within a fundamental principle of journalistic texts composition — the principle of contrast. The principle includes both the opposition of different views and the opposite assessment of the same fact. Verbal aggressiveness is a dominant communication strategy in the blogs’ posts. Verbal aggression usually includes insulting rhetorics, discreditation of opponents, prosecuting, blaming, threatening, negative forecasting, etc. There are two types of verbal aggression expressions: implicit and explicit. The content analysis carried out by the authors revealed that more than 80 % of posts contains verbal aggression.

Keywords: verbal aggression, opponent discrediting, political blogging, political communication, political conflict, journalism.

Sources

- Зеличенко 2014 — Zelichenko A. “S kem voiuet Rossiia? [With Whom Russia Wars]”. *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogs]. Publication date: 01.10.2014. URL: https://echo.msk.ru/blog/rusскиysvet_dot_narod_dot_ru/1410300-echo/ (accessed date: 03.02.2015). (In Russian)
- Шулипа 2014 — Shulipa Iu. “Zakonodatel'stvo Ukrainy «O grazhdanstve» dolzhno byt' peresmotreno [Legislation of Ukraine “On Citizenship” Should Be Revised]”. *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogs]. Publication date: 06.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/yshulipa/1413404-echo/> (accessed date: 03.02.2015). (In Russian)
- Шеляженко 2014 — Shelazhenko Iu. “Mnogo obeshchaiushchaia koalitsiia [(Much)promising Coalition]”. *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogs]. Publication date: 27.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/shelya/1426386-echo/> (accessed date: 03.02.2015). (In Russian)
- Эхо Москвы 2014 — *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogs]. Publication date: 1–31.10.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/> (accessed date: 03.02.2015). (In Russian)

Dictionaries and guides

- Словарь русского языка 1983 — *Slovar' russkogo iazyka* [Russian Dictionary]: in 4 vols. Evgenèva A. P. (ed.). Vol. 2. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1983, 736 p. (In Russian)

References

- Антропова 2015 — Antropova V. V. “Rechevaia agressiia v tekstakh sotsial'nykh setei: kommunikativnyi aspekt [Speech Aggression in Texts of Social Networks: Communicative Aspect]”. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriiia «Filologiya. Zhurnalistika»* [Bulletin of Voronezh State University. Series “Philology. Journalism”]. 3, 2015: 123–127. (In Russian)
- Балахонская 2014 — Balakhonskaya L. V. “Tipy agressii v reklamnoi kommunikatsii: sotsial'no-filosofskii aspekt [Types of Aggression in Advertising Communications: Socio-philosophical Aspects]”. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and Security]. 2 (26), 2014: 91–97. (In Russian)
- Берковиц 2001 — Berkowitz L. *Agressiia: prichiny, sledstviia i kontrol'* [Aggression: Its Causes, Consequences, and Control]. St. Petersburg: Praim-Evroznak Publ., 2001, 512 p. (In Russian)
- Быков 2013 — Bykov I. A. *Setevaia politicheskaia kommunikatsiia: teoriia, praktika i metody issledovaniia* [Network Political Communication: Theory, Practice and Methods of Research]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Technology and Design Press, 2013, 200 p. (In Russian)
- Внебращных 2012 — Vnebrachnykh R. A. “Trolling kak forma sotsial'noi agressii v virtual'nykh soobshchestvakh [Trolling as a Form of Social Aggression in the Virtual Community]”. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriiia «Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika»* [Bulletin of Udmurt University. Series “Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy”]. 1, 2012: 48–51. (In Russian)

- Воронцова 2006 — Vorontsova T. A. “Rechevaia agressiia v kommunikativno-diskursivnoi paradigme [Verbal Aggression in a Communicative Paradigm]”. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriiia «Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia»* [Bulletin of Voronezh State University. Series “Linguistics and Intercultural Communication”]. 1, 2006: 83–86. (In Russian)
- Воронцова 2016 — Vorontsova T. A. “Trolling i fleiming: rechevaia agressiia v internet-kommunikatsii [Trolling and Flaming: Speech Aggression in the Internet Communication]”. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriiia «Istoriia i filologiiia»* [Bulletin of Udmurt University. Series “History and Philology”]. 26, 2, 2016: 109–116.
- Горошко 2009 — Goroshko E. I. “Politicheskii blogging v global'noi i lokal'noi perspektivakh [Political Blogging Locally and Globally]”. *Visnik Odes'kogo nats. un-tu. Seriiia «Sotsiologiia i politichni nauki»* [Bulletin of Odesa National University. Series “Sociology and Politics”]. 14, 13, 2009: 335–345. (In Russian)
- Ксенофонтова 2009 — Ksenofontova I. V. “Spetsifika kommunikatsii v usloviakh anonimnosti: memetika, imidzhdordy, trolling [Specificity of Communication in the Conditions of Anonymity: Memetics, Image Boards, Trolling]”. *Internet i fol'klor: sb. statei [Internet and Folklore: Collected Articles]*. Kargin A. S. (ed.). Moscow: State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2009, pp. 285–294. (In Russian)
- Сергеева 2012 — Sergeeva E. V. “K voprosu o nekotorykh manipuliativnykh priemakh v tekstakh predvybornoi agitatsii (na materiale kampanii 2011 g.) [Some Manipulative Methods in the Texts of Pre-election Propaganda (Election Campaign-2011)]”. *Politicheskaiia lingvistika [Political Linguistics]*. 2 (40), 2012: 46–52. (In Russian)
- Смирнов 2004 — Smirnov F. O. “Iazykovaia i kommunikativnaia agressiia v Runete [Language and Communicative Aggression in RuNet]”. *Ritorika v modernizatsii obrazovaniia: materialy dokladov Vos'moi mezhdunar. nauch. konf. po ritorike (Moskva, 2–4 fevralia 2004 g.)* [Rhetoric in the Modernization of Education: Proceedings of the 8th International Scientific Conference on Rhetoric (Moscow, February 2–4, 2004)]. Moscow: Moscow Pedagogical State University Press, 2004, pp. 219–221. (In Russian)
- Стеклова 2013 — Steklova T. I. “Rechevaia agressiia v internet-kommentariakh kak proiavlenie sotsial'noi napriazhennosti [Verbal Aggression in Internet Comments as Manifestation of Social Tension]”. *Politicheskaiia lingvistika [Political Linguistics]*. 3 (45), 2013: 77–81. (In Russian)
- Шамне, Карякин 2011 — Shamne N. L., Kariakin A. V. “Rechevaia agressiia kak narushenie ekologichnosti politicheskogo diskursa [Verbal Aggression as Violation of Ecologicity in the Political Discourse]”. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriiia 2: Iazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics]. 1 (13), 2011: 204–208. (In Russian)
- Шмитт 1992 — Schmitt C. *Der Begriff des Politischen*. München: Duncker & Humblot, 1932, 40 S. (Russ. ed.: Shchmitt K. “Poniatie politicheskogo [The Concept of the Political]”. *Voprosy sotsiologii [Issues of Sociology]*. 1, 1992: 35–67. (In Russian, transl. from German)
- Щербинина 2008 — Shcherbinina Iu. V. *Rechevaia agressiia: territoriiia vrazhdy* [Speech Aggression: the Territory of Enmity]. Moscow: Forum Publ., 2008, 360 p. (In Russian)
- Bode, Makarychev 2013 — Bode N., Makarychev A. “The New Social Media in Russia: Political Blogging by the Government and the Opposition”. *Problems of Post-Communism*. 60, 2, 2013: 53–62.
- Buss 1961 — Buss A. H. *The Psychology of Aggression*. New York; London: John Wiley & Sons, 1961. 307 p.
- Dijk 1997 — Dijk T. A. van. “Discourse as Interaction in Society”. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*: in 2 vols. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. Dijk T. A. van (ed.). London: Sage, 1997, pp. 1–37.
- Garramone et al. 1990 — Garramone G. M., Atkin C. K., Pinkleton B. E. et al. “Effects of Negative Political Advertising on the Political Process”. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*. 34, 3, 1990: 299–311.
- Yagodin 2012 — Yagodin D. “Blog Medvedev: Aiming for Public Consent”. *Europe-Asia Studies*. 64, 8, 2012: 1415–1434.

Received: May 10, 2017

Accepted: September 28, 2017

Жилякова Наталия Вениаминовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36;
retama@ya.ru

Карташова Татьяна Петровна

Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 75;
kartashova67@yandex.ru

«Информационная поддержка» школьной журналистики Сибири на страницах газеты «Сибирская жизнь» (1916–1917 гг.)*

Для цитирования: *Жилякова Н. В., Карташова Т. П.* «Информационная поддержка» школьной журналистики Сибири на страницах газеты «Сибирская жизнь» (1916–1917 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 507–521. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.314>

В статье анализируется корпус публикаций ведущей газеты дореволюционной Сибири «Сибирская жизнь», посвященных школьным журналам региона в 1916–1917 гг. Целью настоящей работы является выявление особенностей отражения процессов развития региональной ученической журналистики на страницах общественно-политической газеты. Решаются такие задачи, как выявление корпуса публикаций газеты за период 1916–1917 гг., посвященных сибирской школьной журналистике, анализ их содержания, оценка жанрово-тематической специфики материалов. Основными методами исследования является фронтальное изучение содержания газеты «Сибирская жизнь» за 1916–1917 гг., жанрово-тематический анализ корпуса выявленных материалов. Исследование показывает, что информационное сопровождение и «информационная поддержка» ученической печати осуществлялись газетой «Сибирская жизнь» в разных формах. Во-первых, это собственно информирование читателей о проектах новых изданий, об их подготовке, о выходе номеров и о содержании выпусков. Во-вторых, газета публиковала авторские развернутые рецензии, посвященные отдельным журналам: в них подробно раскрывалась тематика материалов, давалась оценка художественным достоинствам произведений, определялась роль журналов для школьного сообщества, для понимания «внутреннего мира» учащейся молодежи. При этом часть рецензий носила довольно критичный характер, поскольку редакция считала необходимым не только приветствовать появление новых изданий, но и помогать им в профессиональном и художественном росте. В-третьих, газета отслеживала информацию о новых школьных изданиях, перепечатывая заметки о них из «дружественных» органов периодики. Газета с энтузиазмом относилась к появлению новых ученических

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 «Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах».

изданий, считала эти журналы — как рукописные, так и печатные — важной частью «внутренней жизни» учащейся молодежи. Внимание газеты к содержанию выходивших журналов позволяло читателям составить свое мнение относительно этих изданий, а современному исследователю в ряде случаев дает возможность частично воссоздать утраченные номера ученических изданий. Исследование позволяет говорить об активизации школьной журналистики Сибири в 1916–1917 гг., что было связано с общественно-политической обстановкой в России.

Ключевые слова: школьная журналистика, ученический журнал, *Сибирская жизнь*, информационная поддержка.

Вступление

Школьная журналистика России вызывает устойчивый исследовательский интерес к этой части системы периодической печати (см., например: [Балашова 2007; Еремин 2013; Леденева 2010; Лярский 2013; Рушанин 2011]). Историки журналистики изучают вопросы возникновения школьной печатной и рукописной ученической периодики, останавливаясь на их типологических особенностях, рассматривая их специфику в культурно-образовательном контексте, взаимосвязь ученической журналистики с дореволюционной педагогикой и т.д. Однако до сих пор нельзя считать, что учеными освещены все аспекты этой темы, и прежде всего это касается журналистики учащейся молодежи Сибири.

Начало российской печатной школьной журналистики исследователи относят к середине XVIII в., когда в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе преподаватели и учащиеся выпускали журнал «Праздное время, в пользу употребленное» (1759). Первым же рукописным изданием гимназистов считается журнал «Аркадские пастушки», выходивший в 1804 г. в Казанской гимназии (см.: [Леденева 2010: 145; Балашова 2007: 5]). С этого времени на протяжении всего XVIII и XIX вв. ученическая журналистика возникала при разных учебных заведениях, став в 1860-х годах «распространенным явлением школьной жизни» [Леденева 2010: 146]. В 1901 г. Министерство народного просвещения рассмотрело вопрос «о беспрепятственном разрешении издавать при средних учебных заведениях ученические журналы, составляемые воспитанниками двух последних классов этих заведений, с условием, чтобы журнал редактировался одним из преподавателей» [Леденева 2010: 146], и после его положительного решения начался рост числа ученических изданий по всей России. По сведениям исследователей, с 1901 по 1916 г. в гимназиях, реальных училищах, кадетских корпусах издавалось более 150 различных ученических изданий [Леденева 2010: 146].

Однако в Сибири ученическая журналистика развивалась крайне медленно, что было обусловлено ее особым положением в составе Российской империи. Исследователи располагают буквально единичными номерами сибирских школьных изданий, относящихся в основном к началу XX в. Так, например, в Томске, крупном губернском центре Западной Сибири, одним из первых известных изданий учащейся молодежи был журнал «Товарищ», издававшийся в 1911/1912 учебном году учениками Первого Сибирского коммерческого училища цесаревича Алексея в Томске (о журнале см. подробнее: [Жилиякова, Шевцов 2016]).

Активизация школьной журналистики в Сибири относится к 1917 г., когда в период возросшей политической активности общества в связи с Февральской

и Октябрьской революциями учащиеся получили возможность воплотить в жизнь свои издательские проекты. Этот процесс был зафиксирован на страницах ведущей газеты Сибири «Сибирская жизнь», редакция которой постоянно отслеживала появление новых школьных изданий, нередко давая развернутые рецензии на вышедшие номера. В современных терминах эта работа редакции может быть названа «информационным сопровождением» или «информационной поддержкой» ученической издательской деятельности. Систематизация и анализ публикаций, посвященных школьной журналистике, позволяет проследить историю ее становления, уточнить даты выхода тех или иных изданий, а в ряде случаев — и частично восстановить содержание утраченных номеров.

Целью настоящей работы является выявление особенностей «информационной поддержки» ученической журналистики Сибири, осуществленной редакцией газеты «Сибирская жизнь» в 1916–1917 гг. Для выполнения этой цели необходимо решить ряд задач, таких как выявление корпуса публикаций газеты за период 1916–1917 гг., посвященных сибирской школьной журналистике, анализ их содержания, оценка жанрово-тематической специфики материалов. Основными методами исследования являются фронтальное изучение содержания газеты «Сибирская жизнь» за период 1916–1917 гг., жанрово-тематический анализ корпуса выявленных материалов.

Прежде чем перейти к анализу материалов газеты «Сибирская жизнь», необходимо сказать, что тип ученического журнала в дореволюционной России складывался на протяжении XVIII–XIX вв. и к началу XX в. представлял собой довольно устойчивую модель. Опираясь на выделенные исследователями Е. А. Корниловым и А. И. Акоповым типоформирующие признаки, главными из которых являются издатель, целевое назначение (функция) издания, аудитория [Акопов 1985; Корнилов 1984], представим основные характеристики типа школьного (ученического) журнала начала XX в. Его издателями выступали, как правило, учащиеся средних учебных заведений, при этом администрация и преподаватели в большинстве случаев поддерживали инициативу учеников. Аудитория школьных журналов была достаточно ограниченной: в основном это были сами авторы и их друзья, соученики, учителя, родители и знакомые родителей. Наконец, целевое назначение журнала было по преимуществу коммуникативное: учащаяся молодежь стремилась к общению и объединению, обсуждению вопросов школьной жизни, и не в последнюю очередь — к самовыражению. При этом школьные журналы не служили учебным целям, хотя на их страницах отражалась школьная жизнь, публиковались материалы, связанные с учебным процессом, и т. д. (подробнее см.: [Жилиякова, Шевцов 2016]).

«Мысли учащихся средней школы»: от замысла до воплощения

Как уже было указано выше, первые ученические журналы Томска появились в начале XX в. Это прежде всего журнал «Товарищ», единственный номер которого был датирован 1911 / 1912-м учебным годом. В 1917 г. издавался журнал «Мысли учащихся средней школы», а также рукописные журналы, издаваемые школьниками: «Лес» (1917) и «Родная Сибирь» (1918–1919) (о них см.: [Есипова, Шевцов 2016]). В 1917 г. на страницах «Сибирской жизни» отразилась хроника возникно-

вения проектов и выхода отдельных рукописных и печатных школьных периодических изданий разных городов Сибири, но наиболее развернутым сюжетом стала история создания и оценка томского журнала «Мысли учащихся средней школы».

Рассмотрим публикации, посвященные «Мыслям учащихся средней школы». Впервые об идее подобного издания было заявлено в декабре 1916 г., когда газета поместила в хронике местной жизни следующую заметку:

«Школьный журнал. При среднем политехникуме в г. Томске проектируется издание школьного литературного журнала под редакцией ученика 8 класса и ответственного одного из преподавателей политехникума. К участию в журнале предполагается привлечь и учащихся в других частных учебных заведениях. Название журналу предполагается присвоить „Искания“ или „Юные искания“» [СЖ 1916, № 272: 3].

О том, что речь идет именно о будущем журнале «Мысли учащихся средней школы», говорит несколько обстоятельств. Во-первых, журнал действительно возник на базе среднего политехнического училища г. Томска, а куратором в итоге стал преподаватель этого учебного заведения Н. К. Бауман.

Буквально через два номера «Сибирская жизнь» вновь вернулась к вопросу о будущем издании в материале «Общешкольный печатный журнал». Автор публикации, обозначенный как «Н. Б.», уведомлял читателей:

«...литературный ученический кружок при среднем политехническом училище г. Томска задумал издание печатного ученического журнала, который должен будет освещать запросы, настроение и интересы учащихся вообще средней школы, должен быть, так сказать, органом средней школы. Журнал предполагается выпускать каждый месяц учебного года (9 выпусков в год) книжками в 5–6 печатных листов» [СЖ 1916, № 274: 3].

Обозначив предполагаемых издателей и желательную периодичность, автор перечислил следующие отделы будущего журнала:

«1. Школьная жизнь. 2. Критика. 3. Популярное изложение философских учений. 4. Научные статьи. 5. Беллетристика. 6. Детский отдел — произведения учащихся младших классов. 7. Почта. 8. Смесь» [СЖ 1916, № 274: 3].

Кроме этого, журналиста «Сибирской жизни» волновали вопросы относительно того, кто будет вести журнал, его редактировать, а главное — поставлять материал. Эти моменты были освещены в газете следующим образом:

«Ответственную редактуру предполагаемого журнала берет на себя преподаватель среднего политехнического училища Н. К. Бауман, а издателем предполагается само училище. Журнал, как сказано, должен отражать жизнь учащихся вообще средних учебных заведений, поэтому очень желательно, чтобы учащиеся сочли дело журнала своим делом, откликнулись на него и оказали ему всяческое свое содействие и прежде всего немедленной посылкой своих сочинений и сообщением различного рода сведений из ученической жизни, чтобы уже первый номер журнала, выпуск которого предполагается в начале февраля 1917 года, носил общешкольный характер <...> Название журнала „Мысли учащихся средней школы“» [СЖ 1916, № 274: 3].

Из газетной статьи становится понятно, что журнал изначально был задуман не просто как издание узкого кружка одноклассников или отдельного учебного за-

ведения, он стремился объединить силы учащихся вокруг органа печати, отразить широкий спектр мнений, дать информацию о жизни средней школы во всем Томске.

О том, что предполагаемый проект журнала заинтересовал общественность, можно судить, к примеру, из послесловия к статье «Дом юношества в г. Томске», опубликованного в марте 1917 г. В нем журналист уведомлял читателей, «интересующихся судьбою объявленного нами издания журнала „Мысли учащихся средней школы“», о том, что «печатаение первого номера журнала было надолго задержано отсутствием топлива в типографиях» (СЖ 1917, № 67: 3). Однако теперь, писал автор, номер уже в наборе и скоро выйдет в свет. Объем журнала был объявлен в 100 печатных страниц, стоимость — от 80 копеек до 1 рубля (для иногородних читателей). Подписка принималась в томском среднем политехническом училище, отвечал за журнал по-прежнему преподаватель Н. К. Бауман.

Наконец в одном из майских номеров «Сибирской жизни» появилась информация о том, что «Мысли учащихся средней школы» буквально «на днях» появятся в продаже. В самом журнале не было точной даты выпуска, на титульном листе обозначался только год издания: «1916–1917 учебный год».

«Мысли учащихся средней школы» в итоге оказались журналом вполне солидным, отпечатанным в типографии Томского губернского управления. Это было издание среднего формата, оно состояло из 90 страниц, имело лаконично оформленную обложку, на которой было указано название, год и место издания, а также его статус: «общеученический журнал». Обложку украшали три виньетки, которые явились единственным иллюстративным элементом во всем журнале: ни рисунков, ни фотографий, ни заставок и других декоративных элементов в нем не было использовано.

Если с точки зрения оформления «Мысли учащихся средней школы» были достаточно «бедными», то содержание журнала отличалось жанровым и тематическим разнообразием, обусловленным концепцией ученического издания. В журнале было опубликовано около 30 материалов, среди которых: «рассуждения» «О труде» ученика 5-го класса Г. Ионова, статья по актуальным вопросам школьной жизни «Требования жизни» ученика 8-го класса П. Иванова, 23-страничный «Литературный суд над Фамусовой» (описание заседания, состоявшегося под руководством Н. К. Баумана), научно-популярные статьи, многочисленные рассказы и стихи учеников старших классов. Также в журнал был включен «Детский отдел»: в нем были размещены первые «пробы пера» (рассказы и стихи) учеников 2-х, 3-х и 4-х классов. Завершался номер «Хроникой школьной жизни», составленной учеником 8-го класса, подписавшимся инициалами «М. Б.».

Первый выпуск журнала «Мысли учащихся средней школы» был хорошо воспринят томской общественностью, о чем можно было судить по рубрике «Библиография» газеты «Сибирская жизнь», в которой появилась рецензия под названием «Ученические журналы» (автор подписался «М. С-кий») [СЖ 1917, № 169: 4]. В материале сравнивались два ученических журнала, попавших в поле зрения рецензента: «Мысли учащихся средней школы» (Томск) и «Юные годы» (Владивосток), при этом представитель ученической журналистики Владивостока оценивался как более живой и интересный. Причиной этому послужило, по мнению рецензента, следующее обстоятельство:

«Литературный материал для томского журнала, насколько мне известно, был подготовлен к печати еще в январе, но, по цензурным и другим условиям дореволюционного времени, не мог быть своевременно напечатан. Это обстоятельство отразилось и на содержании журнала: в нем еще не видно революционных веяний, не чувствуется той свободы мысли и живости настроения, которыми характеризуется журнал „Юные годы“, всецело овеянный дыханием молодой русской революции» [СЖ 1917, № 169: 4].

В рецензии автор подробно разбирал содержание журнала «Мысли учащихся средней школы», описывал его структуру, жанровую систему, отмечая разнообразие представленных материалов: «здесь статьи научного и философского характера, и беллетристика, и стихи». Буквально в двух словах он остановился на каждом крупном материале номера:

«В рассуждении „Труд“ автор призывает молодое поколение к плодотворной работе усовершенствования жизни;

Статья „Требования жизни“ затрагивает серьезные недостатки школьной жизни: недостаточно живое отношение учащихся к знанию, бессознательную зубрежку учебников, подавление индивидуальности воспитанников, разлад между педагогами и родительскими комитетами;

В отделе беллетристики напечатано два рассказа: „Сережа Трубицын“ и „Нэмо“; в первом изображается трагическая гибель ученика, ставшего жертвой бездушного школьного формализма, второй представляет пересказ легенды осятков Нарымского края.

В отделе стихов помещено семь стихотворений: все они читаются с удовольствием, а некоторые, например, стих „Почему так много прозы, горя в жизни?“ можно назвать прямо-таки художественным» [СЖ 1917, № 169: 4].

Это перечисление, по-видимому, было предпринято в связи с тем, что ввиду ограниченности тиража журнала далеко не каждый смог бы познакомиться с его содержанием.

Несколько более подробно автор «Сибирской жизни» описал «литературный суд над Софьей Фамусовой, устроенный в политехническом училище в прошлом учебном году». Он подчеркивал:

«В речах молодых ораторов, защитников и обвинителей Софьи чувствуется биение молодой жизни, непосредственное, живое отношение к литературным типам; отчет дает более полное и яркое представление о героях комедии „Горе от ума“, чем любая статья присяжного литературного критика. В этом развитии жизненного отношения к литературе и заключается все значение литературных судов в школе» [СЖ, 1917, № 169: 4].

Действительно, и сама форма проведения занятия, которую в современных терминах можно назвать инновационной образовательной методикой, и отчет о нем представляют интерес и для современного исследователя.

Несмотря на доброжелательный (в целом) разбор содержания журнала «Мысли учащихся средней школы», рецензент, как уже было отмечено выше, ставил его гораздо ниже по значению, чем владивостокские «Юные годы», которые носят «другой характер». Второй журнал показывал, по мнению автора:

«...революция пробудила в нашей учащейся молодежи лучшие чувства и стремления; педагогам и родителям не надо упускать этого серьезного момента и дать учащимся все средства проявить в жизни лучшие стороны души и тем содействовать воспитанию в них истинных граждан свободной России» [СЖ 1917, № 169: 4]

Журнал «Юные годы», по оценке автора рецензии,

«...отразил в себе революционные настроения учащейся молодежи, которая, почувствовав свободу, вышла на широкий простор общественной жизни, общественных интересов» [СЖ 1917, № 169: 4].

Рецензия заканчивалась «двойным призывом»: к родителям и педагогам с одной стороны и к издателям школьных журналов, т. е. к учащейся молодежи, — с другой. От первых рецензент требовал:

«Почаще заглядывайте в ученические журналы: в них ключ к пониманию учащейся молодежи; здесь, часто замкнутая для нас, душа наших детей раскрывается перед нами шире и глубже, чем в семье и школе» [СЖ 1917, № 169: 4].

А учащимся рецензент «искренне желал»

«...продолжать со всей энергией начатое хорошее дело издания журналов; надеюсь, что в обновленной России ученические журналы не постигнет участь однодневного существования, которая была уделом в старой России. В добрый путь!» (СЖ 1917, № 169: 4).

«Мысли средней школы»: оценка второго выпуска

Оптимизм рецензента в отношении «долгоживучести» школьных журналов не сбился, — по крайней мере, «Мысли учащихся средней школы» во всех каталогах периодики фигурируют как единственный (ненумерованный) выпуск журнала. Однако стоит отметить, что в октябре 1917 г. «Сибирская жизнь» писала о выходе второго номера этого издания:

«Мысли средней школы. Вышел и поступил в продажу № 2 журнала „Мысли средней школы“. Журнал пока продается только в редакции при политехническом училище г. Томска, по понедельникам и четвергам от 5 до 7 часов вечера» [СЖ 1917, № 230: 3].

К сожалению, кроме этой заметки, никаких других сведений о втором выпуске нет; остается только надеяться, что его можно обнаружить в ранее не изученных архивах. Однако благодаря авторам «Сибирской жизни» мы частично можем восстановить содержание этого номера журнала — и одновременно познакомиться с оценкой, данной второму выпуску его современниками. Речь идет о материале «Мысли о „Мыслях средней школы“», опубликованном в 1917 г. в № 232 «Сибирской жизни», автор его выступил под псевдонимом Е. А. [СЖ 1917, № 232: 3].

Прежде всего, несмотря на «усеченное» название, можно было понять, что «Мысли средней школы» являлись продолжением «Мыслей учащихся средней школы»: журнал издавался все в том же томском политехническом училище, позицио-

нировал себя как второй номер уже существующего издания и, судя по рецензии, был выстроен по той же модели, что и номер первый. Автор «Сибирской жизни» указывал, что в нем были опубликованы статьи о науке и философии, о школьной жизни, стихотворения и рассказы. Однако заметно, что отношение рецензентов «Сибирской жизни» к первому и второму выпускам журнала резко противоположно: первый номер был воспринят достаточно благожелательно и получил общественную поддержку, отзыв о втором был резко критическим.

Рецензент писал о втором номере «Мыслей...»:

«Нельзя не приветствовать издания ученических журналов, как проявления самодеятельности в среде учащихся. Но все ли нужно печатать, что пишешь? Не лучше ли иногда погодить? Ведь для выступления перед публикой еще мало играть с бойкостью гаммы и пальцеломные экзерсисы, хотя на своем месте и в свое время это очень нужные и почтенные вещи» [СЖ 1917, № 232: 3].

Заявленное в первом же абзаце критическое отношение к новому выпуску журнала последовательно развивалось автором во всем тексте рецензии. Журналист писал о том, что общеученический журнал навел его на «грустные размышления»; он считал, что «можно упрекнуть редакцию за чересчур снисходительное отношение к произведениям своих сотрудников» [СЖ 1917, № 232: 3]. Рецензент акцентировал внимание на том, что даже школьный журнал должен устанавливать высокую планку качества для публикуемых произведений:

«С самых первых шагов в печати каждый автор должен развить в себе добросовестное, серьезное отношение к слову. Недаром Лев Толстой умолял юных писателей пожалеть наборщиков. Домашняя литература ни к чему не обязывает, можно написать приятелю приглашение на обед в стихах и послать сонет, поздравляя с Новым годом, но эти милые шутки еще не поэзия, и не следует ими обременять ни редакции, ни наборщиков. Надо очень много и упорно работать, чтобы завоевать себе право на печатание стихов» [СЖ 1917, № 232: 3].

Стихотворения в первую очередь подверглись критике рецензента. Он считал, что если бы редакция относилась более строго к оценке произведений, то

«...стихи г. Арго, г. Мошкевича и особенно гимназистки Л. не появились бы перед глазами читателя. Можно многое простить статьям, отвечающим переживаемому моменту, — они, так сказать, носят деловой характер, но от стихов следует требовать кое-что иное, кроме отклика на назревшие потребности» [СЖ 1917, № 232: 3].

Однако, судя по оценке автора «Сибирской жизни», не только «сиюминутность» отклика вредила поэзии школьного журнала. Не делая никаких скидок на юный возраст авторов, рецензент писал:

«На стихах авторов из упомянутого журнала безнадежный отпечаток. В последние два десятилетия русская стихотворная речь достигла такой высоты, она так обработана и со стороны изящества рифм, со стороны плавности, что каждый образованный человек без особого труда, не будучи поэтом, может сложить стих. Остается сделать один весьма печальный вывод при чтении стихов хотя бы гимназистки Л.: все завоевания русской поэзии ускользнули от нее. В таком журнале лучше видеть

дерзость новых начинаний, чем такую преждевременную старость, лучше сказать, отсталость» [СЖ 1917, № 232: 3].

Аргументы в поддержку своей идеи рецензент почерпнул в том числе и из самого журнала. Обращаясь к публицистической части журнала, он отмечал:

«У нас была плохая средняя школа — так говорят все, и с этого же начинается статейка „Свободная школа“ в журнале „Мысли средней школы“. Ее автор довольно энергично призывает своих товарищей к работе. Да, действительно, надо работать, и весь экземплярчик журнала громко говорит о необходимости этой работы. Только работа, медленный упор изо дня в день создает культурные ценности, и поэтому мы можем посоветовать авторам произведений в „Мыслях средней школы“ заняться серьезной обработкой и своих мыслей для печати <...>» [СЖ 1917, № 232: 3].

О том, что обработка материалов в журнале велась на очень низком уровне, рецензент доказывал на нескольких примерах. Первыми он приводил такие строки: «Они просят Его, понимаете Его — Всевышнего о том, что далеко на кровавых полях битвы гинут, страдают и мучаются люди» [СЖ 1917, № 232: 3] — и комментировал их:

«Я, признаюсь, не понял: о чем же, на самом деле, певшие молитву солдаты просят Всевышнего? Даже самые почтенные мысли, выраженные непонятно и сбивчиво, теряют свое значение» [СЖ 1917, № 232: 3].

Второй пример был приведен из фразы г. Хомя Темного:

«Если мы, образованная средняя школа, так неподвижно относимся к действительности, то какое же сознательное отношение к действительности мы будем требовать от простого деревенского мужика или от городской толпы гуляющего народа» [СЖ 1917, № 232: 3–4].

Рецензент писал:

«Для меня остается очень неясным определение „образованная“ при слове „школа“, совершенно непонятна такая комбинация „неподвижно относится“ и „городская толпа гуляющего народа“» [СЖ 1917, № 232: 4].

В итоге рецензент выражал надежду на то, что

«...наши указания не покажутся чересчур строгими. Ими больше, чем снисходительными похвалами, мы принесем пользу и проявим наш интерес к новому, заслуживающему внимания делу» [СЖ 1917, № 232: 4].

Таким образом, «Сибирская жизнь» не только информировала общество о местном школьном журнале, но и давала ученическому изданию рекомендации и «указания» с целью улучшения содержания и концепции, причем в довольно резкой форме. Поскольку третий номер журнала в итоге не был издан, можно предположить, что именно критика «Сибирской жизни» повлияла на решение издателей прекратить издание в существующем виде. Хотя сама идея общеученического издания не исчезла — она трансформировалась в проект газеты, о чем «Сибирская жизнь» сообщила в заметке «Газета учащихся» в конце 1917 г.:

«При томском союзе учащихся организуется издание газеты, которая должна быть общеученическим органом. Редакция просит всех учащихся помочь в этом деле доставлением материала. Рукописи принимаются в редакции <...> и в учебных заведениях делегатами союза учащихся; по почте можно направить секретарю редакции: 1 муж. гимн., 7 класс, Н. Ховес. Газета будет двухнедельной, литературный материал, кроме того, будет издаваться в виде отдельных сборников» [СЖ 1917, № 251: 3].

Ученическая журналистика Сибири в 1917 г.

Необходимо отметить, что томский журнал «Мысли учащихся средней школы» (а затем и задуманная газета) воспринимались читателями в контексте активизации школьной журналистики по всей Сибири, о чем свидетельствовали публикации «Сибирской жизни». Еще январе 1917 г. газета опубликовала статью под названием «Струны», в которой характеризовала омский рукописный ученический журнал. Однако прежде чем перейти непосредственно к оценке содержания этого нового органа печати, автор материала, выступивший под псевдонимом Вл. Б-в, дал следующую оценку школьной журналистики как своеобразного явления в мире учащейся молодежи:

«Всем известно, что учащаяся молодежь имеет своих поэтов, беллетристов, философов, жаждущих излить свои чувства и мысли в гимназических тетрадах, носящих громкое название журналов. Эти „журналы“ переписываются от руки, нередко печатаются на гектографе. И в прошлом „секретные издания“, несмотря на свою невинность, много причиняли страданий подросткам: учебное начальство неутомимо боролось с издателями, применяя к ним всякого рода наказания» [СЖ 1917, № 5: 3].

Школьная политика, по мнению автора, являлась главным препятствием на пути к развитию ученических журналов, приводя к тому, что «в таких условиях все, что чем рассказывала юность, гибло в стенах школы». Однако журналист высоко ценил потенциал подобных изданий, поскольку

«...гимназические тетради нередко являются лучшими отразителями „настрое-ний и дум“ нашей учащейся молодежи, и общество вправе было скорбеть по поводу недоступности таких материалов, в большинстве случаев, даже для семьи» [СЖ 1917, № 5: 3].

Теперь же, писал рецензент, в новое время, с «повевшим было в стенах нашей школы новым свободным духом» положение изменилось: «Мы с чувством удовлетворения наблюдаем опыты легального гимназического издательства» [СЖ 1917, № 5: 3]. Автору «Сибирской жизни» было известно о выходе школьного издания в Семипалатинске, о предполагаемом выходе подобного издания в Томске, и наконец в руках у него очутился присланный «для отзыва» первый номер журнала «Струны», «издающегося в Омске воспитанниками 1-й мужской гимназии (1916. Ц. 40 к.)» [СЖ 1917, № 5: 3].

Рецензент делился следующим впечатлением от сборника:

«Перед нами — крошечный, но подлинный документ, состоящий из 15 вещей, принадлежащих разным авторам.

Что же мы видим?.. Скорбно, растерянно, мрачно звучат молодые „Струны“ [СЖ 1917, № 5: 3].

В качестве аргументов, подтверждающих эту мысль, автор «Сибирской жизни» приводил примеры из журнала: «Прежде всего, школа... У одного автора, при воспоминании о латыни и древней истории, является чувство „нудной тягучей злобы“». Другой автор, пишет рецензент, воспринимает всю школу как «беспощадного и сильного» врага. Но школа — это одно, а

«Еще суровее, еще страшнее — за ее стенами. Жизнь наполняет юную неокрепшую душу мраком, вызывает в мозгу подростка большие фантастические картины, кошмарные образы» [СЖ 1917, № 5: 3].

Эти образы воплощены в поэзии «Струн», и в итоге, пишет рецензент, «закрываешь тетрадочку с острой тревогой за будущее юности»:

«Что-то надо предпринять, изменить в окружающей нас обстановке, проветрить, пока не поздно, душную, гнилую атмосферу, в которой на корню блекнут зеленые побеги будущего» [СЖ 1917, № 5: 3].

Если омские гимназисты произвели на читателей «Сибирской жизни» впечатление довольно безотрадное, то его мог несколько сгладить отзыв о барнаульском школьном журнале, помещенный в газете спустя месяц, в рубрике «По Сибири». Причем газета писала о новом журнале, опираясь на сведения другого органа печати:

«„Синие колокольчики“. В Барнауле, по словам „Жизни Аляты“, вышел рукописный журнал учениц гимназии „Синие колокольчики“. Газета посвящает юному изданию несколько теплых слов:

„Вышел в свет № 1-й прекрасно составленного и роскошно иллюстрированного журнала. Каким теплом, какой живительной свежестью пахнуло от этого маленького букетика юных дарований.

‘Синие колокольчики’ изданы с целью оказать помощь неимущим подругам — внести за них плату за учебу. И результаты уже есть.

Сколько в наших рассадниках просвещения пропадает ярких дарований, сколько гаснет ‘божьих искр’.

Ждем № 2 ‘Синих колокольчиков’, пусть они выходят и поят нас своим свежим ароматом юности и дарования» [СЖ 1917, № 34: 4].

Выводы

Таким образом, информационное сопровождение и «информационная поддержка» ученической печати осуществлялась газетой «Сибирская жизнь» в разных формах. Прежде всего, это собственно информирование читателей о замыслах новых изданий, об их подготовке, о выходе номеров и о содержании выпусков. Кроме того, газета публиковала авторские развернутые рецензии, посвященные отдельным журналам: в них подробно раскрывалась тематика материалов, давалась оценка художественным достоинствам произведений, определялась роль журналов для школьного сообщества, для понимания внутреннего мира учащейся молодежи.

При этом часть рецензий носила довольно критичный характер, поскольку редакция ставила себе целью не хвалить новые издания, а помогать им в профессиональном и художественном росте. Наконец, газета отслеживала информацию о новых школьных изданиях, перепечатывая заметки о них из «дружественных» органов периодики.

Необходимо отметить, что «информационное сопровождение» «Сибирской жизни» нельзя считать абсолютно исчерпывающим. Она писала, например, о барнаульском журнале «Синие колокольчики», не отраженном ни в одном каталоге периодики, и в этом смысле выступает уникальным источником информации об изданиях, не сохранившихся в архивах и библиотеках. Но в то же время она ничего не писала, например, о журнале «Ученическая мысль», ежемесячном органе союза учащихся г. Барнаула, издававшемся в 1917 / 1918-м учебном году [Сводный каталог 1972: 3]. Или давала рецензию на омский журнал «Струны», при этом не упоминая о журнале «Юность», двухнедельном научно-литературном и общественном журнале общеученической организации среднеучебных заведений Омска, первый номер которого вышел как раз в 1917 г. [Сводный каталог 1972: 89]. Поэтому исследователи журналистики могут учитывать «Сибирскую жизнь» в качестве дополнительного, но не единственного источника информации об ученической журналистике Сибири и Томска. С другой стороны, именно эта газета предоставляет сведения о проектах изданий, нередко нереализованных, либо воплотившихся под другими названиями, что дает возможность восстановить более полную историю ученических изданий, чем та, которая представляется при учете только выходявших газет и журналов.

Если говорить об оценке «Сибирской жизнью» региональной школьной журналистики, необходимо отметить, что она, как правило, приветствовала новые ученические издания, считала эти журналы — как рукописные, так и печатные — важной частью «внутренней жизни» учащейся молодежи. «Зеленые побеги будущего» — так называл школьные издания один из рецензентов «Сибирской жизни», и это определение можно считать ключевым в позиции газеты по отношению к ученической журналистике в целом. Внимание газеты к содержанию выходявших журналов позволяло читателям составить свое мнение относительно этих изданий, а современному исследователю в ряде случаев дает возможность частично воссоздать утраченные номера ученических изданий.

Источники

СЖ 1916; 1917 — *Сибирская жизнь*. 1916; 1917. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 01.07.2017).

Словари и справочники

Сводный каталог 1972 — *Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959)*. Ч. 1: Журналы. Продолжающиеся издания. Новосибирск: Гос. публ. науч.-техн. библиотека России, 1972, 283 с.

Литература

Акопов 1985 — Акопов А.И. *Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов)*. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985, 95 с.

- Балашова 2007 — Балашова Ю. Б. *Школьная журналистика Серебряного века*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007, 114 с.
- Еремин 2013 — Еремин А. Т. “Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги»)”. *Вестник Рос. гос. гуманитар. ун-та. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 10 (111), 2013: 18–42.
- Есипова, Шевцов 2016 — Есипова В. А., Шевцов В. В. “Томские самодеятельные журналы в процессах культурной идентификации учащейся молодежи”. *Вестник Томского гос. ун-та: Филология*. 5 (43), 2016: 147–160.
- Жилиякова, Шевцов 2016 — Жилиякова Н. В., Шевцов В. В. “Журнал «Товарищ» (1911 / 12 г.): Опыт разработки типологической модели издания для учащейся молодежи в журналистике Томска начала XX в.”. *Вестник Томского гос. ун-та: Филология*. 6 (44), 2016: 139–153.
- Корнилов 1984 — Корнилов Е. А. “Типология периодической печати: основные понятия и категории”. *Типология периодических изданий*. Корнилов Е. А. (ред.). Ростов н/Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1984, сс. 12–14.
- Леденева 2010 — Леденева Ж. А. “К истории гимназической журналистики (по материалам российских педагогических журналов XIX — начала XX в.)”. *Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Филология. Журналистика»*. 1, 2010: 144–149.
- Ляровский 2013 — Ляровский А. Б. “Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX — начала XX века как фактор социализации”. *Вестник Пермского ун-та. Серия «История»*. 2 (22), 2013: 117–125.
- Рушанин 2011 — Рушанин В. Я. *Печатные и рукописные издания Уральской учащейся молодежи в 1859–1917 годах*. Челябинск: Б. и., 2011, 164 с.

Статья поступила в редакцию 19 июля 2017 г.
Статья рекомендована в печать 28 сентября 2017 г.

Zhilyakova Nataliia Veniaminovna

National Research Tomsk State University,
36, Lenina av., Tomsk, 634050, Russia;
retama@ya.ru

Kartashova Tatiana Petrovna

Tomsk Regional Museum of Local Lore named after M. B. Shatilov,
75, Lenina av., Tomsk, 634050, Russia;
kartashova67@yandex.ru

“Information support” of school journalism of Siberia in the newspaper “Siberian Life” (1916–1917)

For citation: Zhiliakova N. V., Kartashova T. P. “Information Support” of School Journalism of Siberia in the newspaper “Siberian Life” (1916–1917). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 3, pp. 507–521. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.314> (In Russian)

The article analyzes the corpus of the publications of the leading newspaper of pre-revolutionary Siberia “Siberian Life”, dedicated to the school magazines of the region in 1916–1917. The purpose of this work is to identify the specific “information support” of student journalism in Siberia, carried out by the newspaper “Siberian Life” in 1916–1917. Such tasks as the identification of the corpus of publications of the newspaper for the period 1916–1917 devoted to the Siberian school journalism, an analysis of their content, an assessment of the genre-thematic specificity of materials are being solved. The main research methods are the front-line study of the contents of the newspaper “Siberian Life” for the period 1916–1917, a genre-thematic analysis of the corpus of identified materials. The study shows that the information support

and “information support” of the student press was carried out by the newspaper “Siberian Life” in various forms. Firstly, this is actually informing readers about the intentions of new publications, on their preparation, on the issue of numbers and on the content of issues. Secondly, the newspaper published author’s detailed reviews devoted to the individual journals: they detailed the subject matter of materials, assessed the artistic merits of works, defined the role of journals for the school community, and understood the inner world of students. At the same time, part of the reviews were of rather critical nature, since the editors considered it necessary not only to welcome the appearance of new publications, but also to help them in professional and artistic growth. Thirdly, the newspaper tracked information about new school editions, reprinting notes about them from “friendly” periodicals. The study allows talking about the activation of school journalism in Siberia in 1916–1917, which was due to the socio-political situation in Russia.

Keywords: school journalism, pupillary journal, *Siberian Life*, information support.

Sources

СЖ 1916; 1917 — *Sibirskaiia zhizn'* [Siberian Life]. 1916; 1917. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349025/> (accessed date: 01.07.2017). (In Russian)

Dictionaries and guides

Сводный каталог 1972 — *Svodnyi katalog periodiki Zapadnoi Sibiri (1789–1959)* [The Combined Catalog of the Periodicals of Western Siberia (1789–1959)]. Part 1: Zhurnaly. Prodolzhaishchiesia izdaniia [Magazines. Continuing Editions]. Novosibirsk: Russian National Public Library for Science and Technology Press, 1972, 283 p. (In Russian)

References

- Акопов 1985 — Akopov A. I. *Metodika tipologicheskogo issledovaniia periodicheskikh izdaniia (na primere spetsial'nykh zhurnalov)* [Methodology of Typological Study of Periodicals (on the Example of Special Journals)]. Irkutsk: Irkutsk University Press, 1985, 95 p. (In Russian)
- Балашова 2007 — Balashova Iu. B. *Shkol'naia zhurnalistika Serebrianaogo veka* [School Journalism of the Silver Age]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2007, 114 p. (In Russian)
- Еремин 2013 — Eremin A. T. “Mirovospriatie provintsial'nykh gimnazistov v nachale XX v. (po materialam rukopisnogo zhurnala «Shkol'nye dosugi») [The Mentality of Provincial Gymnasium Students in Early XX century (on the Basis of the Hand-written Journal “School Leisure Activities”)]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Seriiia «Istoriia. Filologiiia. Kul'turologiiia. Vostokovedenie»* [Series “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”]. 10 (111), 2013: 18–42. (In Russian)
- Есипова, Шевцов 2016 — Esipova V. A., Shevtsov V. V. “Tomskie samodeiatel'nye zhurnaly v protsessakh kul'turnoi identifikatsii uchashcheisia molodezhi [Tomsk Amateur Journals in the Process of Students’ Cultural Identification]”. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta: Filologiiia* [Bulletin of Tomsk State University: Philology]. 5 (43), 2016: 147–160. (In Russian)
- Жилиякова, Шевцов 2016 — Zhiliakova N. V., Shevtsov V. V. “Zhurnal «Tovarishch» (1911/12 g.): Opyt razrabotki tipologicheskoi modeli izdaniia dlia uchashcheisia molodezhi v zhurnalistike Tomska nachala XX v. [The Magazine “Tovarishch” (1911/12): An Experience of the Development of a Typological Model of a Periodical for Pupils in Tomsk Journalism at the Beginning of the 20th Century]”. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta: Filologiiia* [Bulletin of Tomsk State University: Philology]. 6 (44), 2016: 139–153. (In Russian)
- Корнилов 1984 — Kornilov E. A. “Tipologiiia periodicheskoi pečati: osnovnye poniatiiia i kategorii [Typology of Periodicals: Basic Concepts and Categories]”. *Tipologiiia periodicheskikh izdaniia* [Typology of Periodicals]. Kornilov E. A. (ed.). Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1984, pp. 12–14. (In Russian)

- Леденева 2010 — Ledeneva Zh.A. “K istorii gimnazicheskoi zhurnalistiki (po materialam rossiiskikh pedagogicheskikh zhurnalov XIX — nachala XX v.) [Towards History of Grammar-school Journalism (on Materials of Russian Pedagogic Journals of 19th Century and Beginning of 20th Century)]”. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta* [Bulletin of Voronezh State University]. Seriiia «Filologiiia. Zhurnalistika» [Series “Philology. Journalism”]. 1, 2010: 144–149. (In Russian)
- Ляский 2013 — Liarskii A.B. “Shkol’nye rukopisnye zhurnaly i gazety kontsa XIX — nachala XX veka kak faktor sotsializatsii [School Handwritten Journals and Newspapers of the Late 19th — Early 20th Centuries as a Factor of Socialization]”. *Vestnik Permskogo un-ta* [Bulletin of Perm University]. Seriiia «Istoriia» [Series “History”]. 2 (22), 2013: 117–125. (In Russian)
- Рушанин 2011 — Rushanin V.Ia. *Pechatnye i rukopisnye izdaniia Ural’skoi uchashcheisia molodezhi v 1859–1917 godakh* [Printed and Hand-written Editions of the Ural Schoolchildren in 1859–1917]. Cheliabinsk: No publ., 2011, 164 p. (In Russian)

Received: July 19, 2017

Accepted: September 28, 2017